

-Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования
«Восточно-Сибирский институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

*ПОСВЯЩАЕТСЯ
300-ЛЕТИЮ РОССИЙСКОЙ ПОЛИЦИИ
И 20-ЛЕТИЮ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ*

**УГОЛОВНЫЙ ЗАКОН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ**

Сборник материалов
межвузовской научно-практической конференции
(28 апреля 2017 г.)

Иркутск
Восточно-Сибирский институт МВД России
2017

ББК 67.408
УДК 343.2

Печатается по решению редакционно-издательского совета
ФГКОУ ВО «Восточно-Сибирский институт МВД России»

Уголовный закон Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования: сборник межвуз. науч.-практ. конф. (28 апреля 2017 г.) / гл. ред. П.А. Капустюк, отв. ред. Р.А. Забавко. – Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2017. – 220 с.

ISBN 978-5-9538-0045-7

Сборник составлен по материалам межвузовской научно-практической конференции «Уголовный закон Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования», проходившей в ФГКОУ ВО ВСИ МВД России 28 апреля 2017 г.

Представляет интерес для работников правоохранительных органов, судов, профессорско-преподавательского состава, адъюнктов, аспирантов, слушателей, студентов и курсантов образовательных организаций юридического профиля

ББК 67.408
УДК 343.2

Издано в авторской редакции

ISBN 978-5-9538-0045-7

© ФГКОУ ВО «Восточно-Сибирский институт МВД России», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛОЖЕНИЙ ОБЩЕЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

Камалиева А.Р. Проблемы реформирования уголовного законодательства	6
Воронов А.С., Марчевский Н.К., Бархатова Е.Н. К вопросу об оценочных понятиях в уголовном законе	12
Изметьева Е. А. К вопросу о месте и значении малозначительности деяния	17
Попов В.Н. Коррупция как признак преступного сообщества.....	22
Гриценко Е.Н. Проблемные вопросы ответственности исполнителя преступления.....	25
Зыков К.А. Необходимость правовой регламентации выполнения специального задания как обстоятельства, исключающего преступность деяния	29
Ефимушкина К.Э. Некоторые сложные вопросы квалификации преступлений со специальным субъектом	33
Романова А.С. Институт прикосновенности к преступлению в уголовном законодательстве зарубежных стран.....	36
Чернов А.В., Габеев С.В. О назначении наказания при рецидиве преступлений	38
Руколеев В.А. Соразмерность наказания в уголовном праве.....	43
Найманов А. В. Проблемы реализации уголовных наказаний в отношении осужденных инвалидов	46
Шерстова А.И. Амнистия в современной России: проблемы и перспективы.....	50
Земцова Е.С. Основные направления повышения эффективности применения принудительных мер воспитательного воздействия	54

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

Злобина О.Ю., Солодун Ю.В. Уголовно-правовая и медицинская характеристика вреда, причиненного преступлением	60
Постоялко А.А. К вопросу о разграничении доведения до самоубийства (ст. 110 УК РФ) и убийства (ст. 105 УК РФ)	63
Дядюн К.В. Проблемы толкования и применения признаков субъекта в нормах УК РФ, предусматривающих ответственность за посягательства на репродуктивные интересы	66

Шилкина А. А. О категории «заведомость» в преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности	70
Усов Е.Г. Объект преступления, предусмотренного ст. 138.1 УК РФ.....	76
Гармышев Я.В., Пузикова А.В. Ответственность за мошенничество в сфере предпринимательской деятельности.....	79
Паркина В.А., Живодрова Н.А. К вопросу об ответственности за мошенничество при получении средств материнского капитала.....	83
Куклин О.А., Сошникова И.В. Уголовно-правовой анализ состава мошенничества с использованием платежных карт	87
Страхова М.А., Живодрова Н.А. Проблема выявления преступлений, связанных с организацией и проведением незаконной игровой деятельности	92
Малыхина Т.А. Современное состояние проблемы незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов	96
Забавко Р.А. К вопросу об уголовной ответственности за присвоение незаконно добытых диких животных	100
Баранчикова М.В. Квалификация дорожно-транспортных преступлений при «обоюдной» вине	102
Таюрская Е.А. Уголовно-правовая характеристика признаков объективной стороны приведения в негодность транспортных средств или путей сообщения.....	106
Габеев С.В. Хулиганство, совершенное на железнодорожном, морском, внутреннем водном или воздушном транспорте, а также на любом ином транспорте общего пользования.....	113
Евдокимов К.Н. Актуальные вопросы квалификации неправомерного доступа к компьютерной информации на стадии возбуждения уголовного дела.....	119
Халиков И.А. Актуальные вопросы установления субъекта преступления, предусмотренного статьей 2431 УК РФ.....	125
Орищенко Р. Е. Актуальные вопросы разрешения конкуренции между служебными преступлениями и хищениями с использованием служебного положения в правоприменительной практике	130
Номогоева М.А. Установление ответственности за мелкое взяточничество: некоторые проблемные вопросы	134
Ивайловская Е.Е. Посредничество во взяточничестве: вопросы квалификации.....	140
Боронов А.М. К вопросу об отграничении взяточничества от мошенничества	145
Романова О.Ю. Критерии отграничения провокации взятки либо коммерческого подкупа от смежных составов	147

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Беляева Л.И.	
Н.А. Стручков об уголовной политике	154
Ишигеев В.С., Черных Р.С. Криминальная субкультура и её влияние на совершение преступлений в местах лишения свободы	157
Кобец П.Н. Опыт и проблемы противодействия совершению террористических актов террористами-смертниками	159
Швейгер А.О. Сценарии возможного изменения социально- экономических условий формирования криминальной картины транспортной системы, обслуживаемой Забайкальским ЛУ МВД России на транспорте	166
Тамбовцева Г.М. Региональная динамика поведения лиц с девиантным поведением и наркопреступность	170
Краснова К.А. Совершенствование мер предупреждения этнической организованной преступности в условиях второго десятилетия XXI века	178
Кузьмина Н.В. Проблемы типологии делинквентного поведения и этнических деликтов	183
Родивилина В.А., Родивилин И.П. К вопросу о личности преступника, совершающего преступления в сфере компьютерной информации	188
Чичёв А.А. Повышение превентивной роли уголовного закона в сфере предупреждения преступлений сквозь призму вопроса уголовной ответственности юридических лиц в отечественном законодательстве	191
Ивушкина О.В. Основные направления деятельности подразделений органов внутренних дел на транспорте по предупреждению краж грузов из подвижного состава железнодорожного транспорта	194
Лайкова Е.А. Миграционная преступность: состояние, причины и условия	198
Кузнецов К.В. Влияние отдельных антиобщественных национальных (этнических) традиций и обычаев на криминальную деятельность организованных этнических преступных формирований	202
Стешич Е.С. Аномия и правовой нигилизм как интегративные факторы преступлений, связанных с убийством	208
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	217

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛОЖЕНИЙ ОБЩЕЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

А.Р. Камалиева (г. Казань)

Проблемы реформирования уголовного законодательства

Образ мыслей ненаказуем
Д. Ульпиан

Модернизация российского общества, совершенствование системы общественных отношений является приоритетным направлением развития Российской Федерации. Одним из важнейших аспектов модернизации – правовой аспект: устранение препятствий (злоупотреблений, хищений, коррупции и т.п.) невозможно без грамотного использования уголовно-правовых инструментов, совершенствования правоохранительной и судебной системы государства.

Интенсивному обновлению подвергается уголовное законодательство. За прошедший, почти двадцатилетний период применения действующего Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) в него внесено множество изменений и дополнений. Так с 1998 г. по сегодняшний день принято две сотни Федеральных законов (далее – ФЗ), каждый из которых вносит свою лепту изменений.

В 2010 г. было принято 22 ФЗ, в 2013 – 22 ФЗ, в 2014 – 25 ФЗ. Динамика принятых ФЗ представлена на рис. 1.

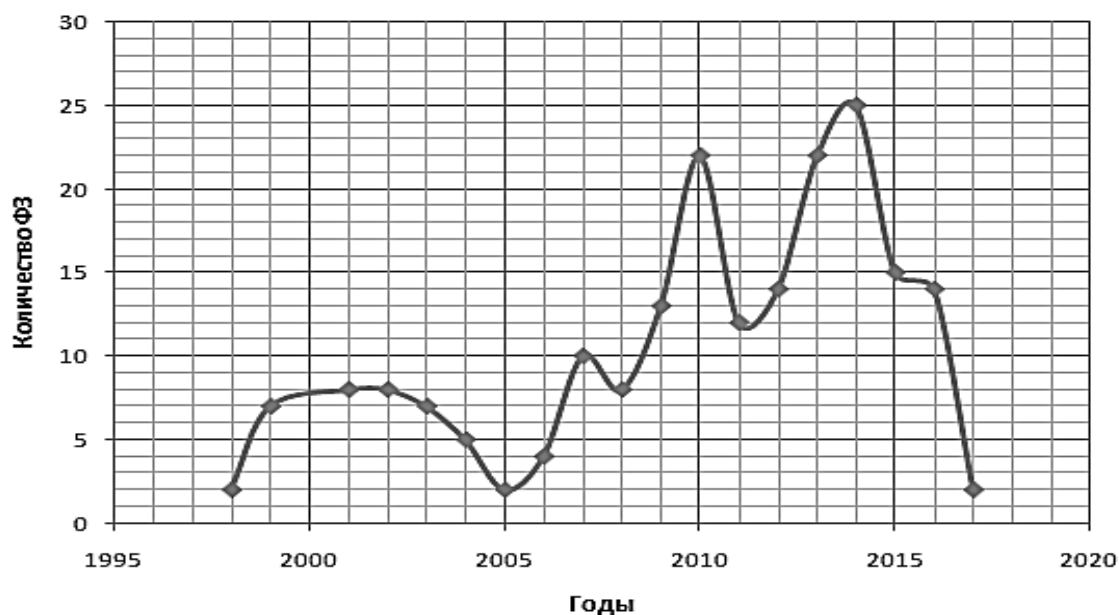

Рис. 1. Динамика принятых ФЗ, вносящих изменения в УК РФ в 1998–2017 гг.

Как видим по графику, изображенному на рисунке 1, в 2015-2016 гг. принято практически равное число ФЗ. Однако количество внесенных ими поправок в УК РФ значительно отличается. В 2015 г. было внесено 46 изменений в кодекс, тогда как в 2016 г. – 116.

Так в 2015 г. было принято 15 Федеральных законов, вносящих изменения в УК РФ: от 03.02.2015 № 7-ФЗ, от 08.03.2015 № 40-ФЗ и № 45-ФЗ, от 30.03.2015 № 67-ФЗ, от 23.05.2015 № 129-ФЗ, от 08.06.2015 № 140-ФЗ, от 08.06.2015 № 153-ФЗ, от 29.12.2014 № 476-ФЗ, от 31.12.2014 № 528-ФЗ, от 29.06.2015 № 192-ФЗ, № 193-ФЗ, № 194-ФЗ; от 13.07.2015 № 228-ФЗ, № 265-ФЗ, № 267-ФЗ; от 23.07.2013 № 245-ФЗ, от 28.11.2015 № 346-ФЗ, от 30.12.2015 № 441-ФЗ.

Наибольшее число поправок вступило в силу с 01.07.2015 г. Глава 27 «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта» была дополнена статьей 264.1 «Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию», регламентирующей ответственность за управление транспортным средством лицом, находящимся в состоянии алкогольного опьянения, подвергнутым административному наказанию за управление транспортным средством в состоянии опьянения либо имеющим судимость за совершение преступления, предусмотренного частями второй, четвертой или шестой статьи 264 кодекса.

Количество внесенных изменений в УК РФ в 2015 г. представлено в табл. 1.

Таблица 1

Изменения в УК РФ в 2015 г.

Редакция	30.12.2015	28.11.2015	25.07.2015	13.07.2015	29.06.2015	01.07.2015	19.06.2015	08.06.2015	23.05.2015	30.03.2015	08.03.2015	03.02.2015	ИТОГО
Количество поправок	1	1	1	9	6	13	2	1	1	4	6	1	46

В Особенную часть УК РФ внесено 44 изменения, тогда как в Общую часть – 2. В этот период большое число поправок было внесено в главу 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» (19 поправок), главу 27 «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта» (8 поправок) и главу 30 «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления» (8 поправок). Глава 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» была дополнена статьей 284.1 «Осуществление деятельности на территории Российской Федерации иностранной или международной неправительственной организа-

ции, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности».

Динамика внесенных количественных изменений в УК РФ в 2015 г. отражена на рис. 2.

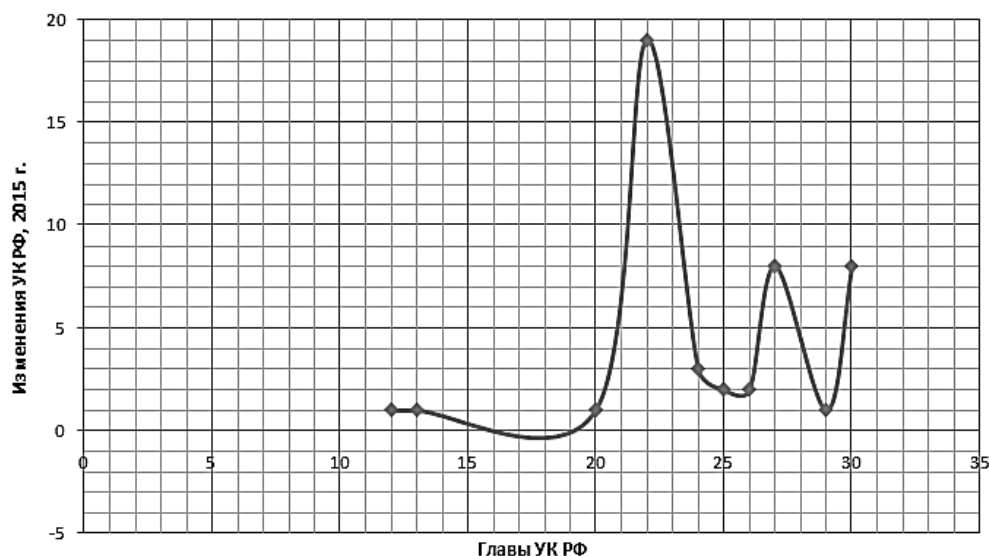

Рис. 2. Динамика внесенных количественных изменений в УК РФ в 2015 г.

В главу 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» Федеральным законом от 03.02.2015 № 7-ФЗ введена статья 234.1 «Незаконный оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ», регламентирующая ответственность за незаконное производство, изготовление, переработку, хранение, перевозку, пересылку, приобретение, ввоз на территорию РФ, вывоз с территории РФ в целях сбыта, а также за незаконный сбыт новых потенциально опасных психоактивных веществ, оборот которых в РФ запрещен. Федеральным законом от 23.07.2015 данная глава была дополнена статьей 243.3 «Уклонение исполнителя земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных или иных работ либо археологических полевых работ, осуществляемых на основании разрешения (открытого листа), от обязательной передачи государству обнаруженных при проведении таких работ предметов, имеющих особую культурную ценность, или культурных ценностей в крупном размере».

Федеральным законом от 08.03.2015 № 45-ФЗ изменено наименование статьи 178 с «Недопущение, ограничение или устранение конкуренции» на «Ограничение конкуренции».

Глава 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» дополнена статьей 170.2 «Внесение заведомо ложных сведений в межевой план, технический план, акт обследования, проект межевания земельного участка или земельных участков либо карту план территории», регламентирующей ответственность кадастрового инженера за подобные деяния.

Федеральным законом от 30.12.2015 № 441-ФЗ в главу 24 «Преступления против общественной безопасности» введена статья 215.4 «Незаконное проникновение на охраняемый объект», предусматривающая ответственность за незаконное проникновение на подземный или подводный охраняемый объект, охраняемый в соответствии с законодательством Российской Федерации о ведомственной или государственной охране. Проникновение на данные объекты признается незаконным, если оно совершено в нарушение установленного законодательством РФ порядка, а совершенным неоднократно, - если совершено лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию.

В 2016 г. было принято 14 Федеральных законов, вносящих изменения в УК РФ: от 19.12.2016 № 436-ФЗ, от 22.11.2016 № 392-ФЗ, от 06.07.2016 № 375-ФЗ, от 03.07.2016 № 323-ФЗ, № 324-ФЗ, № 325-ФЗ, № 328-ФЗ, № 330-ФЗ, от 23.06.2016 № 199-ФЗ, от 03.07.2016 № 329-ФЗ, от 02.06.2016 № 162-ФЗ, от 01.05.2016 № 139-ФЗ, от 30.03.2016 № 78-ФЗ. Количество внесенных изменений в УК РФ представлено в табл. 2.

Таблица 2

Изменения в УК РФ в 2016 г.

Редакция	30.03.2016	01.05.2016	02.06.2016	03.07.2016	06.07.2016	15.07.2016	22.11.2016	19.12.2016	ИТОГО
Количество правок	1	2	1	2	48	59	2	1	116

В 2016 г. в Особенную часть УК РФ внесено 96 изменений, в Общую часть – 20. Так же как и в 2015 г. наибольшее число правок претерпела глава 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» (28 поправок). Достаточно большое количество число поправок было внесено в главу 24 «Преступления против общественной безопасности» (18 поправок), главу 21 «Преступления против собственности» (15 поправок) и главу 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» (15 поправок).

Динамика внесенных количественных изменений в УК РФ в 2016 г. отражена на рис. 3.

Глава 11 «Освобождение от уголовной ответственности» была дополнена статьей 76.2 «Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа», которая определяет, что лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено судом от уголовной ответственности с назначением судебно-

го штрафа, если оно возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред. Понятие судебного штрафа и порядок определения его размера регламентированы вновь введенной в раздел VI главой 15.2 «Судебный штраф».

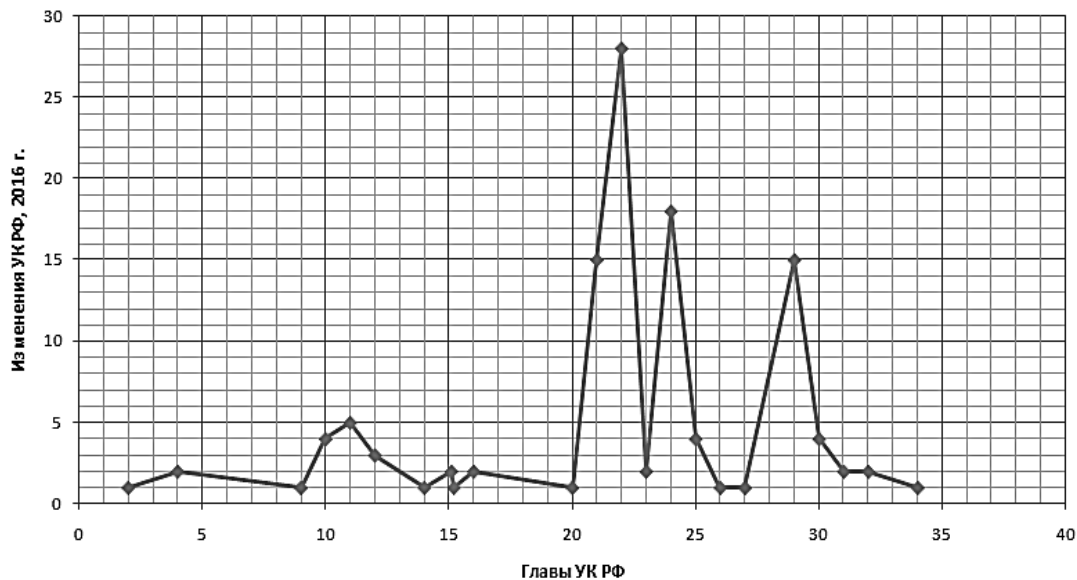

Рис. 3. Динамика внесенных количественных изменений в УК РФ в 2016 г.

Федеральным законом от 03.07.2016 № 323-ФЗ в главу 16 «Преступления против жизни и здоровья» введена статья 116.1 «Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию», – в главу 21 «Преступления против собственности» статья 158.1 «Мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию».

Глава 23 «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях» дополнена статьей 204.1 «Посредничество в коммерческом подкупе», определяющая понятие посредничества, дифференцирующая его виды и регламентирующая ответственность за данное деяние (Федеральный закон от 03.07.2016 г. № 324-ФЗ). Одновременно с этим введена статья 204.2 «Мелкий коммерческий подкуп», регламентирующая ответственность за коммерческий подкуп. Интересно, что лицо, совершившее передачу предмета мелкого коммерческого подкупа, освобождается от уголовной ответственности, если оно активно способствовало раскрытию и (или) расследованию преступления и либо в отношении его имело место вымогательство предмета подкупа, либо это лицо после совершения преступления добровольно сообщило в орган, имеющий право возбудить уголовное дело, о передаче предмета подкупа.

Федеральным законом от 03.07.2016 г. № 325-ФЗ упразднена статья 159.4 «Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности».

В главу 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» Федеральным законом от 30.03.2016 № 78-ФЗ введена статья 172.2 «Орга-

низация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества», регламентирующая наказание за организацию деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества физических лиц и (или) юридических лиц в крупном размере, при которой выплата дохода и (или) предоставление иной выгоды лицам, чьи денежные средства привлечены ранее, осуществляются за счет привлеченных денежных средств иных физических лиц и (или) юридических лиц при отсутствии инвестиционной и (или) иной законной предпринимательской или иной деятельности, связанной с использованием привлеченных денежных средств, в объеме, сопоставимом с объемом привлеченных денежных средств и (или) иного имущества. Эта же глава была дополнена статьей 200.3 «Привлечение денежных средств граждан в нарушение требований законодательства Российской Федерации об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости».

Глава 24 «Преступления против общественной безопасности» дополнена статьей 205.6 «Несообщение о преступлении», регламентирующая наказание за несообщение в органы власти о лице (лицах), которое по достоверным сведениям готовит, совершает или совершило хотя бы одно из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ.

В главу 30 «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления» введена статья 291.2 «Мелкое взяточничество», согласно которой получение взятки, дача взятки лично или через посредника в размере, не превышающем десяти тысяч рублей наказываются штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех месяцев, либо исправительными работами на срок до одного года, либо ограничением свободы на срок до двух лет, либо лишением свободы на срок до одного года. Лицо, совершившее дачу взятки, освобождается от уголовной ответственности, если оно активно способствовало раскрытию и (или) расследованию преступления и либо в отношении его имело место вымогательство взятки, либо это лицо после совершения преступления добровольно сообщило в орган, имеющий право возбудить уголовное дело, о даче взятки.

Федеральным законом от 06.07.2016 № 375-ФЗ введена в главу 34 «Преступления против мира и безопасности человечества» статья 361 «Акт международного терроризма», которая регламентирует ответственность за совершение вне пределов территории РФ взрыва, поджога или иных действий, подвергающих опасности жизнь, здоровье, свободу или неприкосновенность граждан РФ в целях нарушения мирного сосуществования государств и народов.

Законодатель в стремлении улучшить уголовное законодательство идет излюбленным методом «проб и ошибок», оперативно реагируя на ди-

намично развивающуюся социальную действительность, наполненную все более изощренными криминальными вызовами. Но неизбежна в этом случае двойственность ситуации: с одной стороны, вносимые поправки в силах улучшить отдельные статьи уголовного законодательства, но с другой – активное реформирование уголовного законодательства вступает в противоречие со сложившейся системностью норм уголовного права.

В современных условиях речь идет о кризисе уголовной политики государства, если рассматривать ее как долгосрочную стратегию оптимизации мер противодействия преступности, а правовой базой такой стратегии является, бесспорно, уголовное и уголовно-процессуальное законодательство.

Подводя итог вышесказанному, хочется поддержать идею о целесообразности разработки и принятия нового Уголовного кодекса РФ, высказанную российскими учеными [1, С. 18]. Остается надеяться, что при разработке нового УК РФ будут устранены все слабые места, имеющие место в действующей редакции.

Список литературы и источников

1. Дуюнов В.К. Реформирование уголовного законодательства должно быть обоснованным / В.К. Дуюнов// Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 212. № 1. С. 12-18.

А.С. Воронов, Н.К. Марчевский, Е.Н. Бархатова
(г. Иркутск)

К вопросу об оценочных понятиях в уголовном законе

Проблема оценочных понятий в науке уголовного права существует уже на протяжении длительного времени. Применение на практике оценочных понятий вызывает затруднение у 97% следователей, 82% прокуроров, 92% судей. Многие ученые публикуют статьи относительно данного факта. Впервые термин «оценочные признаки» в своих трудах использовал С. И. Вильнянский. Он полагал, что оценочные признаки – это возможность должностных лиц с учетом индивидуальных особенностей свободно оценивать факты [2]. Я. М. Браинин под оценочными понятиями предлагал понимать неуточненные законодателем положения, которое должностное лицо обязано конкретизировать в определенной ситуации при применении уголовного закона [1].

Таким образом, по сути, оценочные понятия – это называемые, но не определяемые уголовным законом понятия, используемые при конструировании уголовно-правовых норм, при описании признаков составов преступлений (влияющие на квалификацию конкретного преступления), тол-

кование которых осуществляется правоприменителем самостоятельно в каждом конкретном случае исходя из всех обстоятельств дела.

Причинами появления оценочных понятий в УК РФ являются следующие:

- 1) динамизм общественных отношений;
- 2) неоднозначность социальной обстановки в стране в тот или иной исторический период;
- 3) многообразие форм человеческого поведения и его результатов [3].

Основными причинами ошибок при применении норм с оценочными понятиями являются: отсутствие рекомендаций относительно содержания оценочных понятий, неверное установление круга явлений, которые охватываются конкретными оценочными понятиями, включение в число признаков, характеризующих те или иные оценочные понятия, других оценочных понятий [4].

Как верно отмечается в юридической литературе, использование оценочных признаков неизбежно. Особенно это касается экологических преступлений, т.к. ни один Уголовный кодекс не в состоянии предусмотреть все правила поведения людей в столь многообразной и развивающейся сфере.

Таким образом, институт оценочных понятий не обошел стороной и гл. 26 УК РФ «Экологические преступления». Законодатель в основном использует оценочные понятия при описании общественно опасных последствий. В большинстве статей данной главы имеются различные оценочные признаки: «значительный ущерб» - ст. 255, 262 УК РФ и др.; «крупный ущерб» - ст. 258 УК РФ и др.; «существенный ущерб» - 247, 250, 252 УК РФ и др.; «иные тяжкие последствия» - ст. 246, 249 УК РФ и др.

Подобная ситуация предполагает возможность применения аналогии в тех составах где количественные характеристики не определены. Проблема изучения составов экологических преступлений – это по факту проблема анализа бланкетных диспозиций. В то же время на практике перед правоприменителем зачастую возникают сложные и неразрешимые задачи относительно применения норм. Так при анализе ст. 258 УК РФ «Незаконная охота» одним из широко обсуждаемых вопросов является именно понятие «крупного ущерба» как одного из признаков необходимых для признания деяния преступным [6].

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда от 5 ноября 1998 г. № 14 п. 16 при определении крупного ущерба судам следует исходить из количества добытого, поврежденного или уничтоженного, распространения животных, их отнесение к специальным категориям, например к редким и исчезающим видам, экологическую ценность, значимость для конкретного места обитания, охотничьего хозяйства, а также иные обстоятельства содеянного [5].

Толкование Пленумом Верховного суда РФ вышеуказанной нормы является нормативным толкованием, т.е. распространяющимся на все слу-

чаи применения толкуемой нормы права, что, по сути, позволяет использовать его в качестве источника права [11].

Однако, вопреки имеющемуся толкованию, в судебной практике достаточно часто встречаются неодинаковые решения в определении понятия «крупный ущерб», что приводит к трудностям квалификации содеянного и разграничения административной и уголовной ответственности.

Кроме того, зачастую сам законодатель вносит значительную долю неразберихи в решение данного вопроса. Так, например, остается неясным критерий разграничения административного правонарушения, ответственность за которое предусмотрена частью 2 статьи 7.11 КоАП РФ (т.е. добыча копытных животных и медведей, относящихся к охотничьим ресурсам, без разрешения, если разрешение обязательно, либо с нарушением условий, предусмотренных разрешением), и преступления, предусмотренного пунктом «а» части 1 статьи 258 УК РФ (т.е. незаконная охота, если это деяние совершено с причинением крупного ущерба), о чем свидетельствует и правоприменительная практика [10].

Так, согласно постановлению Мирового судьи судебного участка № 1 Тутаевского судебного района Ярославской области №5-89/2017 Чарушкин В.Н. незаконно добыл две особи взрослых (самцов) лосей. Действия его были квалифицированы по ч. 2 ст. 7.11 КоАП и назначено наказание в виде лишения права осуществлять охоту на срок один год [8]. А согласно постановлению Мирового судьи судебного участка № 29 Галичского судебного района Костромской области № 1-17/2017 Шамонов А.Ю., который произвел 4 выстрела по лосю - самке, стоявшей в лесном массиве, убил данного зверя. Действия этого лица были квалифицированы по ч. 1 ст. 258 УК РФ [9].

Таким образом, по сути, одни и те же деяния и вызванные ими последствия подпадают и под нормы, предусматривающие административную ответственность, и под нормы, предусматривающие уголовную ответственность, что создает возможность необоснованного применения административной ответственности вместо установленной уголовной ответственности.

При определении крупного ущерба необходимо определить денежное выражение ущерба, с установлением при расчете всех перечисленных обстоятельств, т.е. определить тарифы стоимости с учетом распространения популяции, ее ценности и т.д. Коэффициенты должны определяться субъектами РФ самостоятельно на основе важности пород, распространенности и экологической ценности. А в УК РФ установить только сумму крупного ущерба. Таким образом, вред, причиненный от незаконной охоты, будет рассчитан согласно, общей тарифной сетки с учетом умножения на коэффициенты в конкретной области.

Кроме этого, считаем необходимым, итоговую сумму ущерба определять не конкретно определенной статьи, а для все главы в целом. Таким образом, необходимо исключить из УК РФ примечания к ст. 256, 260, 261 УК РФ и внести одно общее для всей главы примечание к ст. 246 УК РФ.

На основе проведенного анализа, считаем, что использование оценочных понятий в УК РФ, в случаях, когда имеется возможность законодательного фиксированного количественного выражения в денежном эквиваленте с установлением при расчете причиненного ущерба всех обстоятельств, характерных для конкретного состава преступления, противоречит принципам уголовного законодательства.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 N 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» толкуются и другие оценочные понятия. Однако в принятом постановлении даются разъяснения не всех признаков с неустойчивым содержанием и далеко не ко всем составам экологических преступлений. К примеру, в п. 5 постановления от 18 октября 2012 г. дается определение понятия иных тяжких последствий только применительно к ст. 246 УК: это такое ухудшение качества окружающей среды и ее компонентов, устранение которого требует длительного времени и больших финансовых затрат (например, массовые заболевания или гибель объектов животного мира, в том числе рыбы и других водных биологических ресурсов; уничтожение условий для их обитания и воспроизводства; уничтожение объектов растительного мира, повлекшее существенное сокращение численности указанных объектов; деградация земель). Однако «иные тяжкие последствия» выступают альтернативно-конструктивным признаком и преступлений, предусмотренных ст. 248, 249 и 257 УК.

Понятие значительного ущерба как конструктивного признака объективной стороны отдельных экологических преступлений разъясняется в п. 27 постановления Верховного Суда РФ применительно к преступлению, предусмотренному ст. 262 УК. При этом высшей судебной инстанцией страны указано, что при решении вопроса о том, причинен ли в результате нарушения режима особо охраняемой природной территории значительный ущерб, надлежит исходить из конкретных обстоятельств дела, в частности категории особо охраняемых природных территорий, их экономической, социальной, исторической, культурной, научной значимости, способности природного ресурса к самовосстановлению, количества и стоимости истребленных, поврежденных компонентов природной среды; в необходимых случаях суд привлекает соответствующих специалистов либо экспертов. Вместе с тем, категория значительного ущерба не раскрывается применительно к ст. 255 УК, предусматривающей ответственность за нарушение правил охраны и использования недр.

При использовании оценочных понятий в нормах об экологических преступлениях имеются и объективные и субъективные предпосылки. В юридической литературе предлагаются точки зрения относительно избавления от оценочных понятий не только в гл. 26 «Экологические преступления», но и во все Уголовном кодексе в целом [7]. Однако, мы считаем, что на данный момент нет необходимости исключать оценочные понятия из УК РФ. Их нужно свести до минимума, т.е. необходимо совершенство-

вать законодательные формулировки. Прибегать к оценочным понятиям можно, но в целях недопущения нарушения правил законодательной техники при выборе конкретного термина и способа его изложения.

Подводя итог, нужно сказать, что институт оценочных понятий уже прочно закрепился во многих статьях УК РФ. Многие авторы посвящают данной проблеме целые монографии, предлагая избавиться от данного института. Однако, по нашему мнению, оценочные понятия имеют право на существование в УК РФ, но при их описании должны учитываться их свойства, а также приемы законодательной техники, позволяющие максимально точно отразить волю законодателя при криминализации конкретных общественно опасных деяний.

Список литературы и источников

1. Брайнин Я.М. Уголовный закон и его применение. М., 1967. С. 122.
2. Вильнянский С.И. Применение норм советского права // Ученые записки Харьковского юридического института. 1956. № 7. С. 3-18.
3. Левина Д. Н. Теоретические проблемы толкования и применения оценочных понятий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. С. 13.
4. Наумов А.В. Применение уголовно-правовых норм: учебное пособие. Волгоград, 1973. С. 98.
5. О практике применения судами законодательства об ответственности за экологические правонарушения: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 № 14 // Российская газета. 1998. 8 ноября. С. 14.
6. Пикуров Н. И. Применение следователем уголовно-правовых норм с бланкетной диспозицией / Н.И. Пикуров. Волгоград, 1985. С. 35.
7. Питецкий В. В. Оценочные понятия в советском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1979.
8. Постановление Мирowego судьи судебного участка № 1 Тутаевского судебного района Ярославской области №5-89/2017. URL: <https://rospravosudie.com>.
9. Постановление Мирowego судьи судебного участка № 29 Галичского судебного района Костромской области № 1-17/2017. URL: <https://rospravosudie.com>.
10. Шевчук О.Л. Разграничение уголовной и административной ответственности за добычу копытных животных и медведей // Законность. 2015. № 1. С. 56–57.
11. Шубин Ю.П. Судебный прецедент как источник экологического права // Ленинградский юридический журнал. 2014. № 1 (35). С. 133–143.

К вопросу о месте и значении малозначительности деяния

Практика борьбы с преступностью всегда сталкивалась и сталкивается на сегодняшний день с деяниями, актами поведения людей формально преступными, но отличающимися от уголовно противоправных действий (бездействия) своей сущностью. Определенное место среди подобных форм поведения занимают малозначительные деяния (ч. 2 ст. 14 УК РФ). Каково же это место, каково значение категории «малозначительность деяния» в теории уголовного права и правоприменительной практике? Значение данной категории трудно переоценить.

Можно сказать, что четко определенные критерии малозначительности позволяют отграничивать преступное поведение от непротивоправного. Функциональное значение изучаемой категории состоит еще и в том, что с ее помощью «законодатель разрешает диалектическое противоречие между формой (уголовной противоправностью) и содержанием (общественной опасностью) деяния, не допуская разрыва их единства» [1, С. 60.].

Наличие в уголовном законодательстве нормы о малозначительности поведения способствует реализации принципа гуманизма, закрепленного в ст. 7 УК РФ. Категория, о которой ведется речь, есть «хорошо апробированный гуманистический ориентир уголовного права» [2, С. 242.]. Вместе с тем это, своего рода, проявление экономии уголовно-правовой репрессии. Ведь не каждое формально преступное поведение «заслуживает» реакции со стороны государства в виде уголовно-правовых мер. Зачастую достаточно мер административного, дисциплинарного характера. Благодаря этому, наличие нормы о малозначительных формах поведения позволяет соответствующим органам тщательнее подходить к расследованию уголовных дел, не допуская необоснованного привлечения к уголовной ответственности.

В научной литературе на сегодняшний день остается открытым вопрос о природе малозначительности. Ни в теории, ни в практике вопроса единства мнений не наблюдается. Одни (Т. В. Церетели, В. Г. Макашвили, П. С. Дагель, И. И. Слуцкий, А. Н. Трайнин, А. И. Санталов, Ю. И. Ляпунов, А. А. Тер-Акопов и др.) относят малозначительность к числу обстоятельств, исключающих преступность деяния [3, С. 73.; С. 204.; С. 11-12.; С. 12.; С. 64; С. 242.]. По мнению М. М. Якубовича единственно правильным отнесение к «действиям, исключающим общественную опасность и противоправность деяния, лишь тех, которые в момент их совершения не представляют никакой общественной опасности» [4, С. 7.]. Такое утверждение позволяет сделать вывод о малозначительности как единственном основании исключения преступности поведения. Авторы теоретической модели Уголовного кодекса, также рассматривая малозначительность в качестве обстоятельства, исключающего преступность поведения, ссылаются на

«единство юридической природы обстоятельств, предполагающих неправомерность деяний, внешне сходных с преступлениями» [5, С. 121.].

Другие, анализируемую категорию оценивают, как явление весьма близкое к освобождению от уголовной ответственности, а возможно, и как один из специальных видов освобождения от уголовной ответственности [6, С. 17.].

Учитывая полную неясность в вопросе, на который мы обратили внимание, считаем необходимым разграничить малозначительность поведения с другими обстоятельствами, исключающими, изменяющими и прекращающими уголовные правоотношения. И начнем, пожалуй, с обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Как уже было отмечено, в юридической литературе делаются попытки отнести малозначительность деяния к обстоятельствам, изложенным в главе 8 УК РФ. Действительно, у обстоятельств, исключающих преступность содеянного, и малозначительности поведения есть общие признаки. Среди них можно выделить следующие:

- 1) вредоносность поведения лица;
- 2) малозначительное деяние и деяние лица при наличии обстоятельств главы 8 УК РФ формально преступно;
- 3) обстоятельства, исключающие уголовную противоправность, так же как малозначительность устанавливаются на момент действия (бездействия);
- 4) и ч. 2 ст. 14, и ст. ст. 37-42 УК РФ исключают возникновение (отказ в возбуждении уголовного дела) или прекращают уже возникшие (прекращение уголовного преследования) уголовные правоотношения. При этом, основание отказа в возбуждении уголовного дела или его прекращения в обоих случаях реабилитирующее – отсутствие в поведении состава преступления. А это при том, что поведение с признаками малозначительности и обстоятельств, исключающих преступность содеянного, содержит все признаки состава преступления;
- 5) исключение и прекращение уголовных правоотношений возможно на любой стадии уголовного судопроизводства.

Но есть и принципиальные отличия, дающие основание рассматривать вывод о единой природе малозначительности и обстоятельств, исключающих уголовную противоправность, как изначально ошибочный. Так, обстоятельство – это «условие, определяющее положение, существование чего-либо; обстановка», а малозначительность – скорее свойство поведения лица, а не условие и тем более обстановка. Суть же малозначительности, как справедливо заметил А. Н. Соловьев, заключается «во внутреннем «конflikте» социального и юридического признаков поведения, результатом разрешения которого становится новое уголовно-правовое понятие (малозначительное деяние), единое с преступлением по форме и отличное по содержанию» [7, С. 150.]. Кроме того, малозначительность не исключает уголовную противоправность поведения лица (в действии или бездействии последнего формально содержатся признаки какого-либо состава

преступления, предусмотренного Уголовным кодексом Российской Федерации), а аннулирует ее [8, С. 44].

Очень важно разграничивать два этих понятия: «исключение» и «аннулирование» преступности поведения. Ведь что означает исключение уголовной противоправности. Оно означает, что нарушение уголовного запрета устанавливается изначально. Его нет и быть не может. Другое дело, что могут иметь место ошибки правоприменения, когда органами дознания и предварительного следствия в результате неправильного толкования нормы уголовного закона признается преступный характер ряда действий (бездействия). Аннулирование же предполагает, что в поведении лица устанавливаются, хоть и формально, признаки состава преступления. Но в силу определенных причин (применительно к ч. 2 ст. 14 УК РФ — это малозначительность влекущая отсутствие общественно опасного характера в содеянном) преступность поведения аннулируется, устраняется.

Как правило, «исключение» преступности действия (бездействия) носит условный характер. Условный в том смысле, что его констатация зависит от соблюдения определенных условий. Например, действия лица в состоянии необходимой обороны от посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, не являются преступными только в том случае, если им не было допущено превышение пределов необходимой обороны (ч. 2 ст. 37 УК РФ). Безусловным в этом плане является исключение уголовной противоправности поведения лица. С учетом изложенных соображений представляется недостаточно мотивированным предложение Р. Р. Галиакбарова о введении в научный оборот формулировки «малозначительность, исключаящая преступность деяния» [9, С. 77.].

Следует отметить также и то, что подавляющее число поступков, включающих преступность деяния, характеризуются свойством общественной полезности. Непреступное деяние, формально содержащее признаки преступления, совершается лицом для защиты правоохраняемых интересов или достижения общественно полезных целей. В отдельных случаях можно говорить о социальной допустимости (приемлемости) такого поведения. Для малозначительного поведения подобные свойства не характерны.

Таким образом, малозначительность — свойство не преследующего общественно полезные цели поведения лица, безусловно аннулирующее его преступность. Представляется, что предложенной формулировкой определяется особое место малозначительности поведения в теории уголовного права. Именно по признаку аннулирования, а не исключения уголовной противоправности отличаются ситуации, предусмотренные ч. 2 ст. 14 УК РФ от обстоятельств, изложенных в гл. 8 УК РФ. В свете этого заслуживает критического отношения высказывание А. В. Иващенко: «причинение вреда выступает важным признаком, отличающим данные обстоятельства (обстоятельства гл. 8 УК РФ — разъяснение наше) от ситуаций, которые предусмотрены ч. 2 ст. 14 УК» [10, С. 171-172.]. Малозначитель-

ное поведение также причиняет вред охраняемым общественным отношениям. Просто вред этот не достигает уровня общественно опасного, является менее серьезным, то есть количественно не соответствует степени общественно опасного поведения.

Необходимо подчеркнуть, что по ряду признаков основания освобождения от уголовной ответственности и малозначительность разнятся принципиально:

а) поведение лица при наличии оснований для освобождения от уголовной ответственности является вредоносным и, более того, общественно опасным. Хотя степень общественной опасности относительно небольшая (преступления небольшой и средней тяжести), но она есть. Малозначительное же поведение вредоносно, но отнюдь не общественно опасно;

б) ст. 75-78 уголовного закона предполагают исключение и прекращение уголовных правоотношений по нереабилитирующим основаниям, те есть лицо считается совершившим преступление. В его поведении формально и фактически содержится состав преступления. Содеянное не только формально, но и по сути является преступным. А вот ч. 2 ст. 14 УК РФ презюмирует лишь формальную уголовную противоправность поведения лица и реабилитирующее основание отказа в возбуждении уголовного дела или его прекращения – отсутствие состава преступления. Последняя формулировка относительно малозначительности как юридического факта, влияющего на уголовно-правовые отношения, представляется не совсем корректной. Ведь, как уже было отмечено, поведение лица при наличии признаков малозначительности формально содержит все признаки состава преступления;

в) условия, с которыми законодатель в главе 11 Уголовного кодекса связывает исключение или прекращение уголовных правоотношений, проявляются в постпреступном поведении лица (ст. ст. 75, 76) или же имеют место после совершения преступления независимо от поведения субъекта (ст. ст. 77, 78). Малозначительность же устанавливается на момент действия или бездействия.

Отдельные исследователи рассматривают малозначительность деяния как вид добровольного отказа от преступления. Нельзя согласиться с такой позицией. Да, эти юридические факты (добровольный отказ и малозначительность) обладают рядом общих признаков, но это вовсе не дает основания для их отождествления. Каковы же эти общие признаки? Во-первых, и малозначительное деяние, и действия лица при добровольном отказе от преступления причиняют хоть и небольшой, но вред. Во-вторых, и в том, и в другом случае содеянное лицом формально сходно с преступлением. Но при добровольном отказе сходства с приготовлением к преступлению или покушением на него наблюдаются в основном по объективным признакам. А в случае с малозначительностью сходства (и не только с неоконченным составом) распространяются также на субъективную сферу. В-третьих, наличие обоих юридических фактов определяется на момент совершения действия или бездействия. В-четвертых, и ч. 2 ст.

14 и ст. 31 УК РФ – это безусловное основание непривлечения лица к уголовной ответственности. Исключение или прекращение уголовно-правовых отношений возможно на стадиях возбуждения уголовного дела, предварительного расследования и судебного разбирательства. В-пятых, отказ в возбуждении уголовного дела, прекращение уголовного преследования при наличии признаков добровольного отказа, так же, как и мало-значительности, осуществляется по реабилитирующему основанию – ввиду отсутствия в поведении состава преступления. Добровольный отказ от преступления предполагает как фактическое, так и формальное отсутствие состава оконченного преступления. Если же говорить о преступлении неоконченном, то следует заметить, что при добровольном отказе в действии (бездействии) лица есть все признаки приготовления или покушения на преступление, кроме одного – причины прекращения реализации преступного намерения. Добровольный отказ в отличие от неоконченного преступления предполагает зависимость этих причин от воли лица. Мало-значительное же поведение формально содержит признаки состава преступления, хотя бы неоконченного (то есть прекращенного по независящим от лица обстоятельствам).

Суммируя высказанные соображения по вопросу о месте и значении мало-значительности поведения в теории уголовного права и правоприменительной практике, подведем некоторые итоги. Проведенное соотношение мало-значительности с другими обстоятельствами, исключающими и прекращающими уголовные правоотношения, позволяет говорить о том, что категория ч. 2 ст. 14 УК РФ не принадлежит ни к одному из них, по своей правовой природе наиболее близка к обстоятельствам, исключающим преступность деяния. Но категорически приравнивать мало-значительность к последним с учетом имеющихся различий, о которых было сказано выше, думается, неправильно. Мало-значительность, как свойство поведения лица, безусловно аннулирующее его преступность, занимает отдельную, особую нишу в теории уголовного права. Это абсолютно самостоятельная категория специфического вредоносного поведения.

Список литературы и источников

1. Якименко, Н. М. Мало-значительность деяния в советском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук / Н. М. Якименко; ВНИИ МВД СССР. М., 1982.
2. Мальцев, В. В. Проблема отражения и оценки общественно опасного поведения в уголовном праве: дис. ... д-ра юрид. наук / В. В. Мальцев. М., 1993.
3. Церетели, Т. В. Состав преступления как основание уголовной ответственности / Т. В. Церетели, В. Г. Макашвили // Советское государство и право. 1954. № 5. С. 73-78; Дагель, П. С. Субъективная сторона преступления и ее установление / П. С. Дагель, Д. П. Котов. Воронеж: Изд-во Воронеж, ун-та, 1974; Слуцкий, И. И. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность / И. И. Слуцкий. Л.: Изд-во Ленинград, ун-та,

1956; Трайнин, А. Н. Общее учение о составе преступления / А. Н. Трайнин. М.: Госюриздат, 1957; Ляпунов, Ю. И. Общественная опасность деяния как универсальная категория советского уголовного права / Ю. И. Ляпунов. М.: ВЮЗШ МВД СССР, 1989; Российское уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева и А. В. Наумова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Спарк, 2000.

4. Якубович, М. И. Обстоятельства, исключающие общественную опасность и противоправность деяния: учебное пособие / М. И. Якубович.

5. Сахаров, А. Б. Малозначительность деяния. Уголовный закон: опыт теоретического моделирования / А. Б. Сахаров; отв. ред. В. Н. Кудрявцев.

6. Овезов, Н. А. К вопросу об обстоятельствах, устраняющих общественную опасность и противоправность деяния в советском уголовном праве / Н. А. Овезов. Ашхабад: Ылым, 1972.

7. Соловьев, А. Н. Понятие преступления: теоретические, законодательные и правоприменительные аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. Н. Соловьев. Волгоград, 2000.

8. Рогова, Е. В. Малозначительность деяния в зарубежном и российском уголовном законодательстве / Е. В. Рогова // Научный вестник Омской академии МВД России. 2012. № 4. – С. 44-48.

9. Галиакбаров, Р. Р. Уголовное право. Общая часть: учебник / Р. Р. Галиакбаров. Краснодар, 1999.

10. Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. д-ра юрид. наук, проф. А. И. Марцева. Омск: Юридический ин-т МВД России, 1998.

В.Н. Попов (г. Иркутск)

Коррупция как признак преступного сообщества

Противодействие организованной преступности является важной задачей как во всём мире, так и в России. Преступные сообщества совершают нападения на руководителей государственных органов, сотрудников правоохранительных органов, а также членов их семей, способны контролировать средства массовой информации, используя их в своих целях, способствуют развитию коррупции. Коррупционированность представителей власти, проникновение в официальную политику и легальный бизнес способствуют налаживанию преступными сообществами связей с международной организованной преступностью [8, С. 3]. В свою очередь, коррупция наносит огромный урон системе государственного управления, а также в целом экономике – по оценке ряда исследователей, вред от неё составляет 500 миллиардов долларов или около 1% от мирового

ВВП [2, С. 12]. Можно сказать, что рассматриваемая нами тема довольно актуальна.

Верховный Суд РФ в п. 24 Постановления Пленума от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)» затрагивал вопрос связи организованной преступности и коррупции. Однако он лишь указал на то, что наличие коррупционных связей у какого-либо лица в преступном сообществе может свидетельствовать о его лидерстве в нём [6]. Мы же считаем, что признак коррупции позволяет отграничить преступное сообщество от просто организованной группы, поскольку она является составляющей деятельности таких организаций.

Как считают некоторые авторы, коррупция – одна из основных причин неуклонного усиления организованной преступности. Коррупционные связи, позволяют обеспечить благоприятные условия для противоправной деятельности преступных сообществ, уходу от ответственности, в то время как сами коррупционеры получают возможность использовать организационные, финансовые и другие ресурсы преступных группировок [10, С. 137].

Организованная преступность нацелена на систематическое использование преступных средств и методов обеспечения собственного существования, следовательно, эти субъекты вынуждены вырабатывать соответствующие систематические средства и методы защиты от деятельности правоохранительных органов государства. Организованные преступники в силу специфики их образа жизни вынуждены заботиться об обеспечении безопасности своей деятельности постоянно, в отличие от стихийных преступников, которые предпринимают лишь эпизодические усилия по сокрытию следов совершенных преступлений [1, С. 76]. Подобная деятельность и толкает преступные организации на установление долгосрочных, устойчивых отношений с правоохранительными органами, которые очень сложно выявить, поскольку коррумпированные сотрудники органов владеют достаточным уровнем знаний и возможностей, для того, чтобы противодействовать раскрытию подобных преступлений [9, С. 134].

Преступные сообщества в силу систематичности их деятельности испытывают потребность не только в пассивном, но и в активном влиянии на все основные органы государственной или муниципальной власти, регулирующие основные сферы деятельности общества. Таким образом, преступные организации стремятся выстраивать коррупционные отношения не только с правоохранительными органами, но и с органами законодательной, исполнительной и судебной властями, что способствует безопасности и результативности действий субъектов организованной преступности [4, С. 29]. В.В. Барис и С.Я. Яковлев отмечают, что неизбежность стремления к установлению таких отношений на долговременной основе следует из постоянства и систематичности организованной преступной деятельности, поэтому деятельность организованных преступных формиро-

ваний, является основным источником распространения коррупции в органах государственной власти [1, С. 77].

Итак, по-нашему мнению, взаимосвязь между преступными сообществами и коррупцией однозначна. Недавно исследователи писали о том, что преступные организации стремятся проникнуть в органы власти, указывали на тенденции сращивания представителей организованной преступности с представителями государственной власти, о продвижении на руководящие посты лиц, каким-либо образом связанных с криминальными формированиями. Сейчас же говорят о том, что они уже проникли во власть и занимают там определенные позиции [7, С. 62]. Как утверждает В.В. Меркурьев, коррупция стала неотъемлемой частью организованной преступности [5, С. 31]. Данная связь закономерна, обусловлена самой природой преступных сообществ, поэтому, признак коррупции в осуществлении своей деятельности должен рассматриваться как необходимый элемент в понимании организованной преступности, позволяющий отграничить преступные сообщества (преступные организации) от организованных групп, где такой характерный признак отсутствует [3, С. 379].

Список литературы и источников

1. Барис В. В., Яковлев С. В. Сущность организованной преступности в ее взаимосвязи с коррупцией и внутриполитическими процессами // Вестник Московского университета. 2009. № 4. С. 72-80.
2. Биркин М. М. Организованная и профессиональная преступность в России // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2013. № 1. С. 7-15.
3. Галактионов Е. А. Соучастие и организованная преступная деятельность (Теория и практика): дис. ... д-ра юрид. наук: СПб., 2002. 450 с.
4. Годунов О. И. О некоторых вопросах противодействия организованной преступности // Научный поиск. 2016. № 2.1. С. 28-30.
5. Меркурьев В. В. Криминологическая характеристика организованного сопротивления борьбе с преступностью // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 3. С. 25-41.
6. О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней): постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 10 июня 2010 г. № 12. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Прокофьева Т. В. Особенности функционирования современных организованных преступных формирований экономической направленности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. № 15. С. 61-68.

8. Севастьянов Д. Л. Противодействие организации преступного общества (преступной организации): криминологическое исследование : дис. ... канд. юрид. наук / Д. Л. Севастьянов. Рязань, 2013. 183 с.

9. Фролов В. В., Фролова О. В. Коррупция и наркопреступность: взаимосвязь и проблемы противодействия // Юридическая наука: история и современность. 2013. № 9. С. 132-136.

10. Шайдуллин Р. Р. Коррупция в системе организованной преступности России // Современное право. 2012. № 7. С. 136-138.

Е.Н. Гриценко

(научный руководитель К.В. Дядюн; г. Владивосток)

Проблемные вопросы ответственности исполнителя преступления

Проблема ответственности соучастников преступления выступает одной из самых обсуждаемых в отечественной уголовно-правовой теории. Несмотря на то, что эта проблема появилась еще в начале XIX века и институту соучастия в целом посвящено немалое количество научных трудов, до сих пор отдельные положения законодательства о дифференциации уголовной ответственности соучастников преступления содержат внутренние противоречия, либо не соответствуют сложившимся социальным реалиям, а потому нуждаются в корректировках.

В юридической литературе выделяется три подхода к определению ответственности соучастников: концепция акцессорности; концепция индивидуальной ответственности; концепция ответственности за фактически совершенное деяние с учетом стадии осуществления действий исполнителем. Концепция акцессорности основывается на особой роли исполнителя и учете общего умысла соучастников. Сторонники концепции индивидуальной ответственности считают, что соучастие неакцессорно по своей природе, совершение групповых преступлений «совершенно не вписывается в теорию акцессорности» [1, С. 82-83]. Данная позиция находит свое отражение и в действующем Уголовном кодексе РФ: «ответственность соучастников преступления определяется характером и степенью фактического участия каждого из них в совершении преступления» (ч. 1, ст.34 УК РФ) [2].

В своей работе мы придерживаемся третьей концепции, согласно которой соучастники несут ответственность за фактически совершенные ими деяния, но с учетом стадии преступления, осуществленной исполнителем. А. В. Наумов подчеркивает необходимость учета следующих критериев при определении ответственности соучастников: совместное совершение преступного деяния, виновность, самостоятельность [3, С.212].

Определяя ответственность исполнителя, законодатель исходит из трех разновидностей исполнителей: лицо, непосредственно совершившее преступление; лицо, непосредственно совершившее преступление совместно с другими лицами (соисполнитель); посредственный исполнитель (лицо, совершившее преступление посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности).

В связи с этим, первой проблемой в свете рассматриваемой темы выступает расширение круга исполнителей, непосредственно совершивших общественно-опасное деяние [4, С. 183].

Так, например, под непосредственным исполнителем изнасилования понимается не только лицо, совершившее насильственный половой акт, но и лицо, содействовавшее в совершении данного преступления путем применения насилия к потерпевшей [5].

В нарушение изложенного толкования закона, Пермский краевой суд, фактически установив в приговоре, что К. содействовал другому лицу в совершении преступления путем применения насилия к потерпевшей, удерживал ее с целью изнасилования, квалифицировал его действия как пособничество в покушении на изнасилование, в то время как его действия подлежали квалификации как покушение на изнасилование [6]. В данном случае пособником следует признавать лицо, которое хотя и содействовало совершению преступления, но не применяло физического насилия.

Во-вторых, дискуссионным вопросом в рамках рассматриваемой темы является институт соисполнительства [7, С.149]. Ключевым признаком здесь является осуществление объективной стороны преступного деяния совместно с другими лицами.

Данный признак можно рассмотреть на примере конкретного судебного дела. Так, Д. совершила покушение на незаконный сбыт наркотических средств в составе группы лиц по предварительному сговору. 22 февраля 2016 года, действуя совместно и согласованно, по предварительному сговору с неустановленным лицом, получив от последнего наркотическое средство - гашиш массой 2,74 грамма, что является значительным размером, с целью последующего сбыта путем передачи ФИО15, содержащемуся в СИЗО-1, пришла в административное здание УФСКН, где была задержана сотрудниками на контрольно-пропускном пункте. Согласно утверждениям суда действия Д. и неустановленного лица, направленные на распространение наркотических средств, носили совместный, согласованный характер. Следовательно, имеет место соисполнительство в незаконном сбыте наркотических средств [8].

Не менее важной проблемой представляется привлечение к ответственности лица, которое участвует в преступлении, выполняя объективную сторону конкретного состава преступления и используя при этом других лиц, не подлежащих уголовной ответственности (малолетних, невменяемых и т.п.).

Исходя из действующего законодательного подхода, совершение преступления посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств, не образует соучастия, в силу отсутствия одного из объективных признаков соучастия.

Так, К. вместе с ранее знакомыми несовершеннолетними лицами, пришел к мини-рынку, тайно совместно с ними похитил скутер. К. был осужден за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления и за кражу. Несовершеннолетние «подельники» ответственности не подлежали в силу недостижения установленного законом возраста [9].

Однако в судебной практике относительно подобной ситуации имеется и другое мнение. Так, в Определении Верховного Суда РФ от 18 мая 2006 г. N 35-о06-14 указано, что не основана на законе позиция, согласно которой действия виновного нельзя считать совершенными группой лиц по предварительному сговору в связи с признанием второго лица невменяемым [10].

Внимание заслуживает и другой пример различной квалификации действий посредственного исполнителя. В первоначальной редакции п. 12 Постановления от 27 декабря 2002 г. N 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (далее - Постановление N 29) было закреплено, что в случае совершения кражи несколькими лицами без предварительного сговора их действия следует квалифицировать по п. «а» ч. 2 ст. 158 УК по признаку «группа лиц», если в совершении этого преступления совместно участвовали два или более исполнителей, которые в силу ст. 19 УК подлежат уголовной ответственности за содеянное.

Последнее изменение на текущий момент п. 12 Постановления N 29 претерпел с принятием Постановления от 23 декабря 2010 г. N 31 «Об изменении и дополнении некоторых Постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» [11]. Верховный Суд посчитал достаточным оставить разъяснение о том, что действия лица, совершившего преступления, предусмотренные ст. ст. 158, 161 или 162 УК посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу предусмотренных УК обстоятельств, образуют посредственное исполнение. При этом п. «а» ч. 2 ст. 158, п. «а» ч. 2 ст. 161 и ч. 2 ст. 162 УК в подобных ситуациях быть применены не могут. Подобный подход представляется верным с тем уточнением, что с позиции терминологии в данном случае правильней говорить о посредственном совершении, поскольку о других соучастниках ничего не сказано.

Тем не менее, суды не всегда следуют разъяснениям Верховного Суда. Так, Челябинский областной суд вынужден был изменить приговор в отношении И., поскольку судом первой инстанции он был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 158 УК,

за совершение кражи с лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности [12].

Таким образом, законодательное закрепление ответственности исполнителя преступления требует совершенствования. Во-первых, необходимо усовершенствовать понятие исполнителя, которое в настоящий момент имеет достаточно широкое толкование. В целом анализ постановлений Верховного Суда РФ позволяет говорить о тенденции в сторону отказа от жесткой позиции в части признания посредственного исполнения групповым соучастием. Однако необходимо сделать несколько оговорок. При определении роли лица в преступлении, совершаемом при соучастии, необходимо четко разграничивать фактически совершаемые действия лиц, которые образуют объективную сторону состава преступления, ведь от этого зависит их квалификация соучастника в качестве соисполнителя либо пособника. Во-вторых, необходимо на уровне Постановлений Верховного Суда разъяснить возникающие вопросы при совершении преступлений в соучастии в отношении дел об убийстве, поскольку это может привести к возникновению негативных последствий в процессе применения уголовно-правовых норм.

Список литературы и источников

1. Ситникова А.И. Законодательно-текстологическое моделирование института соучастия в преступлении // *Lex Russica*. 2016. № 2 (111). С.81-99.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации (ред. от 03.04.2017) СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 21.04.2017).
3. Янковский Д.А. Совершенствование правил назначения наказания за преступление, совершенное в соучастии // *Пробелы в российском законодательстве*. 2015. № 4. С. 212-217.
4. Балеев С.А. К вопросу об определении исполнителя как вида соучастника преступления в уголовном праве // *Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки*. 2012. №4. С. 183-185.
5. О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2004 N 11 (ред. от 14.06.2013) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 21.04.2017).
6. Апелляционное определение № 22-168/2015 22-9529/2014 от 20 января 2015 г. по делу № 22-168/2015. URL: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 21.04.2017).
7. Зацепин А.М. Квалификация исполнительства преступления по признаку непосредственного участия в совершении преступления совместно с другими лицами (соисполнителями) // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2015. №11. С.148-150.

8. Приговор Кировского районного суда г. Томска № 1-467/2016 от 11 ноября 2016 г. по делу № 1-467/2016. URL: <http://kirovsky.tms.sudrf.ru> (дата обращения 21.04.2017).

9. Апелляционное постановление № 22-751/2014 от 15 мая 2014 г. по делу № 22-751/2014. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/qyJATBVAbhJp/> (дата обращения: 22.12.2016).

10. Определение Верховного Суда РФ от 18 мая 2006 г. N 35-о06-14. URL: http://sudbiblioteka.ru/vs/text_big2/verhsud_big_34813.htm (дата обращения: 22.12.2016).

11. Об изменении и дополнении некоторых Постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2010 N 31 (ред. от 22.12.2015) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 21.04.2017).

12. Апелляционное постановление Челябинского областного суда от 25 ноября 2014 г. по делу N 10-6368/2014 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 22.12.2016).

К. А. Зыков (г. Иркутск)

Необходимость правовой регламентации выполнения специального задания как обстоятельства, исключающего преступность деяния

Отечественное уголовное законодательство прошло довольно долгий путь формирования системы обстоятельств, исключающих преступность деяния. С принятием УК РФ 1996 года перечень ОИПД был существенно расширен, но одним из обстоятельств, не урегулированных нормами действующего уголовного законодательства, является причинение вреда при выполнении специального задания.

Актуальность решения вопроса об уголовно-правовой оценке причинения вреда при выполнении специального задания обуславливается особой важностью борьбы с организованной преступностью. В современном обществе масштабы развития организованных форм преступности являются особо опасными и существенно осложняют обеспечение законности и правопорядка. Возникает необходимость поиска наиболее эффективных методов борьбы с ней. И как верно отмечают некоторые авторы, «мировой опыт борьбы с организованной преступностью убедительно свидетельствует, что успех в значительной, если не в решающей, степени зависит от наличия у правоохранительных органов в этой среде надежных конфиденциальных источников информации, эффективного их использования» [4, С. 50.]. Но существует значимая проблема правовой незащищенности

внедряемых в преступные группы сотрудников органов внутренних дел, а также лиц, содействующих правоохранительным органам.

Суть проблемы заключается в том, что в практике оперативно-розыскной деятельности нередко возникают ситуации, когда таким лицам вынужденно приходится идти на совершение преступления в соучастии с другими членами этой группы. У данных лиц возникает выбор – совершить преступление и быть подвергнутым наказанию по всей строгости закона, на благо которого они осуществляли деятельность по внедрению в преступные группы, или отказаться от нарушения закона, оказаться разоблаченным и подвергнуть себя и своих близких неминуемой угрозе расправы со стороны преступников. Как мы видим, и в том и в другом случаях наступают негативные последствия.

В такой сложной ситуации, по мнению многих авторов, «следует предусмотреть законодательный компромисс между интересами борьбы с преступностью, интересами лица оказывающего содействие, с одной стороны, и правоохраняемыми интересами, на которые осуществляется посягательство, - с другой» [1, С. 48.]. Такой компромисс должен состоять в закреплении в Уголовном Кодексе РФ выполнения специального задания в качестве обстоятельства, исключающего преступность деяния.

Многие авторы отмечают, что Федеральный Закон Российской Федерации от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности») содержит положение, которое допускает вынужденное причинение вреда оперативными сотрудниками или лицами, оказывающими им содействие, при правомерном исполнении служебного долга. Казалось бы, теоретически данное положение можно рассматривать в качестве обстоятельства, исключающего преступность деяния. Но российское уголовное законодательство полностью кодифицировано и единственным его источником является Уголовный кодекс РФ, поэтому для надлежащей регламентации правовой защиты рассматриваемой категории лиц необходимо внести соответствующие изменения именно в УК РФ.

Для решения вопроса о необходимости закрепления института выполнения специального задания следует рассмотреть зарубежный опыт. Рассматриваемый институт закреплён в той или иной форме в Уголовных кодексах Белоруссии, Казахстана, Украины, Чехии, Эстонии, а также в уголовном законодательстве США. Так, Инструкция по тайным операциям ФБР США 1987 года вообще исключает уголовную ответственность сотрудников ФБР и их осведомителей при совершении деяний с целями: добычи информации, имеющей значение для привлечения лиц к уголовной ответственности; поддержания достоверности легенды в глазах членов преступной организации; а также предупреждения опасности для жизни и здоровья людей [3, С. 70.]. В ст. 38 УК Белоруссии закреплено, что «не подлежит уголовной ответственности лицо, которое, выполняя в соответствии с

действующим законодательством специальное задание по предупреждению, выявлению или пресечению преступления и действуя с другими его участниками, вынужденно совершит преступление». Норма не распространяется на лиц, совершивших тяжкое и особо тяжкое преступление против жизни и здоровья человека. В ст. 34.1 УК Казахстана данный институт допускает причинение вреда при осуществлении любых оперативно-розыскных мероприятий. Указанная норма не распространяется на лиц, совершивших деяния, сопряженные с угрозой жизни и здоровью людей, экологической катастрофы, общественного бедствия и иных тяжких последствий. Ст. 43 УК Украины предполагает привлечение к уголовной ответственности при выполнении специального задания только лишь за умышленное совершение особо тяжкого преступления, сопряженного с насилием над потерпевшим, или тяжкого преступления, сопряженного с причинением потерпевшему тяжкого телесного повреждения или наступлением иных тяжких или особо тяжких последствий. При этом украинский законодатель пошел несколько дальше, регламентировав правовые гарантии для лиц, выполняющих специальное задание, которых возможно привлечь к ответственности по вышеизложенным основаниям. По п. 3 ст. 43 УК Украины такое лицо не может быть осуждено к пожизненному лишению свободы, а наказание в виде лишения свободы не может быть назначено ему на срок более половины максимального срока лишения свободы, предусмотренного законом. Таким образом, институт выполнения специального задания как обстоятельство, исключающего преступность деяния (или уголовную ответственность) закреплён в уголовном законодательстве многих государств с различными ограничениями, но с идентичной сущностью.

На основе зарубежного опыта и доктринальных источников можно сформулировать основные особенности рассматриваемого института. Во-первых, совершение преступления должно носить вынужденный характер и преследовать социально-полезную цель – предупреждение совершения новых преступлений, выявление, пресечение и раскрытие уже совершенных преступлений [2, С. 41.]. Во-вторых, должно быть подтверждение того, что лицо выполняет специальное задание, оформленное в соответствии с законодательством об оперативно-розыскной деятельности. В-третьих, должна быть определенная соразмерность, то есть достижение вышеназванной социально-полезной цели «только применительно к групповой преступности и лишь в двух ее формах – организованной группе и преступной организации» [2, С. 41.].

Наиболее спорный вопрос заключается в пределах правомерного причинения вреда при выполнении специального задания. Большинство авторов предлагает закрепить в качестве ограничения данного института возможность привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших при выполнении специального задания тяжкое или особо тяжкое преступление против жизни и здоровья. С одной стороны, это верно, ведь Консти-

туция гласит, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, и охранять эту ценность необходимо от любых посягательств. Но, с другой стороны, в практике зачастую возникают случаи, когда лицо вынужденно совершает именно тяжкое преступление, так как значительную роль как квалифицирующего признака играет совершение преступления в составе группы лиц. Поэтому необходимо предусмотреть определенный компромисс, подобный тому, который существует в УК Украины. Необходимо закрепить правовые гарантии смягчения наказания лиц, привлекаемых к уголовной ответственности за совершение тяжких и особо тяжких преступлений при выполнении специального задания. Для этого, на наш взгляд, необходимо ввести в УК РФ статью 64.1 «Назначение наказания при совершении тяжкого или особо тяжкого преступления против жизни и здоровья при выполнении специального задания» следующего содержания: «1. Срок или размер наказания лицу, признанному виновным в совершении тяжкого преступления против жизни и здоровья при выполнении специального задания, не может превышать половины максимального срока, предусмотренного за совершение преступления. 2. Лицо, признанное виновным в совершении особо тяжкого преступления против жизни и здоровья при выполнении специального задания, не может быть приговорено к смертной казни или пожизненному лишению свободы, а наказание назначается в пределах санкции, предусмотренной соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса».

Таким образом, на основании вышеизложенного следует сказать, что необходимость закрепления в УК РФ выполнения специального задания как обстоятельства, исключаящего преступность деяния, обусловлена практической потребностью борьбы с организованной преступностью. Поэтому следует согласиться с С.В. Пархоменко в том, что в Уголовный Кодекс РФ следует внести статью 38.1 следующего содержания:

«Статья 38.1. Причинение вреда при выполнении специального задания

Не совершает преступления тот, кто, выполняя в соответствии с действующим законодательством специальное задание, принимая участие в организованной группе или преступной организации в целях предупреждения совершения ими преступления либо выявления и раскрытия их преступной деятельности, вынужденно причинит вред охраняемым уголовным законом интересам» [2, С. 41.].

Список литературы и источников

1. Доманов Д.В. Имитация преступного поведения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. Иркутск. 2012, № 1 (60). С. 47-53.
2. Пархоменко С. В. Причинение вреда при выполнении специального задания // Законность. М., 2004, № 8. С. 40-41.

3. Радченко Е.В. Причинение вреда при выполнении специального задания в уголовном законодательстве зарубежных стран // Сибирский юридический вестник. Иркутск, 2012. № 4(59). С. 69-75.

4. Савинский А.В., Циммерман И.М. Юридическое обеспечение оперативного внедрения требует совершенствования // Российский следователь. М.: Юрист, 2005, № 11. С. 50-52.

К.Э. Ефимушкина (г. Иркутск)

Некоторые сложные вопросы квалификации преступлений со специальным субъектом

На сегодняшний день проблемы квалификации совместной преступной деятельности вызывают значительные трудности не только в правоприменительной практике, но и в теории уголовного права. В большинстве своем это объясняется сложностью, многообразием форм проявления такого феномена, как совместная преступная деятельность. К тому же имеет место нестабильность судебной практики, противоречие ее в ряде случаев положениям теории соучастия, а также несоответствие теоретических положений потребностям борьбы с преступностью. Несмотря на то, что институт соучастия в УК РФ 1996 г. значительно уточнен и детализирован по сравнению с предшествующим уголовным законодательством, тем не менее, он требует дальнейшего совершенствования, особенно при квалификации соучастия в преступлениях, совершаемых специальными субъектами [5, С.144].

Впервые в уголовном законе 1996 г. было закреплено положение о соучастии со специальным субъектом преступления, которое имеет свои особенности уголовной ответственности при совместном совершении общественно опасного деяния при распределении ролей (ч. 4 ст. 34 УК РФ). Исполнителем в данных преступлениях может быть только то лицо, которое обладает специальными признаками, указанными в соответствующей статье Особенной части УК РФ. Остальные соучастники преступления, в свою очередь, будут нести ответственность как организаторы, подстрекатели или пособники. Важно, что ответственность будет зависеть от характера и степени фактического участия каждого из них в совершении преступления.

Наглядно демонстрирует соучастие в преступлении со специальным субъектом такой состав преступления, как изнасилование, совершаемое группой лиц (п. «б» ч. 2 ст. 131 УК РФ). Примечательно, что специальным субъектом данного преступления может быть лицо, характеризующееся социально-демографическим признаком мужского пола, достигшее 14 лет. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16

«О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» разъяснил, что «групповым изнасилованием должны признаваться не только действия лиц, непосредственно совершивших насильственное половое сношение или насильственные действия сексуального характера, но и действия лиц, содействовавших им путем применения физического или психического насилия к потерпевшему лицу или к другим лицам». При этом действия лиц, которые прямо не совершали насильственных действий сексуального характера или насильственного полового сношения, но применяли насилие или угрозы к потерпевшему, тем самым содействуя другим лицам в совершении преступления, следует квалифицировать как соисполнительство в совершении изнасилования или насильственных действий сексуального характера [1, С. 3]. Именно поэтому в уголовно-правовой литературе и следственно-судебной практике специальным субъектом при соисполнительстве в групповом изнасиловании признается также и лицо женского пола. Как справедливо заметил проф. Б. В. Волженкин, что в этой ситуации приходится сталкиваться с отступлением от правила, сформулированного законодателем в ч. 4 ст. 34 УК РФ [3, С. 12].

Необходимо обратить внимание на ситуацию, когда соисполнительство осуществляется двумя и более должностными лицами, т.е. специальными субъектами, которые обладают рядом управленческих функций в организации, и, заранее договорившихся о получении незаконного вознаграждения каждым за каждое совершенное преступное деяние соответственно. Преступление здесь будет признаваться оконченным с момента принятия незаконного вознаграждения хотя бы одним из входящих в преступную группу должностных лиц. Необходимо также уточнить, что действия тех лиц, которые не обладают признаками специального субъекта, предусмотренными в ст. ст. 290, 204 УК РФ, участвующих в получении взятки или коммерческого подкупа, квалифицируются как посредничество во взяточничестве (ст. 291¹ УК РФ) или соучастие в коммерческом подкупе (ст. 204 УК РФ со ссылкой на ст. 33 УК РФ) соответственно.

Также широкий интерес по вопросу квалификации совершенного деяния представляют дела, когда идет речь о соучастии специального и общего субъектов. В таком случае, в соответствии с разъяснением Пленума Верховного Суда РФ в п. 22 Постановления № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», если лицо не отвечает признакам специального субъекта, предусмотренным ст. 160 УК РФ, однако непосредственно участвует в хищении имущества согласно предварительной договоренности с лицом, которому указанное имущество вверено юридическим или физическим лицом на законном основании, должно нести уголовную ответственность по ст. 33 и ст. 160 УК РФ в качестве организатора, подстрекателя или пособника [2].

Для того, чтобы правильно квалифицировать преступление со специальным субъектом, необходимо проследить его вариации «сотрудничества» с другими субъектами преступления.

В том случае, когда наряду с исполнителем соучастники (организатор, подстрекатель или пособник) также обладают признаками специального субъекта – наблюдаем сложное соучастие с распределением ролей. В этом случае действия названных лиц необходимо квалифицировать по общим правилам квалификации соучастия со ссылкой на ст. 33 УК РФ (например, когда должностное лицо склоняет представителя власти (следователя) к совершению преступления, предусмотренного ст. 299 УК РФ (привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности) или ст. 301 УК РФ (незаконные задержание, заключение под стражу или содержание под стражей) [5, С. 144].

Что касается соучастия специального субъекта с лицом, не обладающим специальными признаками, указанными в норме, то квалификация осуществляется по правилам, закрепленным в ч. 4 ст. 34 УК РФ. Лицо, не обладающее специальными признаками, указанными в норме, несет уголовную ответственность со ссылкой на ст. 33 УК РФ как организатор, подстрекатель или пособник. Соисполнительство в рассматриваемой ситуации фактически наличествует, однако, с юридической точки зрения действия таких лиц соисполнительством нельзя. Некоторые специалисты не разделяют эту точку зрения. Так, Т. Г. Макарова, в свою очередь, считает, что имеется возможность в некоторых случаях соисполнительских действий общих субъектов в преступлениях со специальным субъектом [4, С. 97–98, 104]. Представляется, что такая позиция не соответствует правилу квалификации соучастия в преступлении со специальным субъектом, сформулированному законодателем в ч. 4 ст. 34 УК РФ.

Думается, что данный вопрос требует современного теоретического и практического осмысления в новых условиях борьбы с преступностью, а также более четкого законодательного разрешения и соответствующих разъяснений Пленумом Верховного Суда Российской Федерации правил уголовно-правовой квалификации для отдельных категорий уголовных дел.

Список литературы и источников

1. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 8.
2. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 51 // Бюл. Верховного Суда Рос. Федерации. 2008. № 2.
3. Волженкин Б. В. Некоторые проблемы соучастия в преступлениях, совершаемых специальными субъектами // Уголовное право. 2000. № 1. 120 с.
4. Макарова Т. Г. Уголовно-правовая характеристика соучастия в преступлении со специальным субъектом. СПб., 2002. 131 с.
5. Павлов В. Г. Проблемы квалификации соучастия в преступлениях со специальным субъектом // Ленинградский юридический журнал. 2007. №1. 206 с.

А.С. Романова

(научный руководитель Э.В. Георгиевский; г. Иркутск)

**Институт прикосновенности к преступлению в уголовном
законодательстве зарубежных стран**

Актуальность исследования вопросов прикосновенности к преступлению предопределяется тем фактом, что сегодня в уголовном законе России происходят изменения, меняющие вектор традиционного восприятия института прикосновенности. Появление статьи, карающей за несообщение о преступлении (205.6 УК РФ), обусловлено растущей общественной опасностью преступлений террористического характера. Требуется качественно новое исследование прикосновенности к преступлению как реального явления, а также внесение изменений в уголовно-правовую теорию, законодательство и правоприменительную практику. В этом смысле особый интерес возникает к анализу института прикосновенности в законодательстве зарубежных стран.

Так, Модельный УК США в ст.2.06 определяет, что лицо является соучастником преступления, когда оно способствует совершению посягательства или облегчения его совершения, и подстрекает другое лицо к его совершению, либо помогает, соглашается или пытается помочь другому лицу в планировании или совершении преступления; или будучи лицом, юридически обязанным предупредить совершение данного посягательства, оно не предпринимает надлежащих действий; или в случае, когда закон прямо объявляет его поведение составляющей соучастия [1]. Таким образом, в данном случае прикосновенность к преступлению признается соучастием.

В общей части Уголовного кодекса Китайской Народной Республики 1997 года отсутствует понятие прикосновенности к преступлению, однако Особенной частью устанавливается уголовную ответственность за деяния, содержащие признаки прикосновенности. Ст. 310 предусматривает наказание за предоставления лицу, совершившему преступление финансовой помощи, убежища, содействия в бегстве, выгораживания его путем дачи ложных показаний [2]. Так же, согласно ст. 312 УК КНР уголовно наказуемым признается сокрытие, покупка, транспортировка или посредничество при продаже имущества, заведомо добытого преступным путем.

Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии, также как и Уголовный кодекс Российской Федерации не содержит понятия прикосновенности, но в Особенной части называет отдельные составы деяний, которые образуют виды такого общественно опасного поведения. Это воспрепятствование наказанию; приобретение имущества противоправным путем, совершенное бандой или в виде промысла; сокрытие имущества, добытого противоправным путем, совершенное бандой или в виде промысла, отмывание денег; сокрытие незаконно полученных имущественных выгод [3].

Особый интерес вызывает регулирование института прикосновенности в законодательстве Израиля. Нормы о прикосновенности расположены в разных главах Закона об уголовном праве Израиля. В соответствии со ст. 253: «Тот, кто получает либо покушается на получение выгоды для себя или для другого лица за неразглашение либо сокрытие тяжкого или средней тяжести преступления либо любого сведения, имеющего отношение к таким преступлениям, наказывается тюремным заключением сроком на три года. Тот, кто получает либо покушается на получение выгоды для себя или для другого лица для того, чтобы он не давал свидетельских показаний следствию, ведущемуся на законных основаниях, либо в судебном процессе, наказывается тюремным заключением сроком на пять лет» [4].

Также, предусмотрено наказание, предусмотренное пособнику, содействовавшему после факта совершения преступления. Согласно ст.260: «Тот, кто сознаёт, что некто совершил преступление, и он принимает его или помогает ему с намерением, чтобы он избежал наказания, признаётся пособником, содействовавшим после факта совершения преступления, за исключением того, когда он является супругом, родителем, сыном или дочкой преступника. Однако если жена, в присутствии мужа и подчиняясь ему, приняла лицо, совершившее преступление, в котором участвовал её муж, или помогла такому лицу избежать наказания, то она не признаётся пособницей» [4].

Уголовный кодекс Украины в ч. 6 ст. 27 закрепляет: «Не является соучастием не обещанное заранее сокрытие преступника, орудий и средств совершения преступления, следов преступления либо предметов, добытых преступным путем, или приобретение либо сбыт таких предметов. Лица, совершившие эти деяния подлежат уголовной ответственности лишь в случаях, предусмотренных статьями 198 и 396 Уголовного Кодекса Украины» [5].

Также предусмотрена ответственность за легализацию (отмывание) доходов, полученных преступным путем (ст. 209); использование средств, полученных от незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или прекурсоров (ст. 306); служебная халатность (ст.367); бездействие военной власти (ст. 426) [5].

Существенно отличается регулирование института прикосновенности в Уголовном кодексе Республики Узбекистан. В общей части указывается понятие прикосновенности к преступлению. В соответствии со ст. 31: «Заранее не обещанное несообщение органам власти о достоверно известном готовящемся, совершаемом или совершенном преступлении влечет ответственность лишь в случаях, предусмотренных статьями 1551 и 241 Кодекса. Заранее не обещанное укрывательство преступника, орудий и средств совершения преступления, следов преступления либо предметов, добытых преступным путем, влечет ответственность лишь в случаях, предусмотренных статьей 241 Кодекса. Не подлежат ответственности за заранее не обещанное несообщение или укрывательство близкие родственники подозреваемого, обвиняемого или подсудимого»[6]. Институт при-

косновенности является самостоятельным, не отождествляется с институтом соучастия и содержится в отдельных составах Особенной части УК.

Обобщая вышесказанное, можно выделить несколько моделей регулирования института соучастия в зарубежных странах: 1) смешение института прикосновенности с институтом соучастия; 2) отсутствие общих норм о понятии и видах прикосновенности, но регламентация отдельных составов в Особенной части (несообщение, укрывательство); 3) установление ответственности за прикосновенность через категорию «содействие» (содействие после факта совершенного преступления); 4) регламентация неприкосновенности в качестве самостоятельного института, не отождествленного с соучастием; установление в Общей части понятия неприкосновенности и указание отдельных составов в Особенной части [7].

Список литературы и источников

1. Модельный уголовный кодекс США. URL: <http://constitutions.ru/archives/5849> (дата обращения 01.03.2017)
2. Уголовный кодекс КНР. URL: <http://ukknr.ucoz.ru/index/0-9> (дата обращения 01.03.2017)
3. Уголовный кодекс Федеративной Республики. URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1242733&subID=100102942,100102944,100103633text> (дата обращения 01.03.2017)
4. Закон об уголовном праве Израиля. URL: <http://www.crimpravo.ru/codex/izr/2.pdf> (дата обращения 01.03.2017)
5. Уголовный кодекс Украины. № 2341-III // Ведомости Верховной Рады Украины. 2001. № 25–26. Ст. 131.
6. Уголовный Кодекс Республики Узбекистан. URL: http://www.lex.uz/pages/getact.aspx?lact_id=111457 (дата обращения 01.03.2017)
7. Абакина-Пилявская Л.Н. Прикосновенность к преступлению в уголовном законодательстве разных правовых систем // Юридическая наука. 2014. № 1. С. 60-64.

А.В. Чернов, С.В. Габеев (г. Иркутск)

О назначении наказания при рецидиве преступлений

В соответствии с ч. 1 ст. 18 УК РФ рецидивом преступлений признается совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление. Таким образом, главным существенным признаком рецидива является наличие судимости. Ч. 1 ст. 86 УК РФ устанавливает, что лицо, осужденное за совершение преступления, считается судимым со дня вступления обвинительного приговора суда в законную силу до момента погашения или снятия судимости. Судимость учитывается при рецидиве преступлений, назначении наказания и влечет

за собой иные правовые последствия в случаях и в порядке, которые установлены федеральными законами.

Статистические данные МВД России свидетельствуют о снижении уровня рецидивных преступлений за последние пять лет, однако, на фоне общего количества преступлений, уровень рецидива остается высоким (см. табл.).

Таблица

Количество рецидивных преступлений в РФ в 2012-2017 гг. [1]

	Количество преступлений, совершенных ранее судимыми лицами	Из них, образующих опасный и особо опасный рецидив
2012	433417	Нет данных
2013	322029	19699
2014	308616	21674
2015	399155	Нет данных
2016	272967	22449
Январь-март 2017	68781	5475

Традиционно высокий уровень рецидивной преступности (более 50%) фиксируется в Амурской и Кемеровской областях, Хабаровском крае, Хакасии, Томской области, Еврейской автономной области, Туве и Дагестане.

Часть 5 ст. 18 УК РФ устанавливает правило, что рецидив преступлений должен влечь более строгое наказание. Однако, К.В. Дядюн отмечает, что «на практике нередки случаи назначения за тождественные преступные деяния одинакового наказания рецидивисту и лицу, впервые совершившему преступление» [2].

Законодатель довольно гуманно относится к рецидивистам (в криминологическом смысле). Из-под уголовно-правового рецидива преступления фактически выведены целые категории лиц: лица, ранее совершавшие неосторожные преступления, умышленные преступления небольшой тяжести, лица судимые в несовершеннолетнем возрасте, а также лица, условно осужденные, получившие отсрочку отбывания наказания, с погашенными или снятыми судимостями. Профессор В.П. Малков полагает, что при признании рецидива не должны учитываться судимости, полученные в других странах, в том числе государствах СНГ, а также судимости за преступления против личности, совершенные при смягчающих обстоятельствах (ст.ст. 106-108 УК РФ) [3]. Как показывает практика суды не учитывают судимости, полученные в результате осуждения иностранными судами, если, осужденные не отбывали наказание на территории РФ на основании международного договора.

Столь большой перечень изъятий из рецидива преступления, нередко приводит к ошибкам в признании рецидива судами при разрешении конкретного уголовного дела.

А.М. Зацепин обращает внимание на то, что при квалификации рецидива «надлежит правильно определить форму вины совершенных преступлений. Они должны быть лишь умышленными. Поскольку вид умысла в законе не уточняется, он значения не имеет» [4].

То, что перечень обстоятельств, исключающих признание рецидива преступлений, является широким, в юридической литературе подвергается критике. Так, Ш.А. Шадян, рассуждая о реальности наказания как признаки рецидива преступления, высказывает точку зрения, что «решающее значение должен иметь не факт отбытия наказания (т.е. пенитенциарное воздействие на осужденного), а факт отрицательной оценки его деяния органом государства (судом)» [5].

Рецидив преступления это показатель неэффективности назначенного наказания за предыдущее преступление. Б. Накипов указывает, что «опасность состоит в том, что совершение новых, повторных преступлений в пределах сроков сохранения судимости свидетельствует об упорном стремлении рецидивистов продолжать преступную деятельность, о криминализации их личности» [6].

О том, что рецидив преступлений свидетельствует о повышенной опасности личности преступника согласны практически все правоведы. Хотя, наука уголовного права знала и другие взгляды на рецидив преступлений. Например, в юридической энциклопедии 1930 г. издания можно найти следующее мнение: «ставить момент большей социальной опасности в зависимости от момента формальной судимости за ранее совершенное преступление или с момента отбытия наказания за него значило бы вступление на путь формальной оценки социальной опасности субъекта, что противоречит принципам советского уголовного права» [7].

В ст. 68 УК РФ устанавливаются специальные правила назначения наказания при рецидиве преступлений. В.М. Степашин считает, что «включение в УК РФ анализируемых норм обусловлено, прежде всего, необходимостью обеспечить назначение законного и справедливого наказания, максимально учитывающего все значимые с точки зрения уголовного закона факторы. Непосредственной же целью рассматриваемых правил является усиление характера и степени уголовно-правовой репрессии, предусмотренной законом за совершение соответствующего преступного деяния» [8].

Согласно ч. 1 ст. 68 УК РФ суд при назначении наказания при любом виде рецидива обязан учесть характер и степень общественной опасности ранее совершенных преступлений, обстоятельства, в силу которых исправительное воздействие предыдущего наказания оказалось недостаточным, а также характер и степень общественной опасности вновь совершенных

преступлений. Самым суровым ограничением при назначении наказания при наличии рецидива преступлений у подсудимого является то, что минимальное наказание не может быть меньшим, чем одной третьей части максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, но в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части УК РФ.

Таким образом, усиление ответственности за рецидив преступлений происходит за счет поднятия низшего предела наказания. Фактически получается, что при наличии в альтернативной санкции такого вида наказания как лишение свободы на определенный срок, суд не может назначить более мягкое наказание, чем лишение свободы на определенный срок, если иное не предусмотрено законом.

Кроме того, суд обязан учесть рецидив преступления, как обстоятельство, отягчающее наказание (п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ). Если данное обстоятельство не будет учтено при назначении наказания, то это будет ошибкой [9].

В.Е. Южанин абсолютно справедливо указывает, что в ст. 68 УК РФ зафиксирован уравнительный подход при определении минимального срока наказания независимо от вида рецидива, что противоречит элементарной логике, принципу справедливости и индивидуализации наказания [10].

Но при этом, ограничение по минимальному сроку наказанию рецидивиста можно обойти, если у рецидивиста будут установлены смягчающие обстоятельства. А в случае установления исключительных смягчающих обстоятельств, наказание может быть ниже низшего предела в соответствии со ст. 64 УК РФ.

Полагаем, что в целях дифференцирования уголовной ответственности в случае рецидива преступлений в ст. 68 УК РФ необходимо внести изменения, установив градацию наказания в зависимости от вида рецидива. Наше предложение следующее:

«Статья 68. Назначение наказания при рецидиве преступлений.

1. При назначении наказания при рецидиве, опасном рецидиве или особо опасном рецидиве преступлений учитываются характер и степень общественной опасности ранее совершенных преступлений, обстоятельства, в силу которых исправительное воздействие предыдущего наказания оказалось недостаточным, а также характер и степень общественной опасности вновь совершенных преступлений.

2. Срок наказания при рецидиве преступлений не может быть менее одной третьей части максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, но в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части настоящего Кодекса. При рецидиве преступлений, если судом установлены смягчающие обстоятельства, предусмотренные статьей 61 настоящего Кодекса, срок наказания может быть назначен менее одной третьей части максимального срока

наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, но в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части настоящего Кодекса, а при наличии исключительных обстоятельств, предусмотренных статьями 64 настоящего Кодекса, может быть назначено более мягкое наказание, чем предусмотрено за данное преступление.

3. Срок наказания при опасном рецидиве преступлений не может быть менее одной второй части максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, но в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части настоящего Кодекса. При опасном рецидиве преступлений, если судом установлены смягчающие обстоятельства, предусмотренные статьей 61 настоящего Кодекса, срок наказания может быть назначен менее одной второй части максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, но в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части настоящего Кодекса.

4. Срок наказания при особо опасном рецидиве преступлений не может быть менее двух третей частей максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, но в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части настоящего Кодекса. При особо опасном рецидиве преступлений, если судом установлены смягчающие обстоятельства, предусмотренные статьей 61 настоящего Кодекса, срок наказания может быть назначен менее двух третей частей максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, но не может быть менее одной третьей части максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, но в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части настоящего Кодекса».

Список литературы и источников

1. ГИАЦ МВД России. URL: <https://мвд.рф/folder/101762/1/> (дата обращения 25.04.2017).
2. Дядюн К.В. Рецидив как вид множественности преступлений в российском уголовном праве // *Universum: экономика и юриспруденция*. 2014. № 4 (5). С. 18-19.
3. Малков В.П. Институт множественности преступлений в доктрине и уголовном законодательстве России // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2008. № 4 (8). С. 188.
4. Зацепин А.М. Множественность преступлений и их квалификация // *Мониторинг правоприменения*. 2014. № 1. С. 54.
5. Шадян Ш.А. Генезис научных взглядов о понятии «Рецидив преступлений» // *Общество и право*. 2008. № 2 (20). С. 164.
6. Накипов Б. Понятие и значение рецидива преступлений // *Криминология: вчера, сегодня, завтра*. 2009. № 17. С. 168.
7. *Энциклопедия государства и права*. Т. 3. М., 1930. С. 540.

8. Степашин В.М. Об учете рецидива преступлений при назначении наказания // Журнал российского права. 2010. № 9 (165). С. 70.

9. Научно-практическое пособие по применению УК РФ / под ред. В.М. Лебедева. М., 2005. С. 156.

10. Южанин В.Е. Ответственность за многократный рецидив преступлений (исторический аспект) // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2007. № 17. С. 81.

В.А. Руколеев

(научный руководитель И.В. Сошникова; г. Екатеринбург)

Соразмерность наказания в уголовном праве

Проблема соразмерности наказания в уголовном праве является актуальной и требует особого внимания для осуществления правосудия по конкретному уголовному делу, учитывая его особенности. Соразмерность наказания – обязательное условие для обеспечения законности в борьбе с преступностью. Принцип соразмерности предполагает применение мер уголовной ответственности таким образом, чтобы виновные в совершении уголовного преступления на равных основаниях были подвергнуты наказанию в соответствии с уголовным законом. Наказание, как мера государственного принуждения, назначается к лицу, признанному виновным в совершении преступления. При назначении наказания суд использует необходимую юридическую базу, позволяющую определить виновность субъекта преступления и установить справедливое наказание.

Наказание выступает в роли основной формы реализации уголовной ответственности и носит в себе цели, прописанные в Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации: «восстановление социальной справедливости, исправление осужденного, предупреждение совершения новых преступлений» [1]. Под этим понимается, что данные цели реализуют желаемый результат законодателя и общественности, к которому должно привести наказание соразмерное тяжести.

Наказание применяется к лицу если в его действиях имеются все обязательные признаки и элементы состава преступления, которые отражают конкретное общественно опасное деяние, признаваемое преступлением. При назначении наказания учитывается характер и степень общественной опасности преступления, личность виновного и обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание. Все эти критерии определяют размер и вид наказания для лица, совершившего действие (бездействие) запрещенное Уголовным кодексом РФ.

Таким образом наказание будет соразмерным преступному деянию, выраженному в форме действия (бездействия), если оно будет соответствовать тяжести содеянного. Следовательно, чем выше степень обще-

ственной опасности содеянного, тем строже должно применяться наказание к лицу.

В Уголовном кодексе РФ есть ряд норм, по которым наказание не соответствует тяжести и последствиям причиненным объектам, охраняемым Уголовным кодексом РФ. Приведу пример подтверждающий выше приведенное высказывание. Статья 245 УК РФ в соответствии с частью 2 статьи 15 УК РФ означает, что жестокое обращение с животными относится к преступлениям небольшой тяжести, поскольку наказание за его совершение не превышает двух лет лишения свободы. По части 1 статьи 245 наказание в виде лишения свободы не предусматривается, максимальное наказание арест до 6 месяцев, а по части 2 статьи 245 подразумевается максимальное наказание в виде лишения свободы до двух лет. Санкция, содержащаяся в данной статье, несоизмерима данному преступлению и требует более сурового наказания. Преступления подобного рода посягают на общественную нравственность в сфере гуманного отношения к животным. За жестокое обращение с животными требуется ужесточить наказание, ведь если живодёр избежит наказания или получит минимальное наказание, не теряя свободы, то не исключено, что он не задумается о том, чтобы испробовать свои изощренные методы на людях. Общественная опасность рассматриваемого преступления состоит в том, что жестокость по отношению к животным, их истязание, убийства способствуют формированию у граждан, а в особенности у подростков и молодежи, чувства равнодушия к страданиям живых существ.[2] Данное может вызывать агрессию и склонность к насилию по отношению к окружающим, выражающиеся в вандализме, глумлением над людьми и т.д.

Ознакомившись с судебной практикой за 2016 г. – начало 2017 г., можно сделать вывод, что за преступления, предусмотренные ч.1 ст.245 основной вид наказания, назначаемый судом – штраф или обязательные работы, причем размер данных видов наказаний достаточно низок от предусмотренного в санкции. По ч.2 ст.245 основной вид наказания, назначаемый судом – условное осуждение. На практике подобных преступлений не становится меньше, а напротив наблюдается увеличение [3].

Меру справедливости наказания в каждом конкретном случае определяет суд в виде размера и вида наказания. За каждое, отдельно взятое, преступление судом назначается более строгий вид наказания, из числа предусмотренных за данное преступление, только в случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижения целей наказания. В Уголовном кодексе РФ закреплено тринадцать видов наказания, к которым может быть подвергнуто виновное лицо по приговору суда. Приговор закрепляет государственное осуждение виновного, в случае назначения наказания, закрепляет государственную оценку тяжести содеянного, характер и степень личной ответственности. При назначении наказания суд, чтобы наказание было справедливым и соразмерным преступному деянию, должен опираться на определяющие и характеризующие данное действие (бездействие) содержащиеся в нормах статей Общей и Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ закреплён индивидуальный подход к рассмотрению дел судами. Так поясняется, что при назначении наказания судам надлежит учитывать влияние назначенного наказания на исправление осужденного, условия жизни его семьи, данные о личности виновного, характер и степень общественной опасности и обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание [4]. Но, как показывает судебная практика, встречаются случаи, когда суды, не вникая в суть конкретного дела, используют «шаблонные» меры для вынесения обвинительного приговора. Нередко бывает, что до суда доходит существенное количество дел, связанное с малозначительностью деяния, за которые уголовная ответственность не предусматривается.

Приведу статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел за 2016 год. В таблице показано общее количество уголовных дел, поступивших на рассмотрение за 2016 год, количество отменённых, изменённых и обжалованных обвинительных приговоров, вынесенных судами первой инстанции.

Кассационные инстанции (областные и равные им суды, ОВС, ВС РФ)			
	Областные суды и равные им суды	Окружные (флотские) военные суды	Верховный суд РФ
За 2016 год по всей России поступило 961 083 уголовных дел			
Отменены обвинительные приговоры, вынесенные судом I инстанции (по числу лиц) (по делам районных или гарнизонных судов и мировых судей)	1 101	14	21
Изменены обвинительные приговоры, вынесенные судом I инстанции (по числу лиц) (по делам районных или гарнизонных судов и мировых судей)	3 908	33	116
Отменены оправдательные приговоры, вынесенные судом I инстанции (по числу лиц) (по делам районных или гарнизонных судов и мировых судей)	21	0	2

* Составлено автором на основе статистических данных деятельности судов общей юрисдикции за 2016 год [5].

Из статистических данных, представленных в таблице, понятно, что от общего количества поступивших уголовных дел судами высшей инстанции отмены около 0,12% и изменены около 0,42% обвинительных приговоров, вынесенных судами первой инстанции. Основаниями отмены или изменения приговора суда первой инстанции являются: ошибка в применении уголовного закона, несоразмерность и неразумность назначенного наказания, нарушение процессуальных норм.

Отмена оправдательных приговоров, вынесенных судами первой инстанции составляет около 0,002%. Оправдательные приговоры подлежат отмене в том случае, если апелляционная инстанция, при рассмотрении дела, усмотрела виновность подсудимого.

Подводя итог можно сделать вывод, что не всегда принцип соразмерности наказания за уголовные преступления находит своё отражение в реальной действительности. Приведенные примеры норм статей Уголовного кодекса РФ и статистических данных деятельности судов по рассмотрению и вынесению обвинительного приговора лишь свидетельствуют об этом. Наказание, как основная форма реализации уголовной ответственности, должно быть соразмерным, справедливым и разумным.

Список литературы и источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в редакции от 07 марта 2017 г.): доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/>.

2. Сошникова И.В. Преступность несовершеннолетних: социально-психологический аспект / Сошникова И.В. // Педагогика и психология: актуальные вопросы теории и практики. 2016/ № 3 (8). С. 237/

3. Сайт проекта РосПравосудие. URL: <https://rospravosudie.com>

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 N 58 (ред. от 29.11.2016) "О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания". URL: <https://www.consultant.ru/>.

5. Официальный сайт судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru>

А.В. Найманов (г. Кемерово)

Проблемы реализации уголовных наказаний в отношении осужденных инвалидов

В настоящее время в Российской Федерации наблюдается тенденции роста уровня инвалидности в целом. По данным Федеральной службы государственной статистики количество инвалидов увеличивается ежегодно примерно на 1млн. человек. Так, на 1 января 2015 г. оно было равным 12 млн. 924 тыс. человек, что составляет 8,8 % от общей численности населения, по прогнозам специалистов к началу 2017 г. это количество может до-

стигнуть 17 млн. человек. Так, на 01.01.2016 г. в учреждениях УИС отбывали наказание 20,9 тыс. осужденных-инвалидов, на 1 января 2015 г. – 21,2 тысяч [1, 133].

Актуальность данной темы обусловлена развитием уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее – УИС РФ) и ратификацией Российской Федерацией международных нормативных актов, изданием предписаний, касающихся наиболее уязвимых социально-незащищенных категорий – осужденных инвалидов. Проблема возникает в связи с их физиологическими нарушениями анатомической целостности и психологическими особенностями и проявляется в том, что в отношении инвалидов зачастую отмечаются факторы, дискриминирующие их положение, и не только со стороны других осужденных, но и сотрудников: нарушение их законных прав и свобод, неоказание необходимой помощи со стороны сотрудников УИС, входящей в их обязанности, отсутствие содействия в их социализации и реабилитации. Осужденные инвалиды в силу своего состояния во время отбывания наказания нуждаются в различной постоянной помощи (юридической, пенитенциарно-педагогической, материальной, морально-психологической и иной), кроме того, в защите и поддержке, но, к сожалению, данная помощь и поддержка не осуществляется должным образом.

Сообразно с этим, комплекс существующих проблем затрудняет реализацию поставленных Уголовным кодексом РФ целей в отношении осужденных инвалидов, а именно исправление осужденного, восстановление социальной справедливости и предупреждение совершения новых преступлений.

Например, перечисленные в ст. 44 УК РФ виды наказаний применяются в отношении осужденных инвалидов практически все, за исключением обязательных, исправительных и принудительных работ, так как они не применяются к инвалидам в силу своего характера исправления и положения осужденного [2].

1. Обязательные работы (ч. 4 ст. 49 УК РФ) – не назначаются инвалидам первой группы; ч.3 ст. 26 УИК РФ – в случаях тяжелой болезни осужденного, препятствующей отбыванию наказания, либо признание его инвалидом первой группы, осужденный вправе обратиться в суд с ходатайством об освобождении его от дальнейшего отбывания наказания.

2. Исправительные работы (ч. 5 ст. 50 УК РФ) – не назначаются инвалидам первой группы; ч. 4 ст. 42 УИК РФ – в случаях тяжелой болезни осужденного, препятствующей отбыванию наказания, либо признание его инвалидом первой группы осужденный вправе обратиться в суд с ходатайством об освобождении его от дальнейшего отбывания наказания [3].

3. Принудительные работы (ч.7 ст. 53¹ УК РФ) – не назначаются инвалидам первой и второй группы;

В случаях вступления в законную силу обвинительного приговора и исполнения наказания в виде обязательных, исправительных и принудительных работ к осужденному, который становится (признается) инвалидом соответствующей группы, наказание к нему не применяется (перестает применяться) согласно закону. Нами было выявлено, что тут прослеживается неэффективность данных видов наказания, и на это следует обратить внимание. Замена данных наказаний не предусматривается и является нецелесообразной в отношении осужденных, признанных инвалидами соответствующих групп, в период исполнения наказания.

Нельзя не отметить, что при отбывании наказания в виде лишения свободы осужденные инвалиды I, II, III групп содержатся в исправительных учреждениях на общих основаниях со здоровыми осужденными [4, 20], однако особенности все же имеются:

а) запрещается содержание осужденных инвалидов I, II группы в исправительных учреждениях строгого режима;

б) запрещается перевод осужденных инвалидов I группы в штрафной изолятор, помещения камерного типа и единые помещения камерного типа.

Необходимо также затронуть вопрос об освобождении от отбывания наказания осужденных, признанных инвалидами до совершения преступления и после совершения преступления. Так досрочное освобождение от отбывания наказания предусматривается только в отношении инвалидов, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы (альтернативные виды наказаний) – обязательные и исправительные работы – в отношении инвалидов I группы, принудительные работы – в отношении осужденных инвалидов I, II группы.

Примечательно, что в ч. 2 ст. 81 УК РФ инвалидность как основание освобождения лица от наказания не предусмотрено, основанием является лишь тяжелая болезнь. В то же время УИК РФ в перечне оснований освобождения от отбывания наказания предусматривает наряду с тяжелой болезнью также инвалидность. Данное коллизийное положение нормативно-правовых актов следует устранить путём внесения в Государственную Думу ФС РФ проекта федерального закона о внесении изменений в нормативные акты и об исключении из ст. 172 УИК РФ инвалидности как основания освобождения от отбывания наказания, либо о внесении в ч. 2 ст. 81 УК РФ инвалидности как основания освобождения лица от отбывания наказания.

Таким образом, на современном этапе проблема исполнения наказаний в отношении осужденных инвалидов является одной из наиболее приоритетных. Одной из значимых организационных мер, обеспечивающих формирование, реализацию и контроль государственной политики в сфере поддержки и обеспечения прав инвалидов, станет создание института Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав инвалидов. Учреждение такого института согласуется с рекомендациями

ООН и будет способствовать защите прав и законных интересов инвалидов, в том числе и при нахождении их в пенитенциарных учреждениях. В настоящее время законопроект № 667531-6 «Об уполномоченных по защите прав инвалидов в Российской Федерации» находится на рассмотрении в Государственной Думе. На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что деятельность по оказанию осужденным социальной помощи, поддержки, защиты в целях их исправления и ресоциализации в период исполнения уголовного наказания, а также адаптации в обществе после освобождения – должна стать приоритетом социальной работы в исправительном учреждении, особенно с такой категорией, как осужденные инвалиды, и приобрести характер сопровождения, комплексного обслуживания с привлечением медиков, психологов, воспитателей, представителей органов социальной защиты населения. Представляется целесообразным не только улучшение материально-технической базы в целом, повышение уровня правовой культуры и профессиональной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы, но и искоренение правового нигилизма и развитие правосознания в обществе в целом. Так, еще в 1911 году в записке Министра юстиции к проекту установления нового расписания должностей и окладов лицам тюремного ведомства говорилось: «Можно с уверенностью сказать, что тюремная часть никогда и нигде не может быть приведена в порядок, даже при наилучшей постановке ее материального оборудования, если тюремные должности не будут замещены достаточно знающими, опытными и преданными своему делу людьми»

Список литературы и источников

1. Владимирова О.А. Инвалиды, осужденные к лишению свободы: проблемы социальной защиты и реабилитации // Уголовно-исполнительная система на современном этапе: взаимодействие науки и практики: сб. междунар. научн.-практ. межведом. конф. / под общ. ред. А.А. Вотинова. 2016. С. 136.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. Федерального закона от 31.12.2014 № 530-ФЗ) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; Российская газета. 2016. № 1.
3. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 08.01.1997 № 1-ФЗ (в ред. Федеральных законов от 24.11.2014 № 371-ФЗ, 01.12.2014 № 419-ФЗ) // Российская газета. 2016. № 1.
4. Заборовская Ю. М. Проблема формирования доступной среды в отношении осужденных инвалидов, отбывающих наказание в виде лишения свободы, в исправительных учреждениях ФСИН России // Вестник Кузбасского института. 2016. № 2 (27). С. 20.
5. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Доступная среда» на 2011–2020 годы: постановление Правительства РФ от 01.12.2015 № 1297 // СЗ РФ. 2016. № 49. Ст. 6987.

Амнистия в современной России: проблемы и перспективы

Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г. впервые включил отдельную статью, посвященную порядку объявления и правовым последствиям акта амнистии (ст. 84 УК РФ).

Слово «амнистия» происходит от греческого *amnestia*, т.е. забвение, прощение. Законодательного определения понятия «амнистия» нет [1].

На протяжении всего периода становления института амнистии, граждане неоднозначно относились к данному явлению. Не будет преувеличением то обстоятельство, что наш народ в принципе против амнистий и воспринимает их без восторга. Мнение рядовых россиян в этом отношении вполне совпадает с точкой зрения некоторых известных политических деятелей.

Так, советский политолог Е. Гайдар, в 1994 году изучив проект об амнистии, резко высказался на этот счет: «Когда страна находится в таком положении, гуманизм к преступникам за счет их жертв по крайней мере неуместен» [2].

Говоря об отрицательной стороне амнистии, нельзя не привести точку зрения С.Н. Сабанина. Он предлагает отказаться от амнистии. Свой вывод автор основывает на фактах нарушения принципа справедливости при издании актов об амнистии, которые заключаются в невозможности амнистирования всех осужденных, совершивших преступления сопоставимой тяжести или менее тяжкие, по сравнению с лицами, на которых распространяется действие амнистий. По его мнению, единственным основанием для применения амнистии любого вида должна быть степень исправления, осужденного или снижение его общественной опасности. Амнистии не позволяют тщательно изучать личность каждого лица, поскольку распространяются на целые категории осуждённых [3].

Более того, некоторые классики считали, что институт амнистии нельзя закреплять и включать его в уголовное законодательство, поскольку это будет «показывать людям, что преступления могут прощаться и что наказание-необязательное их следствие» [4].

В современный период все больше отмечаются и положительные стороны амнистии. Число несправедливых приговоров зачастую столь велико, а судебная система столь неповоротлива и репрессивна, что восстановить справедливость часто можно лишь массовым освобождением заключенных без разбирательства каждого конкретного дела.

Необходимость использования амнистии оправдывается так же следующими обстоятельствами:

1. С помощью амнистии можно устранить некоторые недостатки существующего или существовавшего ранее уголовного закона. Примером может служить постановление Государственной Думы от 24 февраля 1994 г. «Об объявлении политической и экономической амнистии», на основа-

нии которого были освобождены от уголовной ответственности, наказания, снята судимость лиц, осужденные ранее за такие преступления, как спекуляция (ст.154 УК РСФСР), нарушение правил о валютных операциях (ст.88 УК РСФСР), частнопредпринимательская деятельность и коммерческое посредничество (ст.153 УК РСФСР).

Данные лица были осуждены ранее на законном основании, но в связи с изменением экономической и социальной политики государства сейчас подобного рода деятельность не только утратила свою общественную опасность, но и стала социально одобряемой.

2. Амнистия оправдана и может быть применена к некоторым преступлениям, носящим временный характер, совершенным в результате стечения определенных неблагоприятных обстоятельств. Амнистия применяется в случае изменения этих обстоятельств в лучшую сторону либо представляет собой попытку с помощью амнистии направить развитие ситуации в необходимое, благоприятное русло. Наглядной иллюстрацией этому служит постановление Верховного Совета СССР от 28 ноября 1989 г. «Об амнистии совершивших преступления бывших военнослужащих контингента советских войск в Афганистане».

3. Во всех остальных случаях применение амнистии может быть оправдано лишь соображениями гуманности, которую проявляет государство к своим оступившимся гражданам. Действительно, большинство актов амнистии касается в основном тех категорий осужденных, которые заслуживают некоторого снисхождения, несовершеннолетних, женщин, имеющих на иждивении несовершеннолетних детей, участников войны и военных действий, инвалидов, лиц преклонного возраста. Обычно амнистия не распространяется на лиц, совершивших государственные или иные особо тяжкие преступления, а также лиц, ранее освобождавшихся от наказания в силу акта амнистии или помилования, и злостных нарушителей режима отбывания наказания [5].

Полагаю, что еще одной целью амнистии, в современной России, можно назвать принятие амнистии из соображений «разгрузки» мест лишения свободы. В подтверждении этой точки зрения можно привести высказывание российского адвоката Г.Резника: «...в нашей стране есть традиция, что к каким-то датам государство должно демонстрировать милосердие, а с учетом нашей правоохранительной системы и практического отсутствия оправдательных приговоров амнистия компенсирует то, что в тюрьмах оказывается немало людей, в действительности не совершавших тех преступлений, за которые они осуждены. Вообще в тюрьмах может сидеть только определенный процент населения. Поэтому амнистия выполняет функцию разгрузки мест лишения свободы» [6].

По состоянию на 1 июня 2016 года количество лиц, осужденных к лишению свободы, в исправительных колониях составляло более 528 тыс. чел [7].

Ежегодно российские суды признают виновными в совершении преступлений и приговаривают к реальному лишению свободы – около 200 тыс. чел. в год [8].

Таким образом, по состоянию на 1 июня 2017 года возможно увеличения количества лиц, осужденных к лишению свободы в России – свыше 700 тысяч человек.

В специальной литературе нет достоверных данных о том, какое количество осуждённых к реальному лишению свободы могут вместить наши исправительные учреждения.

Однако, исходя из опыта амнистий в России XXI века, она применяется государством, когда число лиц, осуждённых к лишению свободы в исправительных колониях приближается к 800-900 тысячам человек.

Таким образом, исходя из этого следует, что очередная амнистия не за горами и возможно ее объявление в 2017-2018 годах.

Поводами для амнистии в 2017 году, могут стать такие события, как 100-летие Октябрьской революции (одно из крупнейших политических событий XX века, произошедшее в России в октябре 1917 года и повлиявшее на дальнейший ход всемирной истории), выборы президента России в марте 2018 года и т.п.

Так что же такое «амнистия»?

Амнистия является смешанным видом освобождения от уголовной ответственности и наказания. С помощью акта амнистии возможно применение любого вида освобождения как от ответственности, так и от наказания и практически на любой стадии уголовного процесса. Амнистия находится в исключительном ведении Российской Федерации (п. "о" ст. 71 Конституции РФ) и объявляется Государственной Думой Федерального Собрания РФ (п. "е" ст. 103 Конституции РФ) путем принятия постановления об объявлении амнистии и постановления о порядке применения постановления об объявлении амнистии. Амнистия применяется на разных стадиях уголовного судопроизводства и предусматривает различные виды смягчения положения лиц, совершивших преступления: освобождение от уголовной ответственности, освобождение от наказания, сокращение неотбытой части наказания, снятие судимости и др.

В постановлении об объявлении амнистии указывается срок исполнения амнистии (как правило, шесть месяцев). Однако это не означает, что по истечении указанного срока действие акта об амнистии заканчивается, поскольку амнистия является актом бессрочным и под ее действия подпадают все лица, совершившие преступления до вступления акта амнистии в силу, независимо от времени привлечения лица к уголовной ответственности.

Актом об амнистии с осужденных может быть снята судимость.

Амнистия является императивным (обязательным) видом освобождения от уголовной ответственности и наказания, поскольку не зависит от усмотрения исполняющего ее органа и волеизъявления амнистируемого

лица, что представляется вполне обоснованным, поскольку только в таком случае воля законодателя реализуется без каких-либо ограничений [9].

Амнистии можно условно разделить на общие и частичные. Общая распространяется на всех лиц, совершивших преступления, предусмотренные определенными статьями УК. Частичная относится к определенной категории лиц, которые предусмотрены актом амнистии.

Несмотря на все отрицательные черты амнистии, следует признать, что на сегодняшний момент Россия не может полностью отказаться от нее. Необходимо принять все возможные меры для того, чтобы амнистия полностью соответствовала тем задачам, на решение которых она направлена. Нужно исключить такое применение амнистии, когда главной ее задачей является решение проблемы переполненности мест лишения свободы.

По мнению большинства ученых-юристов, амнистия представляет собой исключительный акт, поэтому объявляться она должна редко, в исключительных случаях, а не превращаться в дежурное мероприятие к очередной юбилейной дате или использоваться в качестве инструмента политической борьбы.

Как уже отмечалось, отношение общества к целесообразности применения амнистии неоднозначное. В связи с этим, по мнению А.Е. Раевой, на подготовительной стадии применения амнистии следовало бы ввести в практику широкое обсуждение ее в обществе, что, с одной стороны, ослабило бы социальную напряженность, а с другой - благоприятно сказалось бы на возврате в общество амнистированных [10].

Важным условием правильного применения амнистии является сопровождение ее тщательно продуманной программой ресоциализации амнистируемых, включающей комплекс мер по трудовому и бытовому обустройству лиц, освобождаемых из мест лишения свободы, их медицинскому обслуживанию, контролю за их поведением [11].

Конечно, государство в принципе вправе применять амнистию и освобождать определенный круг лиц от уголовного наказания. Однако они не освобождаются от обязанности возместить причиненный ущерб. Государству следует прежде всего уважать права и законные интересы своих законопослушных граждан. И с этим трудно не согласиться.

Список литературы и источников

1. Согласно приложению № 10.3 «Отчет о сроках лишения свободы и размеров штрафов» (утв. Приказом Судебного департамента при ВС РФ от 10.06.2011 № 115).
2. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М. 1995. С. 243-244.
3. Грамматчиков М.В. Амнистия. Помилование. Судимость. 2005. С. 9.
4. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / под ред. В.К. Дуюнова.

5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.М. Лебедев; 13-е изд., доп. и испр. М.: Юрайт-Издат, 2015.
6. Мокина М. Н. Амнистия // Молодой ученый. 2015. № 6. С. 499–501.
7. Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М., 1996. С. 478–479.
8. Раева А.С. За и против амнистии // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2008. N 6 (СПС "Консультант-Плюс").
9. Сабанин С.Н. Справедливость освобождения от уголовного наказания. Екатеринбург, 1993. С. 158–15.
10. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы. URL: <http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xarka%20lic%20sodergahixsya%20v%20IK/> (дата обращения 01.04.2017).
11. Г.Резник: Не надо оскоплять амнистию. URL: <http://sobesednik.ru/interview/genri-reznik-ne-nado-oskoplyat-amnistiyu> (дата обращения 01.04.2017).

Е.С. Земцова (г. Иркутск)

Основные направления повышения эффективности применения принудительных мер воспитательного воздействия

В 2008 года была утверждена распоряжением Правительства РФ № 1662-р концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, в которой шестым основным направлением в политике социальной поддержки населения является формирование эффективной системы социальной поддержки лиц, находящихся в тяжелой жизненной ситуации, и системы профилактики правонарушений. Система профилактики правонарушений, согласно концепции, направлена на развитие восстановительного правосудия, на «реабилитационное насыщение приговоров судов, в части реализации принудительных мер воспитательного воздействия» и др. Однако до сих пор процент применения принудительных мер воспитательного воздействия очень низкий, о чём свидетельствуют статистические данные. Так, в 2010 г. принудительные меры воспитательного воздействия были применены – 1397 раз; в 2011 г. – 1023; 2012 г. – 961; 2013 г. – 707, в 2014 г. – 453 раза, в 2015 г. – 597 раз [6].

Кроме того, не совсем понятным является снижение числа применения принудительных мер в отношении несовершеннолетних, поскольку в 2003 году законодатель, выбрав путь гуманизации в сфере производства по

делам несовершеннолетних, исключил требование из ч. 2 ст. 92 УК РФ. Данное требование заключалось в том, что меры воспитательного воздействия могут применяться к несовершеннолетним, совершившим преступления только небольшой или средней тяжести [2, С. 284]. На основании этого, мы видим, что уголовная политика России направлена на сокращение числа уголовных дел, возбужденных в отношении несовершеннолетних [8, С. 293].

Но в чем причины неприменения мер воспитательного воздействия, и какие пути повышения эффективности должны быть избраны государством?

Во-первых, на наш взгляд, одной из основных причин является право, а не обязанность судьи, применять принудительные в отношении несовершеннолетних, совершивших преступления, то есть судья принимает решение об их назначении по своему усмотрению (ч. 2 ст. 87 УК РФ). Кроме того, в соответствии с п. 31 Постановления Пленума Верховного суда от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» суды не должны назначать уголовное наказание несовершеннолетним, совершившим преступления небольшой или средней тяжести, если их исправление может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия (предусмотренных статьей 90 УК РФ). Однако и пояснение не содержит в себе обязанность для судьи использовать возможность назначения мер воспитательного воздействия. Поэтому необходимо возвести данную норму в императивную форму.

Подтверждением вышеприведённому тезису является и судебная практика. К примеру, несовершеннолетний К. был осуждён за покушение на кражу (преступление, закреплённое в ч. 3 ст. 30 и ч. 1 ст. 158 УК РФ и относящееся к категории небольшой тяжести). К., находясь в спортивном магазине, тайно похитил предметы спортивной одежды на сумму в размере приблизительно 1 000 руб. (в настоящее время кражей признается тайное хищение чужого имущества стоимостью более 2 500 руб. согласно федеральному закону от 03.07.2016 № 326-ФЗ), попытался скрыться, однако при выходе был задержан сотрудником охраны магазина. При таких обстоятельствах суд указал, что исправление К. не может быть достигнуто с применением принудительных мер воспитательного воздействия, и назначил ему наказание в виде лишения свободы на срок 6 месяцев условно. При этом суд указал, что К. привлекается к уголовной ответственности впервые, признал свою вину, получил положительные характеристики с места учёбы, имел грамоты и дипломы за достижения в спорте, является кандидатом в мастера спорта [1].

Во-вторых, согласно Постановлению Пленума Верховного суда РФ №1 за процессом соблюдения назначенных мер воспитательного воздей-

ствия должен осуществлять контроль специализированный орган. Однако не освещены вопросы: на какой точно орган возлагается данная обязанность, и каким образом тот или иной орган будет осуществлять контроль, например, при передаче несовершеннолетнего под надзор родителей. Как правило, при передаче подростка родителям контроль со стороны специализированного органа невозможен, поэтому некоторые родители могут прощать своему ребёнку девиантное поведение из-за боязни того, что он будет привлечён к уголовной ответственности.

В-третьих, конкуренция ст. 75 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием», ст. 76 «Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим» с принудительными мерами воспитательного воздействия. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 года «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» указывается возможность применения к несовершеннолетнему статей 75–78 УК РФ. Многие авторы также указывают на более активное применение судами положений статей 75-76 УК РФ, ссылаясь на более четко сформулированные условия назначения [3, С. 22]. Приоритет положений статей 75-78 УК РФ заключается и в безусловном характере, поскольку в отличие от принудительных мер воспитательного воздействия они не могут быть отменены судом в случае систематического неисполнения.

В-четвёртых, недостаточная разработка принудительных мер в отношении несовершеннолетних и их процедуры применения. Поскольку такая мера, как передача под надзор родителей, является самой востребованной [4, С. 107], то изучим проблемные аспекты на её примере.

При рассмотрении таких дел судьям необходимо узнать, правильно ли родители оценивают деяние несовершеннолетнего, могут ли обеспечить надлежащий контроль над его поведением. «Для этого требуется, например, истребовать данные, характеризующие родителей или лиц, их заменяющих, проверить условия их жизни и возможность материального обеспечения несовершеннолетнего» [5, С. 166]. При этом должно быть получено согласие родителей или лиц, их заменяющих, на передачу им несовершеннолетнего под надзор. Как показывает изучение судебной практики, при назначении такой меры, как передача несовершеннолетнего под надзор родителей, судьи не всегда указывают в своих решениях данные о личности тех лиц, на которых возложена обязанность осуществлять надзор за поведением ребёнка. В этой связи необходимо истребовать характеризующий материал, проверить условия жизни родителей, возможность материального обеспечения подростка, атмосферу взаимоотношений в семье, отношения с подростком и т. д. Более того, «нецелесообразно передавать под надзор несовершеннолетних лицам, которые ранее привлекались к уголовной ответственности по ст. ст. 150, 151, 156, 157 УК РФ» [7, С. 17].

Помещение несовершеннолетнего в специальное воспитательное учреждение закрытого типа также вызывает сложности. Условия и порядок применения данной меры определены УК РФ, УПК РФ и Федеральным законом № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». В силу того, что данные учреждения находятся в ведении Министерства образования и науки РФ, а не в ведении Министерства юстиции РФ или ФСИН России, Уголовно-исполнительный кодекс РФ, Инструкция по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества и другие источники уголовно-исполнительного права не содержат особенностей пребывания подростков в воспитательных учреждениях.

В федеральном законе от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (в ч. 12 ст. 66) указано на то, что для обучающихся с общественно опасным поведением, которые нуждаются в особых условиях воспитания и обучения, создаются специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа уполномоченными органами государственной власти РФ или субъектов РФ. Условия пребывания несовершеннолетних преступников в таких учреждениях определяются федеральным законом от 24 июня 1999 года № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (с изменениями на 3 июля 2014 года) (редакция закона, действующая с 1 января 2017 года). В соответствии с этим законом данные образовательные организации создаются Российской Федерацией или субъектом РФ. Помимо того, сравнительно недавно утратило силу Постановление Правительства РФ от 25.04.1995 г. № 420 (ред. от 10.03.2009 г.) «Об утверждении Типового положения о специальном учебно-воспитательном учреждении для детей и подростков с девиантным поведением». А новое постановление до настоящего времени так и не было принято.

Также в отличие от освобождения от уголовной ответственности такая мера, как помещение несовершеннолетнего в воспитательное учреждение, применяется к несовершеннолетним, осужденным за преступления средней тяжести и тяжкие преступления (причём осуждения к наказанию только в виде лишения свободы). Данное условие имеет свои недостатки. Например, Х. помещён в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа сроком на 3 года за совершение противоправного деяния, запрещённого ч. 3 ст. 30 и ч. 1 ст. 158 УК РФ. При принятии решения суд учёл, что подросток проживал в благополучной среде и вышел из-под контроля родителей. Помимо того, подросток отрицательно характеризуется по месту учёбы. Находясь в специальном училище, Х. в возрасте 15 лет совершил кражу с незаконным проникновением в помещение – преступление средней тяжести, которое предусмотрено п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ. При рассмотрении уголовного дела суд установил, что Х. находится в специальном училище более 1,5 лет, его поведение улучшилось, однако он по-

прежнему нуждается в специальном педагогическом подходе и контроле. Участвовавшие в судебном заседании представители комиссии по делам несовершеннолетних, учебного заведения настаивали на помещении несовершеннолетнего в специальное училище до достижения им 18 лет. Однако так как ему не может быть назначено наказание в виде лишения свободы, то применение такой меры воспитательного воздействия оказалось невозможным [9].

В-пятых, ещё одна из причин редкого применения мер воспитательного воздействия – недостаточное обеспечение финансовыми ресурсами. Данная проблема ярко выражена особенно при помещении несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, потому что такие учреждения есть не в каждом субъекте РФ, то есть их ограниченное количество. Кроме того, при длительном содержании несовершеннолетнего необходимо должным образом обеспечить все условия для его исправления, устроить на работу квалифицированный персонал, составить детальную программу по воспитанию и т.д.

В-шестых, данный аспект вытекает из предыдущего пункта, заключающийся в систематическом повышении квалификации работников (например, психологов, социальных работников и др.), которые осуществляют реализацию мер воспитательного воздействия, потому что именно они оказывают влияние на несовершеннолетнего преступника для предупреждения новых преступлений.

В-седьмых, объективные причины редкого использования данных мер. Так, например, В. О. Федотова приводит перечень таких объективных причин, как совершение подростками тяжких преступлений, за которые может быть назначено только наказание, «нецелесообразность применения меры воспитательного воздействия, недостаточность данных в материалах дела, позволяющих суду применить ту или иную воспитательную меру [10, С. 243]».

Таким образом, в реализации мер воспитательного воздействия существует много проблем, которые препятствуют эффективному осуществлению правосудия в отношении несовершеннолетних. Поэтому, в первую очередь, законодателю следует чётко регламентировать процедуры применения данных мер, устранить неточности в нормативно-правовых актах, создать специализированный орган или возложить обязанность по осуществлению контроля за процессом применения и исполнения принудительных мер на какой-либо государственный орган и обеспечить данный правовой институт финансовой поддержкой.

Список литературы и источников

1. Дело № 1-155/10 // Архив мирового судебного участка № 76 района Войковский г. Москвы.

2. Земцова Е. С. Проблемы применения принудительных мер воспитательного воздействия // Современные проблемы правотворчества: материалы Всероссийской студенческой конференции. Иркутск, 2017. С. 283–286.
3. Иванов П. В. Принудительные меры воспитательного воздействия в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2003. с. 200.
4. Канкишев Е. Д. Специальные виды освобождения от наказания несовершеннолетних: проблемы законодательной регламентации и правоприменения // Человек: преступление и наказание. 2015. № 2. С. 106–109.
5. Паталашко Н. В. Анализ судебной практики по применению судьями к несовершеннолетним, предусмотренных уголовным законодательством, принудительных мер воспитательного воздействия // Форум. Серия: гуманитарные и экономические науки. 2015. № 2 (5). С. 165–169.
6. По данным Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения 22.02.2016).
7. Рогова Е. В. Меры уголовно-правового характера, применяемые к несовершеннолетним : учеб. пособие. Иркутск, 2017. С. 104.
8. Рогова Е. В. Особенности применения мер уголовно-правового характера специализированными судами для несовершеннолетних // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. М., 2017. С. 292–295.
9. Уголовное дело № 1-63 // Архив Костромского районного суда Костромской области за 2014 г.
10. Федотова В. О. Некоторые проблемы применения к несовершеннолетним принудительных мер воспитательного воздействия // Государственная антикриминальная политика на евразийском пространстве: Материалы международной научно-практической конференции в рамках Евразийского научного форума в Межрегиональном институте экономики и права / под ред. В. Б. Малинина. СПб., 2010. С. 240–245.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

О.Ю. Злобина, Ю.В. Солодун (г. Иркутск)

Уголовно-правовая и медицинская характеристика вреда, причиненного преступлением

Вред здоровью, бесспорно, можно отнести к одной из важных правовых категорий, что требует ее более четкого ее понимания. Следует признать, что, с одной стороны, понятие вреда здоровью является одним из наиболее определенным уголовно-правовым понятием, поскольку существуют четкие и конкретные его характеристики (юридические и медицинские критерии тяжести вреда здоровью). С другой стороны, сама правовая категория вреда, причиненного преступлением, далека от того, чтобы быть выраженной в обобщающем понятии, отражающем наиболее существенные ее признаки и характеристики.

В уголовно-правовом смысле вред здоровью, причиненный преступлением, может быть выражен через количественные и качественными его характеристики, которые, в свою очередь, ассоциированы с такими понятиями, как общественная опасность и преступные последствия.

Как справедливо отмечает Л.М. Прозументов, "общественная опасность является общим понятием, которое не имеет заранее установленных признаков. Признавая те или иные деяния элементами множества «общественно опасное деяние», законодатель ни на какое четко и точно определяемое понятие не опирается. Для законодателя не существует строго обозначенных признаков общественной опасности. Для него общественная опасность — это исходное, неопределяемое понятие" [5, С.19]. Существующее определение преступления, данное законодателем в ст. 14 УК РФ, также использует термин общественной опасности. А.А. Пионтковский связывал общественную опасность с возникновением определенного ущерба общественным отношениям" [4, С.157].

Если исходить из конструкций ст.5 и 14 УК РФ, то преступными признаются только те деяния, которые характеризуются определенным поведением и наступавшим в его результате последствиям. В отношении вреда здоровью эти последствия определены достаточно четко. Они имеют как количественные, так и качественные характеристики. Количественные характеристики заключаются в юридических критериях определения тяжести вреда здоровью, а качественные в их медицинском наполнении, т.е. тех изменениях в состоянии здоровья, которые могут быть обусловлены только воздействием внешних факторов, являющихся по сути факультативны-

ми признаками состава преступления, поскольку представляют собой орудие совершения преступления [2].

Медицинские критерии определения степени тяжести вреда здоровью ориентированы только на оценку телесных повреждений, и связанных с ним нарушений функций организма, обозначение которых было заменено с принятием УК РФ в 1996 г. на вред здоровью.

Согласно ст. 2 УК РФ, уголовный закон своими задачами ставит охрану прав и свобод человека и гражданина от преступных посягательств, которые реализуются в виде наказаний и иных мер уголовно-правового характера за совершение преступления. В то же время, ст. 6 УПК РФ предусматривает защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, что предусматривает расширение сферы действия уголовного закона, предъявляя к нему требования по урегулированию правоотношений не только властно-государственного характера, но и частного интереса. В этом смысле гражданское право, регулируя последнее правоотношения предусматривает целый ряд оснований и объем возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина. Гражданский кодекс РФ также предусматривает такой вид вреда, как моральный, что требует внесение корректив в данную уголовно-правовую категорию с целью ее объективного правоприменения. и распределения ответственности за совершение преступления между государством и физическим лицом, а также профилактики преступления [1].

Для обсуждения данной темы, как на законодательном, так и правоприменительном уровне целесообразно представить конкретную ситуацию, анализ которой может задать вектор направления развития правовой мысли. Например, почтальон при осуществлении своих профессиональных обязанностей по доставке пенсий подвергается нападению с целью завладения денег. Дополнительными условиями данной ситуации является: нападение было совершено группой лиц, одним из которых являлся получатель данной пенсии. Потерпевшей накопились удары по разным частям тела, после первого из которых потерпевшая потеряла сознание, как, ей казалось, но продолжала оказывать сопротивление, что, вероятно, потребовало от нападавших более радикальных мер, они стали наносить удары по рукам, что привело к переломам костей предплечья со смещением. костных отломков. Поскольку лечение оказывалось в участковой больнице и ресурсов для современного оказания медицинской помощи не имелось, то перелом, который привел нарушению функций костей кисти. Это послужило основанием для установления группы инвалидности, выплаты за которую не позволяют каким-либо поддерживать социальное функционирование. В связи с физической травмой почтальону, который проработал в данной должности более 15 лет, предлагается уволиться по собственному желанию. Следователь понимает чувства потерпевшей и сожалеет о том, что с нападавших получит нечего. Потерпевшая, помимо физических стра-

даний претерпевает множественные эмоциональные переживания, связанные как с невозможностью продолжать профессиональную деятельность (из-за нарушений функции кисти руки), так и с моральными переживаниями (во-первых, нападавший являлся получателем пенсии, во-вторых, своей незащищенности). Потерпевшая предпринимает усилие, чтобы восстановить функции руки, но это требует длительного времени. Возможности трудоустройства в этой ситуации практически отсутствуют. Обвиняемые, двум из которых недавно исполнилось 16 лет, а третьему 21 год, формально признают вину и не предпринимают каких-либо усилий разрешения ситуации: вина признана в ходе следствия, что может являться смягчающим обстоятельством (как им объяснили).

Таким образом, наличие норм уголовного права, направленных на защиту прав потерпевшего, часто может оставаться только теоретической возможностью.

Если продолжать уточнение всех составляющих вреда здоровью, то остается открытыми множество вопросов, связанных с объемом и содержанием вреда здоровью, причинного преступлением. Так, в медицине психогенный фактор всегда являлся одним из участвующих в возникновении соматических и психических расстройств. В возникновении некоторых из них он может занимать существенное значение.

При обсуждении вопроса о медицинских критериях тяжести вреда здоровью не возникает сомнений, поскольку они достаточно точно регламентированы в ношении телесных повреждений. Однако, возможность возникновения психического расстройства, как результата преступного деяния, прямого или косвенного, а также его учета в установлении тяжести вреда здоровью и учета объема компенсации при оценке тяжести вреда здоровью обозначали ряд авторов. Е.Ю. Яковлева исследовав состояние здоровья несеврешелетних после сексуального насилия отчетливо показала, что повреждения здоровья, связанные с сексуальным насилием, в большинстве случаев вызывают нарушение психического и социального функционирования, что не может быть не отражено в установлении степени тяжести вреда здоровью [7].

Другим подходом в определении объема вреда здоровью является его перенос в сферу морального вреда. Попытки объективизировать данные нарушения здоровья, поскольку общепринятое определение здоровья включает физический, психический и социальный компонент, предпринимались неоднократно. Наиболее цитируемым в этом отношении является труд А. М. Эрделевского. "Компенсация морального вреда" [6]... С.М. Воробьев вводит термин "тяжесть морального вреда", предполагая, что он может включать, в том числе, все варианты психогенных расстройств [3]... Он также рассматривает возможность других вариантов компенсации вреда, кроме денежного.

Краткий обзор обсуждаемой темы позволяет сделать вывод о том, что уголовно-правовые и медицинские характеристик вреда здоровью не отражают полный объем причинного вреда здоровью, что ограничивает возможности потерпевшего на поддержку со стороны государства. Таким образом, может возникнуть ситуация, когда нормы уголовного права, могут быть формальными и использоваться правоприменителем в произвольном порядке. Поэтому требуется необходимость в обсуждении обозначенной темы.

Список литературы и источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 2: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174 ред. ред. от 28.03.2017. URL: www.pravo.gov.ru, 04.04.2017, № 0001201704040005).
3. Воробьев С.М. Эволюция института компенсации морального вреда в российском праве (теоретико-правовое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 535 с.
4. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. Курс советского уголовного права: Общая часть / Пионтковский А.А. М.: Госюриздат, 1961. 666 с.
5. Прозументов Л.М. Общественная опасность как основание криминализации (декриминализации) деяния// Вестник Воронежского института МВД России. 2009. № 4. С. 19 (18-24).
6. Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда. М.: Р. Валент, 2007. 272 с.
7. Яковлева Е.Ю. Оценка степени тяжести вреда здоровью при психогенных психических расстройствах потерпевших – жертв сексуальных правонарушений // Суд.-мед. эксперт. 2009. № 4. С. 11-18.

А.А. Постоялко (г. Иркутск)

К вопросу о разграничении доведения до самоубийства (ст.110 УК РФ) и убийства (ст. 105 УК РФ)

Среди всех прав и свобод, которые бы определяли правовое положение гражданина в стране, ведущее место занимает право каждого человека на жизнь. Такое право установлено в статье 20 Конституции Российской Федерации. Закрепление и реализация права на жизнь, ставит перед государством и её правоохранительными органами задачу беспрекословной борьбы с преступлениями, имеющими связь с причинением смерти другому человеку, в числе которых и доведение до самоубийства. Наиболее важную роль в этом вопросе играет уголовный закон.

В своих исследованиях, например, говоря о преступлениях против жизни, следует отметить, что выделяется такое деяние, как доведение до самоубийства, А. А. Цыркалюк отмечает, что косвенным результатом неспособности органов государственной власти и общества обеспечить основные социальные потребности человека выступает самоубийство, то есть, добровольное и сознательное лишения себя жизни. Подобные социальные явления в России приобрели массовый характер. На сегодняшний день в Российской Федерации во многих фактах самоубийств ярко прослеживается криминальный характер, и такая тенденция не имеет склонности к уменьшению [4, с. 3]. Во всех убийствах речь идет об умышленном причинении смерти другому человеку виновным, а здесь речь идет о самоубийстве себя потерпевшим.

Несмотря на быстрый рост количества самоубийств в современной России, уголовные дела по преступлениям, предусмотренным ст. 110 УК РФ, практически отсутствуют. Современные криминологи отмечают, что преступления такого характера носят высоко латентный характер. Например, Е. К. Волконская обращает внимание на то, что самоубийства вследствие доведения и самоубийства без доведения соотносятся как один к двадцати [1, с. 19]. Причину этому А. А. Цыркалюк находит в юридико-техническом несовершенстве статьи, а также в сложности и двусмысленности определения криминального характера самоубийства и разграничения доведения до самоубийства и убийства [4, с. 4].

Для того, чтобы применить статью 110 УК РФ достаточно установить хотя бы один из указанных способов в диспозиции статьи. Законодатель указал все возможные, на его взгляд способы, доведения до самоубийства. Также, большинство современных отечественных ученых-криминологов сходятся во мнении, что перечень указанных в Уголовном Кодексе РФ преступных действий (способов) не охватывает всех возможных случаев.

Факт ограничения способов совершения преступления, предусмотренного статьей 110 Уголовного кодекса РФ, не даёт возможности квалификации по данной статье общественно опасных деяний, которые направлены на попытку доведения до самоубийства, совершённые иными способами. Хотя степень их общественной опасности ничуть не меньше, чем предусмотренные в УК РФ [3, с. 123].

Статья 110 УК РФ является практически идентичным аналогом статьи 107 УК РСФСР 1960 года. В УК РСФСР санкция по ст.107 заключалась в лишении свобода виновного на срок до 5 лет, по мнению многих аналитиков наказание было целесообразным, по причине того, что практика с этим видом преступления практически не встречалась. Говоря о современной России, тенденции сводятся к тому, что многие убийства подменяются самоубийством, а так же общественные отношения находят свое развитие, и по этому можно полагать, что ст.110 «изжила» себя и требует серьезных изменений и дополнений.

Представляется, что возможно изложить ст.110 Уголовного закона РФ следующим образом:

1. Доведение лица до самоубийства или покушение на таковое путем угроз, жестокого обращения, систематического унижения человеческого достоинства, шантажа, принуждения, обмана, причинения психических и физических страданий потерпевшему, а так же если потерпевшее лицо находилось в материальной или иной зависимости от виновного-

2. Те же деяния, совершенные:

а) в отношении двух и более лиц;

б) в отношении лиц не достигших возраста 14 лет;

в) с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»;

3. В отношении лиц не достигших возраста 12 лет.

В данном случае также стоит поднять вопрос о разграничении доведения до самоубийства и убийства. Говоря о целесообразности данного вопроса, стоит принять во внимание обостренную ситуацию с группами смерти, которые стремительно набирают популярность. Подобные группы начинают свое существование с развития так называемых социальных сетей в сети «Интернет». Но общественный резонанс вызвали только сейчас.

Рассмотрение действий администраторов данных групп, таких как «синий кит», «разбуди меня в 4.20» и др., ставит в недоумение правоприменителей и один логичный вопрос «а квалифицировать как?». Ранее был раскрыт вопрос о расширении преступных действиях (способах), о введении в ст. 110 квалифицирующих признаков. А в этом случае хотелось бы обратить внимание на то, что действия виновного приводят к смерти потерпевшего, в данном случае умысел прямой. Думается, что логичным и неоспоримым будет то, что в подобной ситуации виновный должен нести уголовную ответственность именно по ст. 105 УК РФ «убийство».

Общественная опасность в данном случае очень высокая, так как задания и «смертельные игры» направлены на неопределенное число лиц, а в частности несовершеннолетних, а в основной своей массе в отношении лиц не достигших возраста 12 лет. Поэтому целесообразно выделять данное общественно опасное деяние, не как простое убийство, а именно как убийство с квалифицирующими признаками.

Представляется, что возможно внести дополнения в ст.105 Уголовного закона РФ следующим образом:

Добавить пункт «и» части 2: «путем принуждения лица к совершению самоубийства», а также пунктом «и¹» часть 2: «принуждение к совершению самоубийства, лиц не достигших двенадцатилетнего возраста»,

А так же добавить Примечание 1: «Под принуждением лица к совершению самоубийства понимать активные, систематические действия в физическом или психологическом воздействии, в форме прямого умысла виновного, и если можно полагать, что у потерпевшего не было иного выбора поведения».

Говоря об отграничении самоубийства и убийства, следует признать верным высказывание Кондрашовой Татьяны Владимировны «Если, несмотря на жестокое обращение, у лица остается выбор: покинуть мир или продолжать жить и претерпевая все превратности бытия, включая жесто-

кость со стороны определенных лиц, то речь идет о самоубийстве. Если же выбор делается в обстановки крайней необходимости, например, то есть лицо ставится перед фатальным выбором между двумя смертями, например (жертве предлагается либо избрать способ смерти, либо выбрать кто должен умереть: сам потерпевший или иное лицо), то содеянное может оцениваться лишь как убийство» [2, с. 186].

Полагаю, что целесообразным признать доведение до самоубийства способом причинение смерти другому человеку. Доведение примыкает к убийству, потому что виновный совершает действия, конечным результатом которого является смерть потерпевшего. С субъективной стороны по ст.110 УК РФ, предполагается неосторожное причинение вреда, или причинение вреда с косвенным умыслом, соответственно по ст.105 УК РФ преступное деяние образуется только с прямым умыслом.

Список литературы и источников

1. Волконская Е. К. Предупреждение доведения до самоубийства: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2011; Агафонов А. В. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства: монография. М.: Юрлитинформ, 2013.

2. Кондрашова Т.В Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности: монография. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2000. С. 186

3. Кузнецова М. Ю. Доведение до самоубийства: проблемы квалификации // Право: история, теория, практика: материалы III междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2015 г.). СПб., 2015. С. 123-126.

4. Цыркалюк А. А. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.

К.В. Дядюн (г. Владивосток)

Проблемы толкования и применения признаков субъекта в нормах УК РФ, предусматривающих ответственность за посягательства на репродуктивные интересы

Адекватное отображение всех признаков состава преступления в нормах уголовного закона – залог надлежащего понимания и правоприменения, правильной квалификации, назначения справедливого и обоснованного наказания, надлежащей защиты охраняемых благ.

Установление признаков субъекта преступления имеет немаловажное значение: помимо определения наличия состава преступления позво-

ляет отграничивать преступные деяния от иных правонарушений, влияет на пределы ответственности.

Особое значение вышеозначенные моменты приобретают в нормах, направленных на защиту репродуктивных интересов как факторов, обусловленных охраной прав не только отдельной личности, но основ развития общества и государства в целом.

В рамках Особенной части действующего уголовного закона можно выделить несколько норм, которые с одной стороны тесно взаимосвязаны с охраной репродуктивных интересов, с другой – сопряжены с проблемами толкования и применения признаков субъекта: убийство заведомо беременной женщины (п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ); убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ); незаконное проведение искусственного прерывания беременности (ст. 123 УК РФ); необоснованный отказ в приеме на работу/ необоснованное увольнение беременной женщины/ женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет (ст. 145 УК РФ).

К общим признакам субъекта преступления относятся: принадлежность к человеческому роду, вменяемость и достижение определенного возраста; к специальным – особенности статуса (психологического, образовательного, профессионального и др.). В вышеозначенных составах указанные критерии отображены не совсем адекватно, что влечет сложности правильной квалификации содеянного и препятствует надлежащей защите охраняемых интересов.

Так, в п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ включен критерий психологического статуса виновного: заведомое осознание состояния потерпевшего лица. Указание в законе на означенный момент абсолютно справедливо, т.к. неучет данного фактора способствует объективному вменению квалифицирующего обстоятельства. В то же время сложности толкования и применения означенного фактора в условиях фактической ошибки в отсутствие разъяснений Верховного суда влечет невозможность единообразного применения, назначение несправедливого наказания, ненадлежащую охрану интересов материнства и детства. В настоящее время убийство виновным женщины при ошибочном предположении о нахождении последней в состоянии беременности может быть квалифицировано четырьмя различными способами (на основании различных теоретических и правоприменительных толкований):

как простое убийство (игнорируется повышенная общественная опасность содеянного, обусловленная психологическим осознанием виновным причинения вреда более значимым интересам);

по совокупности: простое убийство + покушение на убийство заведомо беременной женщины (удваивание ответственности за одно и то же деяние → противоречие принципу справедливости и правилам квалификации: «приоритет» квалифицированного вида состава над основным, учет охраны более важного объекта, направленность умысла);

как квалифицированное убийство: по п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ (отсутствует повышенная общественная опасность содеянного, надлежащий потерпевший);

как покушение на убийство заведомо беременной женщины (соответствует правилам квалификации: ошибка в объекте, в обстоятельствах → юридическая фикция; назначение справедливого и обоснованного наказания с учетом как направленности умысла виновного, так и причиненного вреда).

В рассматриваемом вопросе представляется необходимым закрепление соответствующей позиции в рамках Постановления Пленума Верховного Суда РФ во избежание означенных проблем. В настоящее же время особенности психологического статуса субъекта не всегда подлежат надлежащему учету и влиянию на назначаемое наказание в указанных ситуациях.

В ст. 106 УК РФ субъектом преступления является мать ребенка, достигшая 16 лет (в соответствии со ст. 20 УК РФ). Таким образом, в рамках рассматриваемой темы учету подлежат общие признаки (возраст) и специальные (особый правовой статус материнства). Соответственно, в рамках рассматриваемой темы возникают такие проблемные вопросы как: совершение анализируемого деяния суррогатной матерью; убийство новорожденного ребенка матерью, не достигшей 16-и лет; надлежащий учет психофизиологического состояния субъекта, обусловивший привилегированность состава.

Так, в настоящее время отсутствует четкая позиция относительно наказуемости анализируемого деяния, совершенного лицом, достигшим 14-и, но не достигшим 16-лет. По общему правилу указанные лица должны подлежать ответственности по норме, предусматривающей наказание за совершенное деяние с 14-ти лет: п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ (квалифицированное убийство заведомо беспомощного лица). Таким образом, одинаково характеризующиеся лица, совершившие общественно опасное деяние под воздействием идентичных обстоятельств, подлежат кардинально различной ответственности только на основании возраста, причем более младший возраст в данном случае – залог обеспечения более строгого наказания. Такой подход не соответствует требованиям принципов равенства перед законом, справедливости и гуманизма; нивелирует цели создания анализируемой статьи; способствует назначению необоснованного наказания. Освобождение от уголовной ответственности матерей в возрасте от 14 до 16 лет, убивших своих новорожденных детей, также нарушает основополагающие уголовно-правовые принципы и способствует безнаказанности соответствующего девиантного поведения указанных лиц. Выходом представляется внесение изменений в ч. 2 ст. 20 УК РФ (о снижении нижней возрастной границы за деяние, предусмотренное ст. 106 УК РФ).

Относительно статуса материнства у субъекта рассматриваемого деяния следует отметить, что, исходя из логического и грамматического толкования уголовного закона, суррогатная мать при наличии иных обозначенных в законе условий может являться субъектом данного преступления; и, напротив, биологическая мать при наличии суррогатной, лишается права на смягчение ответственности за деяние, предусмотренной ст. 106 УК РФ. В данном вопросе особое значение имеет именно особое психофизиологическое состояние женщины, обусловленное процессом родов и /или связанных с ним обстоятельств.

В качестве обстоятельства, смягчающего наказание за исследуемое деяние, необходимо учитывать не исключающее вменяемости психическое расстройство, обусловленное влиянием родового процесса и/или связанных с ним обстоятельств. Представляется, что указанная позиция полностью соответствует целям создания соответствующего привилегированного состава. В данном случае учету подлежит особое психофизиологическое состояние женщины в конкретный период. К сожалению, несовершенство диспозиции ст. 106 УК РФ способствует необоснованному смягчению наказания для лиц, никоим образом этого не заслуживающим. Выходом представляется конкретизация признаков рассматриваемого состава с акцентированием на вышеозначенных признаках.

При установлении уголовной ответственности за незаконное проведение искусственного прерывания беременности в рамках регламентации признаков субъекта особое значение приобретает образовательный статус виновного лица: отсутствие у лица высшего медицинского образования соответствующего профиля. Такой подход не соответствует требованиям надлежащей защищенности репродуктивных прав и интересов, требованиям принципов равенства, справедливости и гуманизма, назначению справедливого и обоснованного наказания. Действующая законодательная позиция в рассматриваемой области с одной стороны позволяет избежать заслуженной ответственности лицу, осуществившему аборт на позднем сроке, в антисанитарных условиях, но имеющему высшее гинекологическое образование; с другой - назначить наказание лицу, производшему данную операцию при соблюдении всех необходимых медицинских условий, но не обладающему указанными образовательными критериями. Разрешением означенной проблемы представляется изменение регламентации признаков субъекта в анализируемом составе.

В рамках ст. 145 УК РФ установлены такие признаки субъекта как: служебные полномочия + психологическое осознание мотивации осуществляемого деяния. В данном вопросе в свете рассматриваемой темы особый интерес представляют такие моменты как: институт аутстаффинга и доказанность наличия у субъекта соответствующих психологических аспектов совершения. Относительно первого вопроса, надлежащим субъектом рассматриваемого деяния следует признавать лизинговое агентство. Применительно

ко второй означенной проблеме акцент психологического статуса субъекта следует делать на осознании обстоятельств, не связанных с деловыми и профессиональными качествами, и принятии решения об отказе в приеме на работу/увольнении в противоречии с указанными критериями.

Суммируя вышеизложенное, следует отметить, что несовершенства действующего законодательного подхода при регламентации признаков субъекта в нормах, направленных на защиту репродуктивных интересов, влекут проблемы толкования и применения не только означенных критериев, но и всего состава в целом; усложняют правильную квалификацию содеянного, назначение справедливого и обоснованного наказания и, как следствие, негативно сказываются на реализации основополагающих принципов и защите соответствующих прав. Выводы и рекомендации, представленные в статье, обусловлены учетом правил квалификации, целей и задач уголовного закона и направлены на минимизацию/ нивелирование выявленных недостатков.

А. А. Шилкина (г. Иркутск)

О категории «заведомость» в преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности

Преступления в сфере половой неприкосновенности и половой свободы личности занимают одно из центральных мест среди множества проблем современной действительности. По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за преступления, предусмотренные ст. 131 – 135 УК РФ, в 2011 г. было осуждено 7081 лицо, в 2012 г. – 6026, в 2013 г. – 5630, в 2014 г. – 6126, в 2015 г. – 7260, за первое полугодие 2016 г. – 3751. Необходимо учитывать, что уровень латентности преступлений, предусмотренных главой 18 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), крайне высок, поэтому реальное количество рассматриваемых общественно опасных деяний гораздо больше, что безусловно нужно учитывать при оценке статистических данных при исследовании преступлений в сфере половой неприкосновенности и половой свободы личности.

Особое беспокойство общества вызывают преступления совершенные в отношении несовершеннолетних, поскольку они представляют значительную опасность для развития ребенка как в психическом, так и нравственном плане, часто причиняется вред физическому здоровью. Совершенные действия могут стать причиной возникновения суицидных наклонностей у потерпевших.

В данном случае одним из самых трудных этапов квалификации общественно опасных деяний по субъективной стороне является отношение субъекта преступления к возрасту потерпевшего лица. Ни одно десятилетие ученые и практики осуществляют непрерывный поиск наиболее оптимальной модели вменения данного признака, но до сегодняшнего дня согласия в подходе к решению настоящего вопроса не достигнуто, о чем явно свидетельствуют многочисленные изменения, вносимые в УК РФ и постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее – Пленум ВС РФ).

В российском уголовном праве субъективная сторона состава преступления характеризуется тремя признаками: вина, цель и мотив. Включение заведомости в данный перечень будет немотивированным. Профессор А. И. Рарог отметил: «Заведомость – это не самостоятельный элемент психической деятельности человека. Термин «заведомость» представляет собой особый технический прием, применяемый для характеристики субъективной стороны преступления. Он означает способ указания в законе на то, что субъекту при совершении деяния было заранее известно (ведомо) о наличии тех или иных обстоятельств, имеющих существенное значение для квалификации преступления или для назначения наказания, то есть он достоверно знал об этих обстоятельствах» [8, с. 68].

С момента введения в действие современного УК РФ позиции высших законодательных и судебных органов менялись с завидной регулярностью.

Изначально во всех статьях главы 18 УК РФ, где был прописан возраст потерпевшего лица (а именно в статьях 131, 132, 134 и 135 УК РФ), присутствовало указание на заведомость. В тот момент действовало постановление Пленума ВС РФ от 22 апреля 1992 года № 11 «О судебной практике по делам об изнасиловании» в редакции от 21 декабря 1993 года, которое в 10 пункте содержало следующее разъяснение: «квалификация ... возможна лишь в случаях, когда виновный знал или допускал, что совершает насильственный половой акт с несовершеннолетней или малолетней. При этом необходимо учитывать не только показания самого подсудимого, но и тщательно проверять их соответствие другим обстоятельствам дела» [13]. Здесь обозначены возможные интеллектуальные границы от «знал» до «допускал», то есть от прямого до косвенного умысла, от достоверных знаний о возрасте потерпевшего лица, например, в силу прежнего знакомства, до предположений и факта не исключения малолетства или несовершеннолетия. «Использование термина допущение, в смысле интеллектуального признака, очень неудачно и не только потому, что толкующий орган вольно использует законодательную терминологию, характеризующую волевой момент косвенного умысла, но прежде всего потому, что допущение, как интеллектуальный признак, очень близко приближается к размытой формулировке – могло и должно предвидеть. Допущение не может очертить границы умысла, использование такого интеллектуального при-

знака ставит правоприменителя в очень сложное положение, ему нужно будет устанавливать различные оттенки осознания возраста потерпевшего лица» [4, с. 183].

В 2004 году Пленум ВС РФ занял более однозначную позицию и при вынесении постановления от 15 июня 2004 г. № 11 года «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации» зафиксировал, что виновный должен был достоверно знать о возрасте потерпевшего лица или же его внешний облик явно свидетельствовал, например, о его возрасте. «Добросовестное заблуждение, возникшее на основании того, что возраст потерпевшего лица приближается к совершеннолетию или в силу акселерации оно выглядит взрослее своего возраста, исключает вменение виновному лицу данного квалифицирующего признака» [12]. Именно данная трактовка на тот период времени законодательно закрепленного признака «заведомо не достигшего [определенного] возраста» является, на наш взгляд, наиболее терминологически точным и удачным с точки зрения модели вменения этого признака в составах преступлений, предусмотренных главой 18 УК РФ.

Следующей важной вехой стал федеральный закон от 27 июля 2009 года № 215-ФЗ [2], которым были внесены противоречивые изменения в УК РФ. Из диспозиций статей 131 и 132 УК РФ были исключено слово «заведомо» как по отношению к малолетним потерпевшим, так и по отношению к несовершеннолетним. Однако в статьях 134 и 135 УК РФ установленный признак не стали упразднять, более того законодатель дифференцировал уголовную ответственность в зависимости от возрастной характеристики потерпевшего лица (12, 14 и 16 лет) и в каждой новой части вышеперечисленных статей ввел признак заведомого знания субъектом преступления о возрасте детей и подростков. Неоднозначную оценку вызвало данное решение парламента. Указанный признак был исключен из статей 134 и 135 УК РФ лишь спустя три года федеральным законом от 29 февраля 2012 года № 14-ФЗ [1].

Свою позицию по этому вопросу Верховный Суд РФ выразил в Определении от 31 января 2011 № 3-О11-2, где было указано, что «исключение из прежней редакции указания о «заведомости» совершения изнасилования потерпевшей, не достигшей четырнадцати лет, не освобождает органы следствия от обязанности доказывания наличия у виновного лица умысла на совершение инкриминируемых ему действий» [11].

С. В. Дубовиченко считает: «Такая позиция полностью согласуется с принципом субъективного вменения, при этом не имеет никакого значения, закреплена ли «заведомость» в тексте закона или нет. Вменению могут подлежать лишь те обстоятельства содеянного, которые охватываются виной. Изнасилование – это умышленное преступление, поэтому его конструктивные и квалифицированные признаки должны охватываться умыс-

лом (неосторожность может быть к квалифицированным общественно опасным последствиям)» [4, с. 180]. А. П. Дьяченко так же поддерживает решение законодателя: «Признак «заведомости» отсутствует в уголовном законодательстве зарубежных стран и обоснованно исключен из УК РФ. Представляется, что возврат этого признака в национальное уголовное законодательство будет наихудшим законодательным решением, поскольку он существенно нарушает права и свободы потерпевших на защиту, а также позволяет виновному избежать более строгой ответственности и наказания за содеянное» [5, с. 97].

Сохранил свое мнение по данному вопросу Пленум ВС РФ и через два года постановлении от 14 июня 2013 года № 18. Внося изменение в свое постановление от 15 июня 2004 г. № 11 года «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации» указал: «...квалификация преступлений возможна лишь в случаях, когда виновное лицо знало или допускало, что потерпевшим является лицо, не достигшее соответственно восемнадцати либо четырнадцати лет» [10]. Таким образом, мы вернулись к правилам, высказанным Пленумом ВС РФ в 1992 году.

Е. А. Пащенко высказалась по этому поводу весьма уместно: «Критически оценивая исключение признака «заведомости» применительно к возрасту 14 и 18-летия в составах 131 и 132 УК РФ, законодатель не признал поспешности своих решений и исправил ситуацию разъяснением высшей судебной инстанции, вновь вводя необходимость субъективной оценки возраста потерпевшего» [6, с. 46].

В. Б. Поезжалов и А. Е. Линкевич высказали иное мнение: «Установление фактического возраста потерпевшей должно было стать объективным мериллом ответственности насильника, исключаяющим его субъективное представление о данном свойстве жертвы. Следовательно, законодатель поставил задачу возвести в ранг закона объективное вменение рассматриваемых квалифицирующих обстоятельств изнасилования. Между тем Пленум ВС РФ проигнорировал данный факт. Получается, что законодатель вносит изменения в закон, а правоприменитель игнорирует его позицию, давая ограничительное толкование вполне однозначно требующего буквального понимания признака уголовно-правовой нормы» [7, с. 23].

В ныне действующем постановлении Пленума ВС РФ от 4 декабря 2014 года № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» [9] сохранена прежняя позиция, согласно которой лицо знало или допускало определенный возраст потерпевшего лица.

Представляется спорным, что даже в одном и том же постановлении Пленум ВС РФ избирает разный подход при разъяснении признаков субъективной стороны [3, 734]. Так, по отношению к беспомощному состоянию субъект преступления должен безусловно знать, что потерпевшее лицо

находится в таком состоянии, например, из-за определенной степени опьянения, а по отношению к возрасту он может только допускать, догадываться, но точно не знать. Складывается весьма спорная ситуация: в первом случае при допущении такого состояния, состав преступления будет отсутствовать, если не будет насилия или угрозы его применения, а во втором – так же при допущении будет иметь место квалифицированный состав преступления. «Пределы интеллектуального содержания умысла следует определять не сомнением в наличии или отсутствии сознания, а использованием правил о фактической ошибке: лицо либо осознает, либо добросовестно заблуждается относительно возраста, равно как и других признаков потерпевшего» [4, с. 184].

Анализируя многочисленные изменения, внесенных в главу «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности» за период действия современного Уголовного кодекса Российской Федерации, можно прийти к выводу об отсутствии последовательности позиции законодателя и Пленума ВС РФ. Последний давал ограничительное толкование признаку «заведомости» относительно половых преступлений, то вновь прибегал к расширительному толкованию, иногда выходя за рамки буквального.

Стоит согласиться с мнением Е. А. Пащенко: «Нестабильность практики применения уголовного закона постепенно становится основной характерной чертой современной правоприменительной деятельности, и предпосылок к ее упорядочению пока нет. Во многом возникновение такого ее состояния обусловлено не только непоследовательностью вмешательства в сферу уголовно-правового регулирования, но и его полной неадекватностью реальной действительности, криминогенной обстановке и тенденциям развития преступности в современном обществе. Все это оказывает самое непосредственное влияние на дестабилизацию правоприменительной деятельности и способствует дальнейшему подрыву авторитета уголовного закона» [6, с. 46].

В целях устранения названных недостатков предлагаем вернуть исключенный признак «заведомости» в диспозиции статей главы 18 УК РФ, поскольку на практике этот признак всеравно приходится доказывать в связи с разъяснениями Пленума ВС РФ. Однако целесообразно трактовать указанный термин не как знание или допущения, а исключительно как достоверную осведомленность относительно возрастных характеристик потерпевшего лица, что нужно закрепить в примечании к статье, чтобы Пленум ВС РФ не смог вновь поменять суть новеллы. А так же вернуть положения о добросовестном заблуждении, в связи с чем необходимо будет внести соответствующие изменения в постановление Пленума ВС РФ от 4 декабря 2014 года № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности».

Список литературы и источников

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних: федер. закон от 29 фев. 2012 г. № 14-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2012. № 10. Ст. 1162.
2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 27 июля 2009 г. № 215-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2009. № 31. Ст. 3921.
3. Гармышев Я. В. К вопросу о квалификации некоторых оценочных понятий в уголовном праве России / Я. В. Гармышев, И. М. Егерев, С. В. Пархоменко // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10. № 4. С. 732 - 739.
4. Дубовиченко С. В. Спорные вопросы субъективной стороны преступления в новом Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» / С. В. Дубовиченко // Вестник ВУиТ. 2015. № 2. С. 178 - 185.
5. Дьяченко А. П. Отзыв официального оппонента на диссертацию А. М. Мартиросьяна «Насильственные половые преступления в отношении несовершеннолетних (уголовно-правовой и криминологический аспекты)», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук (по специальности – 12. 00. 08) / А. П. Дьяченко // Северо-Кавказский юридический вестник. 2010. № 2. С. 95 - 97.
6. Пащенко Е. А. Уголовная политика в отношении преступлений против половой неприкосновенности: правотворчество и правоприменение / Е. А. Пащенко // Северо-Кавказский юридический вестник. 2014. № 2. С. 44 - 48.
7. Поезжалов В. Б. Разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации: спорные вопросы судебного толкования / В. Б. Поезжалов, А. Е. Линкевич // Евразийская адвокатура. 2016. № 5. С. 21 - 24.
8. Рарог А. И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам : монография / А. И Рарог. М.: Проспект, 2015. 231 с.
9. О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 дек. 2014 г. № 16 // Рос. газ. 2014. 12 дек.
10. О внесении изменения в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2004 года № 11 "О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации" : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2013 г. № 18 // Рос. газ. 2013. 21 июня.

11. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 31 янв. 2011 г. № 3-О11-2 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 8.

12. О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2004 г. № 11 // Рос. газ. 2004. 29 июня.

13. О судебной практике по делам об изнасиловании : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 апр. 1992 г. № 11 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1992. № 7.

Е.Г. Усов (г. Иркутск)

Объект преступления, предусмотренного ст. 138.1 УК РФ

Определение места того или преступления в структуре Уголовного кодекса это неотъемлемая часть процесса законотворческой деятельности. Выбор раздела и главы УК РФ, где предполагается размещение нового состава фактически определяет родовой и видовой объекты данного преступления. Безусловно, выбор родового и видового объекта оказывает влияние на предмет преступления, ведь с помощью воздействия на предмет преступления должен наноситься реальный или потенциальный вред не только основному непосредственному, но также родовому и видовому объекту.

Размещение статьи особенной части УК РФ в неподходящий раздел или главу порождает несоответствие основного непосредственного объекта двум другим объектам – родовому и видовому. Как следствие, в процессе правоприменительной деятельности возникают правовые коллизии.

В ноябре 2017 года сотрудниками отдела «К» ГУ МВД России по Иркутской области было проведено оперативно-розыскное мероприятие «Проверочная закупка», в ходе которого было осуществлено приобретение технического устройства – «микронаушник» с признаками специального технического средства для негласного получения информации (далее – СТС НПИ). В ходе исследования, проведенного экспертом УФСБ России по Иркутской области, была установлена относимость указанного устройства к категории специальных технических средств для негласного получения информации. Материалы проверки по факту сбыта специального технического устройства для негласного получения информации были в установленном порядке переданы в следственный отдел следственного комитета для принятия правового решения. По результатам проверки было принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с тем,

что данное устройство, хоть формально и относится к категории СТС НПИ, но напрямую не предназначено для нарушения конституционных прав и свобод человека и гражданина, не было использовано и не предполагалось для использования в этих целях.

Таким образом, в ходе практической деятельности была выявлена серьезная теоретическая проблема – несоответствие основного непосредственного объекта родовому и видовому объектам. Размещение ст. 138.1 УК РФ в главе преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина обуславливают дополнительные требования к предмету преступления – им, по мнению следственных органов, может быть не всякое СТС НПИ, а только то СТС НПИ, которое использовалось или предполагалось к использованию для нарушения конституционных прав человека и гражданина.

Проблема объекта преступления, предусмотренного ст. 138.1 УК РФ на сегодняшний день широко обсуждается и ученые выказывают самые различные точки зрения. В частности, Т. Устинова считает незаконный оборот СТС НПИ одним из видов незаконной предпринимательской деятельности [1, С. 11]. С.Д. Петроченков говорит о том, что незаконный оборот СТС НПИ, посягает на общественные отношения в сфере экономической деятельности, однако вместе с тем, создается угроза причинения вреда общественным отношениям в сфере безопасности государства [2, С. 54, 57]. Родивилин И.П. и Родивилина В.А. считают, что уголовная ответственность за незаконный оборот СТС НПИ должна наступать в том случае, если лицо намеревалось использовать данное устройство для незаконного собирания информации, в противном случае вред объекту уголовно-правовой охраны не наносится и содеянное надлежит квалифицировать как административное правонарушение [3, С. 61, 66]. В.А. Новиков полагает, что незаконный оборот СТС НПИ посягает на основы конституционного строя и безопасности государства [4, С. 56, 58].

Достаточно сложно согласиться с позицией Т. Устиновой, так как уголовная ответственность незаконную предпринимательскую деятельность предусмотрена лишь в том случае, если указанная деятельность сопряжена с извлечением дохода в крупном размере, то есть в размере двух миллионов двухсот пятидесяти тысяч рублей. Средняя стоимость СТС НПИ, изымаемых в ходе оперативно-розыскных мероприятий на территории России редко превышает три тысячи рублей, в связи с этим справедливо говорить, что экономические интересы государства в данном случае существенно не нарушаются.

Более близок к истине, на наш взгляд, подход С.Д. Петроченкова, который считает, что незаконный оборот СТС НПИ посягает на общественные отношения в сфере экономической деятельности и создает угрозу причинения вреда общественным отношениям в сфере безопасности государства. Однако полностью согласиться с данным подходом представляется

неверным, так как по причинам, описанным выше, незаконный оборот СТС НПИ не представляет существенной угрозы экономической безопасности государства.

Позиция Родивилина И.П. и Родивилиной В.А. предполагает необходимость законодательного закрепления цели использования СТС НПИ для нарушения конституционных прав и свобод человека и гражданина. Однако на сегодняшний день указанная цель не установлена ни одним нормативным актом. Кроме того, основной непосредственный объект статьи 138.1 УК РФ – установленный порядок производства, приобретения и сбыта СТС НПИ. По сложившейся практике отечественного законодателя, в случае введения уголовной ответственности за оборот определенных предметов, запрету подлежат любые перечисленные в законе действия с данными предметами независимо от цели их использования. Уголовно-правовое значение имеет лишь цель сбыта – она повышает общественную опасность содеянного, однако отсутствие таковой цели не декриминализует деяние. Поэтому подход данных авторов, на наш взгляд не в полной мере соответствует действующему законодательству и принятой юридической технике.

В.А. Новиков, на наш взгляд, справедливо отметил, что незаконный оборот СТС НПИ посягает на основы конституционного строя и безопасности государства. В подтверждение указанного довода, данный автор сослался на Федеральный закон «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» [5]. Согласно статье 6 указанного Федерального закона, разработка, производство, реализация и приобретение в целях продажи специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, имеет стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Таким образом, анализируя подходы различных ученых по вопросу объекта преступления, предусмотренного ст. 138.1 УК РФ можно сделать следующий вывод – указанный состав преступления после выделения из ч.3 ст. 138 УК РФ был ошибочно размещен в главу 19 УК РФ, что породило несогласованность основного непосредственного объекта родовому и видовому объектам.

Размещение указанного состава в главу 29 УК РФ «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» снимет проблему несоответствия объектов. Основной непосредственный объект преступления органично впишется в иерархию «Преступления против государственной власти – преступления против основ конституционного строя и безопасности государства».

Это позволит устранить возникающие на практике неоднозначные подходы к определению сущности СТС НПИ и позволит более эффективно

реализовывать потенциал данной статьи. Законодательной основой для данного решения служит Федеральный закон «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства», который четко объясняет природу общественной опасности преступления, предусмотренного ст. 138.1 УК РФ.

Список литературы и источников

1. См.: Устинова Т. Нарушение тайны переписки, телефонных и иных сообщений граждан // Уголовное право. 1998. № 2. С. 11.
2. См.: Петроченков С.Д. Уголовная ответственность за незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации. М., 2015. С. 54, 57.
3. См.: Родивилина В.А., Родивилин И.П. Особенности квалификации преступлений в сфере незаконного оборота специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2013. № 3(66). С. 61, 66.
4. См.: Новиков В.А. Незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации: объект преступления и место в системе особенной части УК РФ // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2015. № 2 (8). С. 56, 58.
5. О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства: Федеральный закон от 29 апреля 2008. № 57-ФЗ (в ред. от 04 ноября 2014 г. № 343-ФЗ).

Я.В. Гармышев, А.В. Пузикова (г. Иркутск)

Ответственность за мошенничество в сфере предпринимательской деятельности

Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности – одно из самых неоднозначных преступлений из всех существующих в уголовном законодательстве. В свое время, учитывая нарушение принципа системности уголовно-правовых норм, Конституционный Суд Российской Федерации вынес постановление, в соответствии с которым признал положения статьи 159.4 УК Российской Федерации не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (часть 1), 46 (часть 1) и 55 (часть 3) [5]. Этот пример наглядно еще раз подтверждает нестабильность уголовного законодательства. Тем не менее, как неоднократно предупре-

ждал профессор Э. Ф. Побегайло, правоприменительная деятельность тем эффективнее, чем более постоянными являются нормы уголовного закона [6]. Однако пробел уголовного законодательства за мошеннические действия был ликвидирован федеральным законом от 3 июля 2016 г. N 323-ФЗ "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» когда статья 159 Уголовного кодекса Российской Федерации была дополнена квалифицирующим составом мошенничества в сфере предпринимательской деятельности. На наш взгляд, в нововведении акцент сделан на защиту интересов субъектов экономической деятельности. На сегодняшний день законодатель демонстрирует заинтересованность в охране интересов предпринимателей и веру в то, что ограничение вмешательства уголовной юстиции в хозяйственные споры будет плодотворным.

Основным объектом анализируемого преступного посягательства являются общественные отношения, возникающие в сфере предпринимательской деятельности. Тем не менее, с сожалением можно констатировать, что «обвинительный уклон» в судебной практике в отношении дел, фигурантами которых становятся предприниматели, остается достаточно сильным. Продолжают действовать стереотипы – «каждое уголовное дело в обязательном порядке должно дойти до суда, а в суде в обязательном порядке должен быть вынесен обвинительный приговор». Во многом этими стереотипами определяется желание найти «мошенничество» по гражданско-правовым делам [1].

Специфика мошенничества, как преступного явления заключается в том, что собственник или иной владелец имущества как бы добровольно передает либо отчуждает иным образом свое имущество виновному и разграничение мошенничества и гражданско-правового деликта требуется только в том случае, когда не были доказаны признаки состава мошенничества (соответствующие способы совершения преступления (обман или злоупотребление доверием), характерные признаки хищения, сфера предпринимательства, договорные отношения и заранее возникший умысел - субъект изначально не собирается выполнять договорные обязательства), что является гражданско-правовым деликтом, не образуя преступления.

Для обоснованной квалификации действий лица по статье 159 УК РФ, осуществлявших им предпринимательскую деятельность, необходимо исследовать и давать правовую оценку не только документам, непосредственно связанным с материалами уголовного дела, но и другим, характеризующим деятельность анализируемого субъекта в целом, в том числе велась ли им какая-либо вообще законная деятельность, направленная на систематическое извлечение прибыли, согласно договорной, налоговой, бухгалтерской и иной документации, предусмотрено ли его право-

устанавливающими документами осуществление предпринимательской деятельности в той сфере, в которой совершены мошеннические действия.

В случае, отсутствия в материалах уголовного дела сведений об осуществлении субъектом правоотношения законной деятельности в соответствующей сфере, направленной на систематическое извлечение прибыли, использование в процессе совершения хищения реквизитов соответствующего субъекта предпринимательской деятельности следует расценивать как способ совершения мошенничества, а действия обвиняемого - квалифицировать по ст. 159 УК РФ.

Особого внимания при рассмотрении анализируемого состава вида мошенничества - мошенничества в сфере предпринимательской деятельности - заслуживает субъект мошенничества.

В соответствии со статьёй ст. 2 ГК РФ п. 1 одним из признаков предпринимательской деятельности является её направленность на систематическое получение прибыли. При этом такая деятельность должна иметь легитимный характер (формальный критерий), т. е. осуществляться субъектом предпринимательской деятельности в соответствии с действующим законодательством. В связи с этим совершение от имени юридического лица, не ведущего систематической предпринимательской деятельности, в мошеннических целях единственной сделки, направленной на извлечение прибыли, не может рассматриваться как мошенничество в сфере предпринимательской деятельности.

В частности, в качестве данного субъекта В.М. Лебедев указывает, что им может выступать любое дееспособное лицо, достигшее 16-летнего возраста [2]. А.И. Чучаев определяет субъекта, как лицо, занимающееся предпринимательской деятельностью: собственник предприятия (организации), руководитель (директор и т.п.), индивидуальный предприниматель, их представители [3].

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» от 19.12.2013 г. № 41 разъяснил, что мошенничество, совершенное в сфере предпринимательской деятельности, следует считать таковым, если оно совершено лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность самостоятельно или участвующим в предпринимательской деятельности, осуществляемой юридическим лицом, и эти преступления непосредственно связаны с указанной деятельностью. К таким лицам относятся индивидуальные предприниматели в случае совершения преступления в связи с осуществлением ими предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим им имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, а также члены органов управления коммерческой организации в связи с осуществлением ими полномочий по управлению организацией либо при осуществлении коммерческой организацией предпринимательской деятельности [4].

В настоящее время в науке уголовного права и правоприменительной деятельности выработались два противоположных подхода к оценке формальных признаков субъекта мошенничества, совершаемого в сфере предпринимательской деятельности: ограничение круга мошенничеств, совершаемых в сфере предпринимательской деятельности, только деяниями лиц, имеющих правовой статус субъекта или участника легального предпринимательства [4] и отнесение к рассматриваемой группе деяний, связанных с заведомым неисполнением гражданско-правовых обязательств или совершением других экономически значимых деяний, направленных на извлечение прибыли, безотносительно к статусу виновного [5] и суды предпочитают идти по первому пути.

Таким образом, сфера предпринимательской деятельности, применительно в ст. 159 УК РФ определяется не тем, с кем заключаются договоры, а статусом виновного лица (оно должно быть правомочно осуществлять предпринимательскую деятельность – быть индивидуальным предпринимателем или обладать соответствующими управленческими полномочиями на осуществление предпринимательской деятельности от лица организации) и заключением договора именно в процессе предпринимательской деятельности [7].

Следовательно, предпринимательская деятельность не ограничивается частной или публичной сферой, а ее субъектами могут быть любые субъекты гражданского права. Преступлениями в сфере предпринимательской деятельности признаются деяния, совершаемые либо индивидуальными предпринимателями, либо лицами, осуществляющими управление коммерческой организацией, безотносительно к тому, кто является потерпевшим.

Список литературы и источников

1. Гибадуллин Р.В. Вопросы правоприменительной практики по расследованию мошенничества в сфере предпринимательской деятельности // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2016. № 3 (131). С. 78-82.

2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.М. Лебедев. 13-е изд., перераб. и доп. // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс»

3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный, испр., доп., перераб.) / под ред. д-ра юрид. наук, проф. А.И. Чуачаева). // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс»

4. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 г. № 41 // Рос. газ. 2013. № 294.

5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 декабря 2014 г. № 32 - П по делу о проверке конституционного положений статьи 1594 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

6. Побегайло Э. Ф. Кризис современной российской уголовной политики // Уголовное право. 2004. № 4. С. 112–117.

7. Пряхина Н.И. Ответственность за мошенничество в сфере предпринимательской деятельности: социально-правовая обоснованность, правоприменение, перспективы в свете решения Конституционного Суда РФ / Н.И. Пряхина, В.Ф. Щепельков // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 2. С. 277–289.

В.А. Паркина, Н.А. Живодрова (г. Пенза)

К вопросу об ответственности за мошенничество при получении средств материнского капитала

В современных правовых реалиях Российской Федерации на конституционном уровне закреплено в ч. 1 ст. 38 Конституции РФ, что материнство и детство, семья находятся под защитой государства [1]. В данной статье нам представляется необходимым проанализировать, нарушения в области права человека и гражданина в указанной сфере с точки зрения уголовно-правовой защиты экономических прав граждан.

Федеральным законом от 29.12.2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» устанавливаются меры, обеспечивающие возможность улучшения жилищных условий, получения образования, социальной адаптации и интеграции в общество детей-инвалидов, а также повышения уровня пенсионного обеспечения граждан [2]. Одной из таких мер является право гражданина на материнский капитал, которое вступило в силу с 1 января 2007 года и будет реализовываться до 31 декабря 2018 года.

В соответствии с вышеуказанным законом право на получение материнского капитала возникает у следующих категорий граждан:

- 1) женщин, родивших (усыновивших) второго ребенка начиная с 1 января 2007 года;
- 2) женщин, родивших (усыновивших) третьего ребенка или последующих детей начиная с 1 января 2007 года, если ранее они не воспользовались правом на дополнительные меры государственной поддержки;

3) мужчин, являющихся единственными усыновителями второго, третьего ребенка или последующих детей, ранее не воспользовавшихся правом на дополнительные меры государственной поддержки, если решение суда об усыновлении вступило в законную силу начиная с 1 января 2007 года;

4) отца (усыновителя) ребенка независимо от наличия гражданства Российской Федерации в случаях прекращения права у женщины, вследствие смерти, лишения ее родительских прав в отношении ребенка, либо совершения в отношении своего ребенка (детей) умышленного преступления, относящегося к преступлениям против личности, а также в случае отмены усыновления ребенка, в связи с усыновлением которого возникло право на дополнительные меры государственной поддержки №

5) несовершеннолетнего ребенка (детей в равных долях) или учащегося по очной форме обучения до достижения им 23-летнего возраста — при прекращении права на дополнительные меры государственной поддержки отца (усыновителя) или женщины, являющейся единственным родителем.

Исходя из анализа судебно-следственной практики, можно сделать вывод о том, что злоупотребление правом в данной сфере довольно распространенное и в связи с этим, целесообразно будет рассмотреть в уголовно-правовом ключе ответственность за «обналичивание материнского капитала». 2012 год ознаменовал в уголовном законодательстве появление новелл, одной из которых являлось введение квалифицированных составов мошенничества. В рассматриваемой сфере была установлена уголовная ответственность за мошенничество в сфере получения выплат, предусмотренной ст.159.2 УК РФ.

Актуальность исследования ответственности за мошенничество при получении выплат подтверждается судебно-следственной практикой. Так, в 2013 году по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 159.2 УК РФ, число осужденных лиц по вступившим в законную силу приговорам и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам, составило 2 150 человек; в 2014 году – 2 585 человек, в 2015 году – 1 775 человек, за 6 месяцев 2016 года – 1 011 человек [3].

Из анализа материалов уголовных дел и обвинительных заключений, можно сделать вывод о том, что наиболее распространенным является мошенничество при получении материнского капитала, детских пособий. Проанализировав судебную практику, целесообразно привести следующий пример по данному факту.

Октябрьским районным судом г. Пензы гражданка Г. была осуждена по ч. 3 ст. 159.2 УК РФ на 2 года 2 месяца лишения свободы условно с испытательным сроком 3 года. Из обстоятельств дела следует, что гражданка Г. в период с 1 по 15 июля 2013 года получила информацию о том, что в органах ЗАГС г. Пензы на основании заявления свидетелей, присутствующей

ших во время рождения ребенка вне медицинского учреждения и без оказания медицинской помощи, без предъявления в дальнейшем органам ЗАГС ребенка, можно получить свидетельство о его рождении. В этот же период времени у гражданки Г. возник преступный умысел, направленный на хищение средств материнского (семейного) капитала, а также единовременного пособия при рождении двойни, ежемесячного пособия на обеспечение питанием детей в возрасте до 3 лет, ежемесячного пособия по уходу за ребенком до 1,5 лет. Реализуя свой преступный умысел, гражданка Г. подыскала двух свидетелей, ввела их в заблуждение относительно факта рождения двух детей, получила в ЗАГСе свидетельства о рождении детей, предоставила полученные документы в Управление Пенсионного фонда России в г. Пензе Пензенской области и Социальное управление г. Пензы для получения средств материнского капитала и пособий на ребенка, а впоследствии приобрела недвижимое имущество за счет полученных средств, распорядившись ими таким образом. В результате чего незаконными умышленными действиями гражданки Г. был причинен ущерб бюджету РФ в лице УПФР в г. Пензе Пензенской области на сумму, составляющую крупный размер, позволяющий квалифицировать действия гражданки Г. по ч.3 ст.159.2 УК РФ [4].

На практике встречаются случаи, когда сам гражданин-обладатель сертификата на получения материнского капитала оказывается жертвой мошенников, либо соучастником преступлений, ввиду соблазна получить материнский капитал незаконными способами, особенно в регионах с повышенной рождаемостью. Как было изложено, материнский капитал можно использовать на определенные цели, поэтому возможно из-за этого граждане и прибегают к незаконным способам.

Так, например, многодетная семья из Ингушетии материнский капитал хотела потратить на лечение сына. У ребенка был абсцесс головного мозга, левая половина тела у него была парализована и чтобы он смог ходить, необходимо было 300 тысяч рублей на операцию. Семья знала о том, что в соответствии с законом средства материнского капитала потратить на лечение нельзя, поэтому и была вынуждена прибегнуть к услугам по обналичиванию сертификата. Но в итоге они не получили ни денег, ни материнского капитала [5].

Помимо этого, распространены случаи махинаций с погашением части ипотеки за счет средств материнского капитала. Гражданин, обладающий сертификатом на получение материнского капитала, оформляет ипотеку на покупку недвижимости в определенном «выгодном» банке, затем риэлтор заключает фиктивный договор купли-продажи, в соответствии с которым гражданин приобретает у риэлторской фирмы жилой дом. Впоследствии документы направляются в ПФР и производится выплата по сертификату на материнский капитал. Также распространены схемы незаконного получения материнского капитала при приобретении жилья за це-

ну ниже, указанной в договоре купли-продажи, а полученная разница рас-
трачивается в личных целях [6].

В настоящее наше время все чаще ведутся разговоры об отмене ма-
теринского капитала, вследствие того, что данная программа себя не
оправдала. Представители Государственной Думы РФ предлагают вместо
материнского капитала ввести ежемесячные пособия, размер которых бу-
дет расти в зависимости от количества детей в семье, причем будут учиты-
ваться все слои населения, независимо от финансового положения [7].

Таким образом, гражданам, имеющим право на получение материн-
ского капитала важно помнить, что не стоит обращаться в сомнительные
фирмы-однодневки за оказанием услуг по «обналичиванию» материнского
капитала, потому что указанные фирмы быстро исчезают и ответствен-
ность несет получатель сертификата, причем в большинстве случаев уго-
ловной, влекущей последствие в виде судимости. В результате, гражданин
сам собственноручно или через посредников нарушает как свои конститу-
ционные права на материнство и детство, семью, так и права несовершен-
нолетних.

Список литературы и источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голо-
сованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о по-
правках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-
ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание зако-
нодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

2. О дополнительных мерах государственной поддержки семей,
имеющих детей: Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ (ред. от
28.12.2016)// Российская газета. 2006. № 2. 1997.

3. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уго-
ловного кодекса Российской Федерации. URL:
<http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения 27.03.2017).

4. РосПравосудие. URL: <https://rospravosudie.com/category-159-2-s/>
(дата обращения 27.03.2017).

5. Коррупция добралась до материнских денег... URL:
<http://kavkaz05.com/news> (дата обращения 27.03.2017).

6. Хагуров А.А. Махинации с материнским капиталом. URL:
<http://koshehablsky.adg.sudrf.ru/> (дата обращения 27.03.2017).

7. В Госдуме заговорили об отмене материнского капитала. URL:
<https://versia.ru/v-gosdume-zagovorili-ob-otmene-materinskogo-kapitala> (дата
обращения 27.03.2017).

О.А. Куклин, И.В. Сошникова (г. Екатеринбург)
Уголовно-правовой анализ состава мошенничества
с использованием платежных карт

Актуальность рассматриваемой темы заключается в том, что платежные карты, ранее являвшиеся редкостью, доступной немногим, в настоящее время получили широкое распространение среди всех групп населения РФ.

Количество платежных карт, эмитированных кредитными организациями, неуклонно растет из года в год, так, если в 2008 году российскими банками было эмитировано 118 млн. расчетных и кредитных карт, то в конце 2016 года их уже было 250 957 млн. [10].

Такое обилие платежных и кредитных карт, находящихся на руках у населения, создает обширные предпосылки для совершения правонарушений с их использованием, на что законодатель вынужден был отреагировать корректировкой и дополнением уголовного законодательства.

Так, в 2012 году в Уголовный кодекс Российской Федерации были введены следующие виды мошенничества (статьи 159.1-159.6 УК РФ): мошенничество в сфере кредитования, мошенничество при получении выплат, мошенничество с использованием платежных карт, мошенничество в сфере страхования, мошенничество в сфере компьютерной информации.

Вместе с тем, анализ статистических данных показывает, что количество зарегистрированных преступлений, предусмотренных статьями 159-159.6 УК РФ за последние годы, остается на достаточно высоком уровне и растет с каждым годом. Так, если в 2012 году зарегистрировано 161 995 преступлений, то в 2016 году этот показатель составил 208 926 [9].

В данной работе будет рассмотрен уголовно-правовой анализ состава мошенничества с использованием платежных карт.

Мошенничество с использованием платежных карт (согласно ст. 159.3 УК РФ) - это «хищение чужого имущества, совершенное с использованием поддельной или принадлежащей другому лицу кредитной, расчетной или иной платежной карты путем обмана уполномоченного работника кредитной, торговой или иной организации...» [1].

Данный состав преступления характеризуется следующими объективными и субъективными признаками, совокупность которых позволит возбудить уголовное дело по ст. 159.3 УК РФ:

1. Предметом преступления является чужое имущество. При этом механизм совершения такого хищения, заключающийся в противоправном изъятии имущества с помощью поддельной или принадлежащей другому лицу платежной карты, позволяет сделать вывод, что в большинстве случаев понятие имущества ограничивается денежными средствами.

Кроме денежных средств, предметом мошенничества с использованием платежных карт может выступать иное имущество, обладающее овеществленной формой (например, карта, на которой содержатся не денежные средства, а определенное имущество – топливо на топливной карте АЗС).

Карта сама по себе не является предметом преступления, поскольку посягательство направлено на получение имущества обманным путем при помощи использования такой карты. В качестве предмета преступления будет выступать топливо, которое содержится на топливной карте.

Соответственно, в том случае, если виновный завладел платежной картой, но при этом не успел реализовать умысел, направленный на хищение имущества при помощи данной карты, подобные действия необходимо определять, как приготовление к мошенничеству с использованием платежных карт. Однако, учитывая, что приготовление наказуемо только для тяжких и особо тяжких преступлений, подобная квалификация будет иметь место только при совершении ч. 4 ст. 159.3 УК РФ.

Иной будет квалификация при наличии неконкретизированного умысла. Если на момент задержания у лица отсутствовала реальная возможность обогатиться за счёт средств владельца карты, использовав эту похищенную банковскую карту, и если умысел был направлен либо на мошенничество, либо на кражу (альтернативный умысел), то содеянное этим лицом подлежит квалификации по ст. 158 УК РФ как по наименее строгой форме.

2. Средством совершения хищения является поддельная или принадлежащая другому лицу кредитная, расчетная или иная платежная карта.

Для совершения мошенничества можно использовать два вида пластиковых карт: подлинные карты, поддельные карты.

Под использованием подлинных карт имеются в виду следующие случаи:

карта похищена, получена у держателя путем вымогательства, найдена, будучи до этого утрачена ее владельцем, передана виновному ее владельцем добровольно, однако для использования при расходовании средств в меньшей, нежели это делает виновный, сумме.

Наиболее спорным является вопрос о дополнительной квалификации мошенничества с использованием поддельной карты, предусматривающей ответственность (согласно статье 187 УК РФ) за «изготовление, приобретение, хранение, транспортировку в целях использования или сбыта, а равно сбыт поддельных платежных карт...» [1]. Так, В.Н. Балябин и В.В. Кулешов указывают, что: «изготовление поддельной банковской карты (как полная, так и частичная подделка) с целью последующего использования ее в качестве средства совершения мошеннического завладения чужим имуществом полностью охватывается ст. 159.3 УК РФ» [5].

В противовес предложенной позиции, П.С. Яни считает, что «...если лицо изготовило, а затем использовало при совершении мошенничества

поддельную кредитную либо расчетную карту, то содеянное квалифицируется по совокупности ст. 159.3 УК и ст. 187 УК РФ, когда последнее преступление является более строго наказуемым деянием, нежели мошенничество (например, когда мошенничество охватывается ч.ч. 1-3 ст. 159.3 УК РФ, предусматривающими ответственность за преступления, не являющиеся тяжкими, тогда как преступление, предусмотренное ст. 187 УК РФ, - тяжкое)...» [8].

Думается, следует поддержать вывод о необходимости квалификации по совокупности преступлений, поскольку санкции ч.ч. 1-3 ст. 159.3 УК РФ не охватывают факта изготовления поддельных карт.

Аналогичный вывод следует из анализа судебной практики. Так, А., работая в должности специалиста-стажера отдела продаж и развития проекта «МЕТРО» Банка, направил в Банк заявки на получение кредитных карт от имени физических лиц, в действительности не имея обращений указанных в заявках лиц. При этом А. внес в заявки заведомо ложные идентификационные сведения об указанных физических лицах. После одобрения Банком предоставления кредитной карты, используя чистый бланк пластиковой карты, путем обмана руководителей Банка, изготовил поддельную кредитную карту «Метро», прикрепленную к расчетному счету, открытому в Банке, на который поступили, принадлежащие Банку денежные средства. Далее А. с помощью имеющегося в его распоряжении постерминала, в ходе дистанционной идентификации присвоил изготовленной карте персональный номер. В последствии, используя данную карту, обманывая кассового работника торговой организации относительно принадлежности ему кредитной карты, А. произвел оплату товара, осуществив тем самым операцию по снятию с расчетного счета денежных средств [4].

Таким образом, деяние А. правильно может быть квалифицировано по следующим статьям: ч. 3 ст. 159.3, ч. 1 ст. 187 УК РФ.

3. Способом совершения мошенничества с использованием платежных карт являются обманные действия, совершаемые в отношении уполномоченного работника кредитной, торговой или иной организации (ст. 159.3 УК РФ).

Обман может выражаться не только в сообщении работнику организации какой-либо ложной информации, но и в подписании чека вместо законного владельца при использовании платежной карты.

Рассмотрим понятие уполномоченного работника в широком смысле слова, подразумевая под ним работников, которые фактически осуществляют расчеты с использованием платежных карт, пусть даже в случаях отсутствия надлежащего оформления таких обязанностей.

В качестве примера можно привести случаи, когда вместо продавца-кассира расчетные операции осуществляет охранник торгового зала, с целью сокращения времени ожидания покупателей.

В научной литературе указывается, что «мошенничество с использованием платежных карт будет иметь место также в случаях, если платежная карта использована в банкомате, ином устройстве, предназначенном для выполнения финансовых операций с использованием платежных карт...» [7].

Указанные разъяснения представляются неверными, поскольку обязательным условием применения ст. 159.3 УК РФ является обман или введение в заблуждение работника кредитной, торговой или иной организации.

Подтверждение подобному выводу можно увидеть и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007 г. № 51: «Не образует состава мошенничества хищение чужих денежных средств путем использования заранее похищенной или поддельной кредитной (расчетной) карты, если выдача наличных денежных средств осуществляется посредством банкомата без участия уполномоченного работника кредитной организации. В этом случае содеянное следует квалифицировать по соответствующей части ст. 158 УК РФ.

Хищение чужих денежных средств, находящихся на счетах в банках, путем использования похищенной или поддельной кредитной либо расчетной карты следует квалифицировать как мошенничество только в тех случаях, когда лицо путем обмана или злоупотребления доверием ввело в заблуждение уполномоченного работника кредитной, торговой или сервисной организации...» [2].

Несмотря на предложенные Пленумом Верховного Суда РФ разъяснения относительно квалификации хищения с использованием платежных карт, в правоприменительной практике встречаются многочисленные ошибки.

Так, К. приобрел в личное пользование сим-карту оператора мобильной связи «Мегафон» и начал ею пользоваться. После чего К. увидел, что на принадлежащий ему сотовый телефон пришло СМС - уведомление с номера 900 о пополнении баланса пластиковой банковской карты «VISA ELEKTRON». Прочитав полученное СМС – уведомление и поняв, что СИМ-карта, которой он пользуется, подключена через услугу центра службы мобильного банка к номеру банковской карты «VISA ELEKTRON», принадлежащей неизвестному для него лицу, решил похитить денежные средства с данной банковской карты. С целью реализации своего преступного умысла, направленного на хищение чужого имущества, К. при помощи набора комбинации цифр на своем сотовом телефоне с использованием услуги центра службы мобильного банка перевел с банковской карты «VISA ELEKTRON» денежные средства в сумме 300 рублей на номер сим-карты оператора мобильной связи «Мегафон», после чего потратил эти денежные средства на оплату услуг оператора мобильной связи «Мегафон». Продолжая реализовывать свой преступный умысел, направленный на тайное хищение чужого имущества, К. перевел с банков-

ской карты «VISA ELEKTRON» №4276802016148718 на имя Плотникова Дмитрия Игоревича денежные средства в сумме 3000 рублей на номер сим-карты оператора мобильной связи «Мегафон», которая была установлена в его телефоне, после чего обналичил денежные средства в терминале банкомата и потратил эти денежные средства по своему усмотрению. Действия К. были квалифицированы по ч. 1 ст. 159.3 УК РФ [3].

Очевидно, что в представленном примере отсутствует такой обязательный признак, как способ совершения мошенничества с использованием платежных карт, поскольку обвиняемый К. не использовал обман уполномоченного работника кредитной, торговой или иной организации. Способом совершения данного преступления явилось тайное хищение имущества, соответственно, подобные действия должны квалифицироваться по ст. 158 УК РФ.

Кроме обозначенных вопросов квалификации, следует остановиться на проблеме определения момента окончания мошенничества с использованием платежных карт, которые связаны с особенностями предмета преступления. Так, если предметом выступают безналичные денежные средства, то момент окончания должен определяться моментом, когда денежные средства в безналичной форме зачисляются на расчетный счет виновного лица [6].

Если же при совершении данного вида мошенничества, денежные средства получаются в наличной форме, момент окончания преступления должен определяться моментом изъятия денежных средств и получением виновным возможности пользоваться или распоряжаться ими по своему усмотрению. При этом возможность пользоваться или распоряжаться похищенным имеет место, если лицо с похищенным имуществом выйдет за пределы организации либо распорядиться им внутри организации (например, произведет оплату каких-либо услуг).

Подводя итог, следует отметить, что данная работа не содержит перечисления элементов составов преступлений в виде объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны, поскольку описаны только особые признаки, необходимые для квалификации и возбуждения уголовного дела по такому виду мошенничества, как мошенничество с использованием платежных карт.

Для мошенничества с использованием платежных карт обязательно предполагается наличие в качестве средства совершения хищения поддельной или принадлежащей другому лицу кредитной, расчетной или иной платежной карты. Способом совершения мошенничества является обман уполномоченного работника кредитной, торговой или иной организации.

Отсутствие в совершенном деянии обязательных признаков, характерных исключительно для мошенничества с использованием платежных карт, исключает возможность применения ст. 159.3 УК РФ и при наличии

общих признаков мошенничества, квалификация должна проводиться по ст. 159 УК РФ.

Список литературы и источников

1. Уголовный кодекс РФ: федеральный закон РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ. URL: <http://www.consultant.ru>, свободный.
2. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. N 51. URL: <https://rg.ru/2008/01/12/sud-voprosy-dok.html>, свободный.
3. Решение по делу № 1-87/2013. URL: <http://habrn.alt.msudrf.ru>, свободный.
4. Решение по делу № 1-433/2013. URL: <http://chertanovsky.msk.sudrf.ru>, свободный.
5. Балябин В.Н., Кулешов В.В. О разграничении сбыта поддельных платежных карт и мошенничества с их использованием / В.Н. Балябин, В.В. Кулешов // Банковское право. 2015. № 1. С. 12-14.
6. Ермакова О.В. Специальные виды мошенничества (ст. 159.1-159.6 УК РФ): некоторые вопросы квалификации / О.В. Ермакова // Вестник алтайской академии и права. 2014. № 3. С. 134-136.
7. Колоколов Н.А. Преступления против собственности: комментируем новеллы УК РФ / Н.А. Колоколов // Мировой судья. 2013. № 1. С. 6-15.
8. Яни П.С. Специальные виды мошенничества Законность. 2015. № 7. С. 29-33.
9. Портал правовой статистики генеральной прокуратуры РФ. URL: <http://crimestat.ru>, свободный.
10. Центральный банк Российской Федерации. URL: <http://www.cbr.ru>, свободный.

М.А. Страхова, Н.А. Живодрова (г. Пенза)

Проблема выявления преступлений, связанных с организацией и проведением незаконной игровой деятельности

В современной России проблема стремительного развития нелегального игорного бизнеса становится всё более актуальной. Данный вид деятельности набирает с каждым годом свои обороты, формируя тем самым новую криминализованную сферу развлекательных услуг. И, в первую очередь, такое развитие объясняется наличием большого оборота трудно контролируемых денежных средств в современной игровой индустрии, которая является одной из самых высокоприбыльных сфер бизнеса в настоящее время.

В соответствие с Федеральным законом от 29.12.2006 № 244-ФЗ "О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации»: «Деятельность по организации и проведению

азартных игр может осуществляться только организаторами азартных игр, в качестве которых могут выступать исключительно юридические лица, зарегистрированные в порядке, установленном на территории Российской Федерации, при этом, исключительно в игорных заведениях, которые могут быть открыты лишь в игорных зонах (Республика Крым, Алтайский край, Краснодарский край, Приморский край, Калининградская область) разрешённых на территории Российской Федерации, а также законодателем установлено, что осуществление игровой деятельности с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», а также средств связи, в том числе подвижной связи, запрещено» [3].

Что касается тотализаторов, пункта приёма ставок и букмекерских контор, законодателем определено, что функционирование их не запрещено вне установленных игорных зон, но осуществлять свою деятельность они могут только на основании лицензий, которые выдаются ФНС России и порядок их выдачи определяется непосредственно Правительством Российской Федерации [4, С. 76].

Виды ответственности за незаконную организацию и проведение азартных игр предусмотрены как Уголовным кодексом Российской Федерации, так и Кодексом об административных правонарушениях.

К уголовной ответственности, согласно ст. 171.2 УК РФ привлекаются физические лица, «осуществляющие незаконную организацию и (или) проведение азартных игр с использованием игрового оборудования вне игровой зоны, либо с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» [1].

К административной ответственности, согласно ч.1 ст. 14.1.1. КоАП привлекаются юридические лица «за незаконную организацию и (или) проведение азартных игр с использованием игрового оборудования вне игровой зоны, либо с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» [2].

Что касается ч. 2 данной статьи (ст. 14.1.1. КоАП), к ответственности по ней привлекаются как физические, так и юридические лица, которые осуществляют деятельность по организации и проведению азартных игр в тотализаторах и букмекерских конторах без специального разрешения (лицензии) на её осуществление [2].

Но всё же, несмотря на усовершенствование законодательства Российской Федерации в области ужесточения наказаний за осуществление незаконной игровой деятельности, деятельности государственных структур и правоохранительных органов, игорная индустрия становится всё более популярной для организованных криминальных структур.

Выявление и расследование преступлений, связанных с осуществлением незаконной игровой деятельности становится всё более затруднительным. Связано это со всевозможными ухищрениями, на которые идут нарушители закона. Главным образом, пользуясь имеющимися пробелами в законодательстве, незаконные бизнесмены, проявляя изобретательность,

«маскируют» преступный бизнес под законную предпринимательскую деятельность, или деятельность, осуществляемую в смежных сферах.

Итак, какие наиболее распространённые способы легализации преступных доходов используются на территории Российской Федерации?

Одним из наиболее популярных способов маскировки нелегальных игорных заведений и осуществление в них азартных игр является проведение их под видом лотерей.

Как правило, в общественных местах устанавливаются аппараты, имитирующие лотерею, но вот только конструкция таких аппаратов не предназначена для выдачи лотерейных билетов, при этом на экран выводится интерфейс азартных игр, причем возможно несколько их разновидностей, по желанию игрока.

Так, 17 июля 2014 года в городе Екатеринбурге, в одном из торговых центров сотрудники правоохранительных органов Свердловской области изъяли 12 игровых автоматов, законспирированных под лотерею и включённых в сеть, внутри которых располагалось рабочее место оператора - кассира.

Так же в настоящее время получили распространение устройства, которые маскируются под брокерские и биржевые терминалы, торгововексельные системы.

Например, правоохранительные органы в городе Котовске в марте 2017 обнаружили место организации незаконной игорной деятельности. В ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий выяснилось, что азартные игры выдавали за торговлю на внебиржевом рынке под видом бинарных опционов.

Нередки случаи конспирации незаконных игорных заведений под благотворительный фонд и ритуальные агентства.

Так, правоохранительные органы города Перми в феврале 2017 года пресекли деятельности подпольного игорного заведения, которое работало под названием «Грамотность».

Владельцы данной игорной точки маскировались под благотворительный фонд, но в действительности обучали своих клиентов несколько другой «грамоте», как потерять все свои денежные средства у игорных автоматов. При этом, нарушители закона, утверждали, что автоматы использовались исключительно «для проверки уровня грамотности и с целью определить популярность благотворительных пожертвований среди населения». Нарушители были привлечены к административной ответственности и оштрафованы на 700 тыс. руб.

А в городе Иркутске также в феврале 2017 сотрудники Следственного комитета по Иркутской области закрыли казино, маскировавшееся под ритуальное агентство. Ранее в этом здании, на первом этаже, действительно располагалось ритуальное агентство, после продажи его, новые владельцы не стали менять вывеску и продолжили торговать ритуальными принадлежностями, вот только второй этаж этого помещения был переоборудован в игорную точку – казино. В отношении "бизнесменов" было

возбуждено уголовное дело по п. "а" ч. 2 ст. 171.2 УК РФ. Расследование уголовного дела продолжается.

Часто нелегальные игорные заведения располагаются в гаражных боксах или жилых домах с целью скрыть их местоположение и придать латентный характер. Как правило, такие игорные точки принимают только постоянных клиентов, которые должны знать, либо номер телефона администратора, либо «кодовое слово», необходимое для входа в игровой зал.

Например, 29 марта 2016 года в городе Пензе возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 171.2 УК РФ по факту пресечения деятельности незаконного игорного клуба, располагающегося в доме на улице Калинина. В подвале данного дома было обнаружено и изъято 15 игровых автоматов.

В последнее время, становятся всё более востребованными незаконные интернет-казино, осуществляющие свою деятельность на «просторах» интернета. Такая разновидность нелегального предпринимательства является более выгодной для его организаторов, ведь отследить такую игорную точку намного проблематичнее.

Так, нелегальную игорную деятельность пресекли сотрудники полиции в марте 2017 года в городе Уссурийске. Организаторы интернет-казино оборудовали несколько залов на цокольном этаже здания, в которых установили стойки с персональными компьютерами и доступом в Интернет к игровым сайтам. Игровая точка имела несколько администраторов, которые работали с клиентами дистанционно и управляли их расчётными счетами и электронными кошельками.

Подводя итог, хочется отметить, что в настоящее время в России проблема нелегального бизнеса, связанного с организацией и проведением азартных игр остается актуальной, даже несмотря на меры, которые уже были приняты для её ликвидации, на наш взгляд, пути решения данной проблемы тесно связаны с, все еще, недостаточно суровой ответственностью, предусмотренной за данные деяния, совершенствованием схем сокрытия игорного бизнеса, и в связи с этим сложностями по выявлению правонарушений сотрудниками правоохранительных органов нелегальных игровых точек, установлению организаторов азартных игр.

Список литературы и источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 07.03.2017) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

2. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации от 30 декабря 2001 № 195 – ФЗ (ред. 07.03.2017) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

3. О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2006 № 244 – ФЗ (ред. 28.03.2017) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 1 (1 ч.). Ст. 7.

4. Жеглов И. С. Проблемы расследования преступлений в сфере игорного бизнеса // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2012. № 15. С. 76-77.

5. Кормильцева С.О. Уголовная ответственность за незаконную организацию и проведение азартных игр // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 23. С. 119-122.

6. Кузнецова И.А., Мусина Н.И. Особенности выявления и документирования административных правонарушений в сфере организации и проведения незаконных азартных игр // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. 2016. № 5. С. 30-34.

Т.А. Малыгина (г. Иркутск)

**Современное состояние проблемы
незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов**

Защита природных ресурсов и окружающей среды в целом на сегодняшний день является одной из важнейших задач современного государства. Уголовно-правовая охрана окружающей среды и природных ресурсов имеет исторические основы. Во все времена общество стремилось ограничить, взять под контроль отношения человека и природы. Все возрастающий потенциал человеческого воздействия на окружающую среду диктует потребность в более тщательном правовом регулировании природоохраны [3]. На сегодняшний день незаконная добыча водных биологических ресурсов является одним из наиболее распространенных преступлений против экологической безопасности нашей страны. В общей структуре экологических преступлений так называемое «водное браконьерство» занимает второе место, уступая лишь незаконной рубки лесных насаждений. Хотя в последние годы и отмечается незначительная тенденция к снижению ежегодно регистрируемых фактов преступлений, предусмотренных ст. 256 УК РФ, все же незаконная добыча водных биологических ресурсов является одним из наиболее распространенных и вредоносных экологических преступлений, совершаемых во внутренних водоемах и в территориальных водах Российской Федерации.

Вместе с тем Федеральным законом от 3 июля 2016 года № 330-ФЗ в данную статью были внесены изменения, в том числе введено примечание, устанавливающее крупный ущерб, которые существенно обострили проблему уголовно-правовой оценки незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов. Реальный же ущерб, наносимый незаконным промыслом и неконтролируемым вывозом водных биологических ресурсов за рубеж огромен и, по данным экспертов, сопоставим с расходами государственного бюджета на финансирование любой отдельно взятой отрасли.

Современное общество находится в постоянном, непрерывном развитии, его потребности в природных ресурсах бесконечны, соответственно рассматриваемое преступление вряд ли возможно искоренить, собственно, как и преступность в целом. Масштабы последствий незаконного вылова гораздо серьезнее, чем могут показаться на первый взгляд. Если мыслить глобально, то можно сказать, что данное преступное деяние нарушает неотъемлемое конституционное право человека на здоровую окружающую среду, наносит урон экологической безопасности страны, государству и обществу, а также планете в целом.

Несмотря на то, что, в последние годы отмечается незначительное снижение числа зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 256 УК РФ, их число по-прежнему высоко, а их доля среди всех экологических преступлений велика. Так, в 2012 году в Российской Федерации зарегистрировано 8172 случаев незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов, в 2013 – 7343 случая, в 2014 – 6562, 2015 – 6262, в 2016 – 5462.

В общей структуре экологических преступлений незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов, согласно данным официальной статистики, занимает второе место. На первом – преступление, предусмотренное ст. 260 УК РФ («Незаконная рубка лесных насаждений»).

Динамика состояния, а также удельного веса рассматриваемого вида преступлений в Российской Федерации за последние семь лет отражена в табл.

Таблица 1

Динамика состояния и удельного веса незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов в общей структуре экологических преступлений в Российской Федерации (2010-2016 гг.)

	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
общее количество зарегистрированных экологических преступлений	39155	29151	27583	24743	25526	24737	23543
количество зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 256 УК РФ	13644	8963	8172	7343	6562	6262	5462
удельный вес преступлений, предусмотренных ст. 256 УК РФ в общей структуре экологических преступлений (%)	34,8	30,7	29,6	29,67	25,7	25,3	23,2

Количество же фактических преступлений рассматриваемого вида, по мнению экспертов, почти в 30 раз больше, чем зарегистрированных. Например, только на объектах транспортного комплекса Восточно-Сибирского региона в сфере незаконной (добычи) вылова водных биологических ресурсов зарегистрировано в 2011 г. 83, а в 2012 г. на 42,2% больше (118). В 2013 году зарегистрировано 145 (увеличение почти на 100%) преступлений, что указывает на их стабильный рост. Вместе с тем, проблема противодействия преступным посягательствам, связанным с незаконной добычей водных биоресурсов требуют разработки адекватных, соответствующих современной криминогенной ситуации, мер по совершенствованию уголовно-правовых норм об ответственности за незаконную добычу водных биоресурсов и предупреждению преступлений в данной сфере.

С учетом латентности удельный вес экологических преступлений в общей структуре зарегистрированной преступности реально составляет 7-35 %. Многие дела прекращаются на стадии расследования, по другим суды зачастую выносят оправдательные приговоры за недоказанностью вины подсудимых. Остается высоким число материалов, по которым органы дознания необоснованно отказывают в возбуждении уголовных дел. В среднем осуждается 53,3 % лиц от числа привлекаемых к уголовной ответственности [2].

Вместе с тем, анализируя статистические показатели, отражающие динамику состояния и удельного веса рассматриваемого деяния (ст. 256 УК РФ) в общей структуре экологических преступлений, в двух крупнейших федеральных округах России – Сибирском и Дальневосточном, можно отметить следующее. На основании исследования данных некоторых регионов Сибирского Федерального округа (далее - СФО) удалось установить, что средний показатель удельного веса незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов в общей структуре экологических преступлений за последние семь лет (с 2010 по 2016 г.г.) был наиболее высоким в Республике Бурятия (13 %), наиболее низок – в Забайкальском крае (0,34 %), среднее значение – в Иркутской области (6,3 %).

В Дальневосточном Федеральном округе наибольший удельный вес рассматриваемого преступления также в структуре экологических преступлений был отмечен в Камчатском крае и Сахалинской области (и в том и в другом случае показатель составил одинаковое значение – 87 %), средний показатель – в Хабаровском крае (34 %), и наименьший – в Приморском крае (16,3 %).

В сравнении же вышеуказанных регионов с Российской Федерацией рассматриваемый показатель имеет следующую картину. Удельный вес незаконной добычи в Российской Федерации за последние 7 лет составил 28,4 %, в Дальневосточном Федеральном округе – 44 % и в Сибирском Федеральном округе – 5,4 %.

Таким образом, на основании данных проведенных исследований, можно сделать вывод о том, что рассматриваемый вид преступлений явля-

ется достаточно распространенным криминальным явлением среди общего числа экологических преступлений, как в целом по России, так и в отдельных ее регионах. Наиболее часто данное преступление совершается на Дальнем Востоке, что обусловлено главным образом географическим расположением его территории, которая, как известно, протягивается вдоль побережья Тихого океана. Данный факт, безусловно, детерминирует совершение незаконных водных промыслов на указанной территории. Территория Дальнего Востока располагается в зоне контрастных природных процессов и явлений. Взаимодействие холодных и теплых морских течений, богатая северная и южная флора и фауна определяют пестроту природных условий его территории, что в свою очередь зачастую выступает в качестве условий, способствующих совершению рассматриваемого вида преступлений.

Основной причиной совершения водного браконьерства, по данным социологических исследований, чаще всего выступают деформации экономического сознания в обществе, такие как корысть-нужда, корысть-нажива, служебная корысть, корысть-паразитизм и т.д. Данные деформации сформированы, как правило, следующими условиями (противоречиями в экономической сфере): безработица, резкий скачок цен, низкие заработные платы, и, как следствие, резкое социально-экономическое расслоение граждан, толкающее многих из них к поиску незаконных способов добычи средств к существованию для себя и своей семьи.

Так, проведенные криминологами в некоторых регионах социологические опросы показали, что основная часть так называемых водных браконьерских промыслов совершается с целью обеспечить себя и свои семьи продуктами питания. Такой способ выбран, чаще всего, как наиболее доступный, а в некоторых случаях, как единственный возможный. Субъектами совершения незаконной добычи водных биологических ресурсов, как правило, выступают обычные рыбаки, проживающие на близлежащих осуществлению незаконных водных промыслах территориях.

«Кроме того, развитию массового браконьерства способствует либерализация уголовно-правовых мер реагирования на преступления в сфере охраны рыбных запасов. Анализ судебной практики показывает, что мера наказания за незаконную добычу водных биоресурсов практически не связана с реальным лишением свободы, что исключает строгость наказания как основную превенцию преступного поведения... наказание, не связанное с лишением свободы, применяется в 99% случаев к осужденным по ст. 256 УК РФ» [3].

Вместе с тем, нельзя не отметить детерминирующую роль в развитии незаконных водных промыслов «теневой экономики». Браконьеры, занимающиеся незаконным выловом рыбы, поддерживают тесные контакты со скупщиками икры, которые в свою очередь имеют отлаженные каналы сбыта, подкрепляемые необходимыми для этого коррупционными проявлениями.

Итак, с учетом высокого уровня латентности данного преступления, все вышеуказанное еще раз подтверждает опасность и высокую распространенность так называемого водного браконьерства в нашей стране и как следствие необходимость эффективной, в том числе, уголовно-правовой, защиты водных биологических ресурсов от противоправных посягательств.

Список литературы и источников

1. Забавко Р.А. Уголовная ответственность за преступления против окружающей среды и природных ресурсов: монография / под науч. ред. Е.В. Роговой. Иркутск, 2016. С. 106.

2. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/encikl_yurista/1780.php. (дата обращения 25.02.2017)

3. Поликыржа А. В. Ответственность за незаконную добычу (вылов) водных биологических ресурсов по российскому уголовному праву: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 35.

Р.А. Забавко (г. Иркутск)

К вопросу об уголовной ответственности за присвоение незаконно добытых диких животных

В теории уголовного права, а также в правоприменительной практике квалификации имущественных преступлений одной из наиболее сложных проблем является установление правовой природы ответственности за завладение имуществом, добытым преступным путем. На это неоднократно обращали внимание ученые и практики [1, 2, 3 и др.].

Ситуации, в которых содержатся действия лица, приобретающего такое имущество, бывают нескольких типов.

Во-первых, лицо может заранее договориться с другими лицами на осуществление противоправной деятельности в отношении такого имущества. Суть этой договоренности могут составлять заранее обещанное приобретение, сбыт, переработка, сокрытие и т.д. В таком случае действия виновного следует квалифицировать как пособничество в совершении противоправных действий в отношении указанного имущества.

Во-вторых, лицо может приобрести, переработать или сбыть такое имущество, не имея предварительной договоренности на это. В таком случае, содеянное следует квалифицировать как заранее не обещанное приобретение, переработка или сбыт такого имущества.

В-третьих, лицо может не знать о том, что имущество добыто преступным путем, и при этом предполагать, что его происхождение правомерно, и похитить его.

В-четвертых, лицо может осознавать противоправность приобретения такого имущества и похитить его.

Первые две ситуации имеют достаточно устоявшуюся правовую оценку, тогда как по поводу последних в науке уголовного права и на практике существуют определенные разногласия.

Услужение общественных отношений привело к появлению в тексте УК РФ новых статей, описывающих составы преступлений, имеющих прикосновенность к другим преступлениям. Так, Федеральным законом РФ от 21.07.2014 г. № 277-ФЗ была введена ст. 191.1 УК РФ, установившая ответственность за приобретение, хранение, перевозка, переработка в целях сбыта или сбыт заведомо незаконно заготовленной древесины. В настоящее время практика применения данной статьи только нарабатывается, и многие вопросы правовой оценки прикосновенности виновных лиц к совершению незаконной рубки лесных насаждений еще не решены. Кроме того, на практике возникают спорные ситуации, когда требуется правовая оценка действий лиц, присваивающих предмет других экологических преступлений, например, добытых в результате незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов и незаконной охоты диких животных.

В абз. 2 п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» (далее – постановление Пленума ВС РФ от 18.10.2012 г. № 21) сказано, что «незаконное завладение древесиной, заготовленной другими лицами, квалифицируется как хищение чужого имущества».

Между тем, квалификация незаконного завладения незаконно добытыми животными не столь однозначна. Так, суд оправдал граждан, незаконно завладевших мясом добытого неустановленными следствием лицами пятнистого оленя, по предъявленному обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ на основании п. 3 ч. 2 ст. 302 УПК РФ за отсутствием в их деянии состава преступления, указав, что незаконно добытые дикие животные не могут быть предметом преступления против собственности [4]. Тем самым, позиция судов относительно квалификации незаконного завладения предметом незаконной охоты является противоположной позиции Верховного Суда РФ относительно квалификации незаконного завладения предметом преступления, предусмотренного ст. 260 УК РФ.

Однако такая оговорка, думается, не может распространяться на отношения, возникающие при завладении незаконно добытыми животными. Это связано с особым статусом деревьев, кустарников и лиан, произрастающей на землях лесного фонда, а также на землях водного фонда и некоторых иных территориях. Указанные предметы являются древесиной, принадлежащей государству (в лице подразделений агентства лесного хозяйства) либо другим лицам. Для того, чтобы эти предмета стали товаром, в них требуется вложение минимального объема труда человека (например, спиливания).

Завладение объектами животного мира, ранее добытыми в результате охоты другими лицами, следует квалифицировать в зависимости от направленности умысла.

В том случае, если лицо полагает, что дикие животные добыты в результате охоты, содеянное следует квалифицировать как хищение. В том случае, если виновный знает, что дикие животные добыты незаконным путем, завладение ими следует квалифицировать как приобретение имущества, заведомо добытого незаконным путем.

Список литературы и источников

1. Дицевич Я.Б. Противодействие преступлениям в сфере оборота особо ценных водных биоресурсов: проблемы правового регулирования и практики применения // Вопросы российского и международного права. 2016. № 9. С. 206-216.

2. Попов И.В. Проблемы разграничения преступлений в сфере экономики и преступлений против природной среды // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2014. № 1 (38). С. 205-212.

3. Базаров П.Р. Проблемы разграничения незаконных добычи и оборота особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов с преступлениями против собственности // Закон и право. 2015. № 12. С. 101-106.

4. Кассационное определение Тверского областного суда (Тверская область) № 22-218/2012 от 8 февраля 2012 г. по делу № 22-218/2012 // <http://sudact.ru/regular/doc/Fx0rLDiYpeZ7/>

М.В. Баранчикова (г. Орел)

Квалификация дорожно-транспортных преступлений при «обоюдной» вине

Квалификация нарушений правил дорожного движения представляет определенную сложность и может складываться противоречиво в ситуациях, когда в развитие аварийной обстановки и наступление тяжких последствий вносят вклад несколько участников дорожного движения.

Справедливо утверждение о том, что чем больше на дороге участников дорожного движения, тем выше вероятность конфликтных ситуаций, возрастает количество их ошибок, что неизбежно приводит к росту количества дорожно-транспортных происшествий (Далее ДТП) [1, С. 37]. Участие в механизме создания ДТП нескольких виновных нарушителей правил дорожного движения осложняет процесс уголовно-правовой и процессуальной оценки их действий.

В ряде случаев могут возникать ситуации «обоюдной» вины участников дорожного движения, когда возникновение уголовно-наказуемых последствий обусловлено нарушением правил дорожного движения обоими участниками дорожно-транспортного происшествия. В таких случаях необходимо, руководствуясь принципами законности и справедливости, дать правовую оценку действий каждого нарушителя, учесть степень и характер участия каждого из них в преступлении, общественную опасность совершенного деяния.

Оценивая ситуацию неосторожного сопричинения вреда необходимо принимать во внимание, что деятельность именно двух или более лиц, пусть и по неосторожности, причинила общественно опасные последствия.

По мнению Н.И. Пикурова, «наиболее проблемной является оценка правомерности выбора того или иного варианта маневра в аварийной ситуации, созданной другими лицами или сложившейся в силу других обстоятельств. Водитель, управляющий транспортным средством с соблюдением правил, не обязан исходить из возможности грубого нарушения этих правил другими водителями, если он не должен был и не мог предвидеть такое нарушение» [2, С. 74]. Однако нарушение им правил дорожного движения с сопутствующими нарушениями других лиц и общим для них преступным результатом должны получать надлежащую правовую оценку.

В качестве примера «обоюдной» вины можно привести ситуацию обоюдного нарушения правил дорожного движения, когда водитель автобуса, не уступив дорогу при движении по второстепенной дороге автомобилю, движущемуся по главной дороге с превышением скорости, допускает столкновение. В результате наносится тяжкий вред здоровью пассажира второго автомобиля, имеет место неосторожное сопричинение вреда, а действия каждого водителя квалифицируются по ст. 264 УК РФ.

В.Н. Шиханов рекомендует при признании двух и более лиц в качестве единого комплекса причинения вреда, когда неосторожных действия каждого в отдельности было бы недостаточно для наступления общественно опасных последствий, меры ответственности сначала определять для единого составного субъекта, а затем делить пропорционально для сопричинителей [3, С. 340-342].

Стоит согласиться с мнением, что термин «обоюдная вина» имеет криминологическое значение, она влияет на процесс назначения наказания за дорожно-транспортное преступление. Степень вины каждого участника ДТП необходимо учитывать при назначении наказания по ст. 264 УК РФ, предусмотрев «процентное» назначение наказания [4, С. 31.].

В соответствии с п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» указано, что в тех случаях, когда нарушения правил дорожного движения были допущены двумя или более участниками дорожного движения, содеянное каждым из них влечет уголовную ответственность по

статье 264 УК РФ, если их действия по управлению транспортным средством находились в причинной связи с наступившими последствиями, указанными в данной статье.

В п. 10 Пленума отмечено, что если указанные в ст. 264 УК РФ последствия наступили не только вследствие нарушения, лицом, управляющим транспортным средством правил дорожного движения, но и ввиду несоблюдения потерпевшим конкретных пунктов правил, эти обстоятельства могут быть учтены судом как смягчающие наказание.

При квалификации дорожно-транспортного преступления необходимо иметь в виду, что если в результате совместных неосторожных действий водителя транспортного средства и пешехода причинен вред третьему лицу, то и водитель, и пешеход несут самостоятельную ответственность. Водитель привлекается к ответственности по ст. 264 УК РФ, а пешеход – по ст. 268 УК РФ. Такое возможно в случае, когда в результате перехода пешеходом дороги на красный свет водителю приходится повернуть автомобиль резко в сторону, из-за чего он совершает наезд на другого пешехода, находящегося на островке безопасности и причиняет ему уголовно наказуемые последствия.

Российская правоприменительная практика идет по пути привлечения к уголовной ответственности пешеходов лишь в редких, исключительных случаях. Одной из причин этого выступает то, что в действиях водителя часто также устанавливаются нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. При такой обоюдной вине обстоятельства нередко трактуются не в пользу водителя, и он зачастую привлекается к уголовной ответственности. Действует так называемая «презумпция вины владельца источника повышенной опасности», в то время как нарушения пешехода учитываются правоприменителем лишь как обстоятельства, смягчающие наказание лица, управляющего транспортным средством (п.п. «ж» и «з» ст. 61 УК).

В последние годы все чаще встречаются случаи, когда вредные последствия являются результатом совместных, но несогласованных действий лиц, управляющих транспортными средствами. В подобных случаях приходится сталкиваться с проблемой неосторожного сопричинения вреда, когда нарушение правил безопасности со стороны одного лица (например, водителя-наставника, полностью передоверившего управление автомашиной малоопытному стажеру), ставшее причиной нарушения тех же правил со стороны другого лица (самого стажера), находится в причинной связи с преступным результатом. В преступных нарушениях правил дорожного движения часто причинную связь нельзя назвать необходимой, с неизбежностью, закономерно повлекшей наступление преступных последствий. Она может носить ярко выраженный опосредованный характер, тем не менее, ее иногда достаточно для обоснования уголовной ответственности. [5, С. 151].

Для установления причинной связи в дорожно-транспортных преступлениях необходимы специальные познания в различных сферах, про-

ведение специальных экспертиз. Специфика заключается в том, что эксперт, следователь, а, в конечном счете, суд определяют сложный характер зависимости поведенческих моментов и последствий, наступивших в результате несоблюдения определенных правил виновным лицом, ставя вопрос о соотношении необходимых и случайных последствий в автотранспортных преступлениях [6, С. 93].

Дорожно-транспортное преступление в своем развитии проходит несколько стадий, каждая из которых длится определенное время, характеризуется различной степенью общественной опасности, зависящей от вида, особенностей нарушения, формы вины по отношению к самому нарушению, от вида неосторожности по отношению к последствиям и от тяжести последних. По делам о дорожно-транспортных преступлениях обязательно проведение дорожно-транспортной экспертизы, разрешающей специальные технические вопросы, касающиеся механизма причинения вреда пострадавшим. Сам по себе факт наличия причинной связи между деянием и общественно опасным результатом еще не предрешает характера ответственности. Не исключено, что причинная связь между нарушением правил дорожного движения и наступившими последствиями имеет место, но лицо не сознает и не может сознавать этого. В таком случае уголовная ответственность должна исключаться за отсутствием вины.

В ситуациях «обоюдной» вины участников дорожного движения установление причинной связи вызывает особые трудности, обусловленные тем, что последствия выступают следствием совместных действий нескольких участвующих в дорожном движении лиц. В таких случаях необходимы дифференциация ответственности и справедливость юридической оценки действий каждого участника дорожного движения. Квалификация может осуществляться как по статьям уголовного законодательства, предусматривающим ответственность по статьям 264, 264.1, 268 УК РФ, так и административно-правовым нормам.

Примером квалификации по совокупности норм разных отраслей законодательства является ситуация, когда водитель, обучая вождению свою знакомую и находясь с ней на одном сиденье, совместно управляли автомобилем. Девушка управляла рулевым колесом, а мужчина – педалями и переключал скорость. В результате такого управления на повороте они сбили переходящего дорогу пешехода. Первоначально действия обоих лиц были квалифицированы как преступное нарушение правил дорожного движения, и лишь Верховный суд переквалифицировал действия девушки на административное правонарушение, связанное с управлением автомобилем лицом, не имеющим на это прав. Было признано, что в данной ситуации законный водитель в большей степени обладал объемом вины и вносил свой вклад в механизм наступления последствий аварии, чем водитель, совместно с ним неправомерно управляющий автомобилем.

В современных условиях уголовная ответственность за дорожно-транспортные преступления при «обоюдной» вине участников дорожного движения должна реализовываться с учетом оценки вклада и доли каждого

виновного в механизм возникновения, развития аварийной ситуации, наступления тяжких последствий. Категория «обоюдной» вины представляет определенную сложность для понимания и вменения конкретным лицам, а отсутствие конкретных рекомендаций по ее оценке и расчету оставляет проблему квалификации совершаемых с ней преступлений открытой для дискуссий и официальных разъяснений.

Список литературы и источников

1. Егорова Н.Э., Кудинов О.Ф., Новичкова Е.Е. К вопросу о содержании, формах и методах организации охраны общественного порядка (на материалах МВД Республики Бурятия) // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2015. № 2 (73). С. 36-42.
2. Пикуров Н. И. Квалификация транспортных преступлений: научно-практическое пособие. М.: РАП, 2011. 165 с.
3. Дорожно-транспортная преступность: закономерности, причины, социальный контроль / Кравцов А.Ю., Сирохин А.И., Скоморохов Р.В., Шиханов В.Н.. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2011. 474 с.
4. Голубев М.В., С.В. Борисова Значение «обоюдной» вины для уголовно-правовой квалификации деяний, связанных с нарушениями правил дорожного движения // Вестник МГЛУ. 2011. Вып. 15 (621). С. 27-32.
5. Коробеев А.И. Транспортные преступления и транспортная преступность: монография: М.: Юрлитинформ, 2015. 488 с.
6. Исаев Н.И. Уголовная ответственность за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств: научно-практическое пособие. М., 2011. С. 93.

Е.А. Таюрская (г. Иркутск)

Уголовно-правовая характеристика признаков объективной стороны приведения в негодность транспортных средств или путей сообщения

Общественная опасность транспортных преступлений на сегодняшний день не подвергается сомнению. Наличие данной группы норм является исторически и социально обусловленными [1]. В судебной-следственной практике возникают сложности при попытке квалифицировать действия виновных лиц по ст. 267 УК РФ. Определенные сложности представляет собой установление признаков объективной стороны, субъективной стороны. Объективная сторона состава преступления включает в себя признаки, отражающие его внешний аспект, а именно: «процесс общественно опасного и противоправного посягательства на охраняемые законом интересы с его внешней стороны, с точки зрения последовательного развития тех событий и явлений, которые начинаются с преступного действия (бездей-

ствия) субъекта и заканчиваются наступлением преступного результата» [2]. Её анализ позволяет провести квалификацию деяния, совершенного виновным.

Приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения относится к числу материальных составов. Объективная сторона включает в себя:

- деяние, которое может быть выражено в разрушении, повреждении или приведении иным способом в негодное для эксплуатации состояние предмета преступного посягательства, а также в блокировании транспортных коммуникаций;

- преступном последствии, выраженных в причинении тяжкого вреда здоровью человека либо причинении крупного ущерба;

- причинно-следственная связь между деянием и последствиями.

Итак, разберем признаки объективной стороны.

Разрушение – полный распад технического устройства, в силу чего оно теряет способность функционировать по своему предназначению и не подлежит восстановлению (либо восстановление экономически неоправданно) [3]. Схожей позиции придерживаются авторы другого комментария определяя разрушение как полный распад системы, в результате чего она не способна функционировать по своему назначению. При разрушении либо теряется техническая возможность восстановления предмета преступления, либо восстановление становится экономически нецелесообразным [4].

Повреждение – представляет собой частичное изменение в структуре и форме технической системы, в силу которого она полностью или частично теряет свои функциональные способности, но, в отличии от разрушения, может быть восстановлена. Способы разрушения или повреждения могут быть самыми разнообразными (например, отвинчивание гаек, прикрепляющих рельсы к шпалам) [5]. Также повреждение можно определить как частичное изменение в свойствах, структуре и форме предмета преступного посягательства, после чего он подлежит восстановлению [6]. Примером преступления, совершенного данным способом выступает деяние Войлошникова А.Г., который управляя автомобилем с полуприцепом, двигаясь на 13 км. автомобильной дороги Республики Хакасия, не провел контрольный промер высоты груза при пересечении путепровода, проходящего через автомобильную дорогу, в связи с чем допустил столкновение с путепроводом, причинив механические повреждения балочным пролетным строениям среднего пролета, изготовленным из предварительно напряженного железобетона – в виде скола в ребре, и продольной трещины, толщиной 4 мм. И повреждений ребер с порывом арматурных пучков.

В соответствии со строительно-техническим исследованием с вышеуказанными повреждениями балочных пролетных строений путепровод, не пригоден к эксплуатации, что повлекло причинение крупного материального ущерба.

Войлошниковым А.Г. нарушены требования:

- п. 23.5 ПДД РФ, в соответствии с которыми перевозка тяжеловесных и опасных грузов, движение транспортного средства, габаритные параметры которого с грузом или без него превышают по высоте 4 м. от поверхности проезжей части осуществляются в соответствии со специальными правилами;

- п. 5.11 Инструкции по перевозке крупногабаритных и тяжеловесных грузов автомобильным транспортом по дорогам РФ (в ред. Приказов Минтранса РФ от 22.01.2004 г. № 8, от 21.07.2011 г. №191 с изм., внесенными решением Верховного Суда РФ от 12.11.2012 г. № АКПИ12-1194), согласно которого при высоте транспортного средства более 4,0 м. грузоперевозчик обязан проводить контрольный промер высоты под путепроводами и другими искусственными сооружениями и коммуникациями на маршруте перевозки».

Таким образом, Войлошников А.Г. обвиняется в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 267 УК РФ – повреждение или приведение иным способом в негодное для эксплуатации состояние путей сообщения, если это деяние повлекло по неосторожности причинение крупного ущерба [7].

Следующий способ совершения преступления - «приведение иным способом в негодное для эксплуатации состояние предмета преступного посягательства», данный термин представляет собой описательную законодательную конструкцию, поскольку законодатель не имеет возможности перечислить в диспозиции статьи все способы совершения данного преступления.

Для понимания данного способа совершения преступления важно, что при нем предмет преступного посягательства не повреждается и не разрушается, не меняет своих конструктивных особенностей, по-прежнему остается в исправном состоянии. Негодное для эксплуатации состояние может быть создано различными действиями субъекта преступления, например, перенос маркировочного знака на аэродроме влияет на безопасность при взлете и посадке самолета. Охватываются данным видом деяния и довольно распространенные случаи подкладки на действующие железнодорожные пути посторонних тяжелых предметов, таких, например, как телеграфный столб, бревна, шпалы, тормозные башмаки, камни, поскольку при этих условиях железнодорожный путь делается непригодным для безопасного использования подвижным составом [8].

В практике имеются случаи, когда виновным совершаются два и более действия, указанные в диспозиции статьи, в качестве примера можно привести приговор Комсомольского районного суда Хабаровского края: Рогацкий Д.Д., находясь в состоянии алкогольного опьянения, в нерабочее время, вопреки установленному графику работ на производственном участке, не поставив в известность начальника, осознавая, что территория

не оборудована освещением для производства работ в ночное время, самовольно приведя бульдозер в движение и вопреки установленному порядку, известному ему по ранее пройденному инструктажу по охране труда и технике безопасности, пренебрегая правилами техники безопасности установленными на объекте строительства, предусматривающими ограждение места производства работ установленным порядком сигналами и сигнальными знаками с участием сигналистов подающих оповестительные сигналы в случае приближения поезда, приступил к выполнению работ по заготовке грунта.

Рогацкий Д.Д. при выполнении работ по заготовке грунта, не справился с управлением транспортного средства, что привело к непроизвольному сползанию бульдозера с откоса полувыемки на железнодорожный путь, по которому следовал грузовой поезд с тепловозом, что привело к столкновению бульдозера с грузовым поездом и сходу трёх секций тепловоза с рельс железнодорожного пути.

В результате схода трёх секций тепловоза № с рельс железнодорожного пути произошел розлив топлива с топливных баков тепловоза секций на землю, а тепловоз получил повреждения. Всего повреждений на общую сумму 2836000 руб.

Кроме этого в результате схода тепловоза с рельс железнодорожного пути, произошедшего в результате преступной небрежности Рогацкого Д.Д., произошло повреждение железнодорожного полотна протяженностью 100 метров, стоимостью 69980 руб. 45 коп., при этом затраты на восстановление участка железнодорожного пути составило 707266 руб. 44 коп.

Таким образом, Рогацкий Д.Д. по неосторожности повредил транспортное средство тепловоз грузового поезда, и железнодорожное полотно протяженностью 100 метров, приведя в негодное для эксплуатации состояние, причинив ущерб на общую сумму 3543266 руб. 44 коп.[9]

Также преступление, предусмотренное ст. 267 УК РФ может быть совершено путем блокирования транспортных коммуникаций. Под блокированием судебная практика понимает создание различных препятствий, вследствие чего транспортные средства не могут двигаться по тем или иным транспортным путям. В качестве средств создания препятствий могут быть использованы различные предметы (деревья, камни, строительный мусор, арматура, строительные материалы, другие транспортные средства, например машины, вагоны, и даже живые люди, блокирование также может быть вызвано отключением электроэнергии, затоплением железнодорожного пола, взлетной полосы или автомобильной дороги и т.д.

Как было сказано выше, обязательным признаком объективной стороны являются также преступные последствия. В части 1 ст. 267 УК РФ в качестве таковых определен вред здоровью человека и имущественный ущерб. Действующий уголовный закон отказался от использования тради-

ционного термина «телесные повреждения», которым оперировал до вступления в силу современного УК РФ и предусматривает ответственность именно за причинение вреда здоровью.

Кримиобразующим признаком является последствие в виде тяжкого вреда здоровью, признаки которого указаны в диспозиции ст. 111 УК РФ. Для уяснения данных признаков правоприменителю надлежит обратиться к Постановлению Правительства РФ от 17.08.2007 N 522 (ред. от 17.11.2011) «Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека», Приказу Министерства здравоохранения и социального развития РФ (Минздравсоцразвития России) от 24 апреля 2008 г. № 194н (в ред. от 18.01.2012) «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» [10].

Согласно данным нормативным актам вред, причиненный здоровью человека, определяется в зависимости от степени его тяжести (тяжкий вред, средней тяжести вред и легкий вред) на основании квалифицирующих признаков, предусмотренных п. 4 Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, и в соответствии с медицинскими критериями определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, утверждаемыми Министерством здравоохранения и социального развития Российской Федерации.

Для определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, достаточно наличия одного из квалифицирующих признаков. При наличии нескольких квалифицирующих признаков тяжесть вреда, причиненного здоровью человека, определяется по тому признаку, который соответствует большей степени тяжести вреда.

Степень тяжести вреда, причиненного здоровью человека, определяется врачом – судебно-медицинским экспертом медицинского учреждения либо индивидуальным предпринимателем, обладающим специальными знаниями и имеющим лицензию на осуществление медицинской деятельности, включая работы

Объектом судебно-медицинской экспертизы является живое лицо, либо труп (его части), а также материалы дела и медицинские документы, предоставленные в распоряжение эксперта в установленном порядке.

Медицинские документы должны быть подлинными и содержать исчерпывающие данные о характере повреждений и их клиническом течении, а также иные сведения, необходимые для проведения судебно-медицинской экспертизы.

При необходимости эксперт составляет ходатайство о предоставлении ему дополнительных материалов, по получении которых проведение судебно-медицинской экспертизы возобновляется.

В случае возникновения необходимости в специальном медицинском обследовании живого лица к проведению судебно-медицинской эксперти-

зы привлекаются врачи-специалисты организаций, в которых имеются условия, необходимые для проведения таких обследований.

При проведении судебно-медицинской экспертизы в отношении живого лица, имеющего какое-либо предшествующее травме заболевание либо повреждение части тела с полностью или частично ранее утраченной функцией, учитывается только вред, причиненный здоровью человека, вызванный травмой и причинно с ней связанный.

Преступные последствия в виде имущественного ущерба законодатель определил термином «крупный ущерб». Его размер определен в примечании к анализируемой статье, согласно которому крупным признается ущерб, сумма которого превышает один миллион рублей.

Считаем необходимым отметить, что имущественный ущерб выступает критерием дифференциации ответственности, лежащим в основе правовой оценки деяния, совершенного виновным лицом [11]. При совершении действий, образующих объективную сторону, без наступления последствий обозначенных в ст. 267 УК РФ ответственность по нормам уголовного законодательства исключается, но лицо может быть привлечено к гражданской, административной, дисциплинарной ответственности. Так например, гр. Гизатуллин А.Р. активно участвовал в блокировании транспортных коммуникаций, а именно воспрепятствовал проезду строительной техники (фронтального погрузчика по временной автомобильной подъездной дороге, примыкающей к автомобильной дороге общего пользования) на эксплуатационном километре слева по ходу километража, путем остановки движущегося транспорта непосредственно из-за расположения Гизатуллин А.Р. на временной автомобильной проездной дороге перед строительной техникой с целью прекращения движения указанной строительной техники к транспортным коммуникациям ООО «Кроношпан-Башкортостан», чем нарушил право пользования ООО «Кроношпан-Башкортостан» указанной временной автомобильной дорогой предназначенной для обеспечения собственных нужд связанных со строительством завода по производству древесностружечных плит.

Несмотря на предупреждение сотрудника полиции о необходимости прекращения противоправных действий и об ответственности, в случае если он не прекратит свои действия (с разъяснением статьи 267 УК и 20.18 КоАП РФ), Гизатуллин А.Р. на предупреждения не реагировал. Своими действиями, выразившимися в активном участии блокировании дороги, Гизатуллин А.Р. нарушил право пользования ООО «Кроношпан-Башкортостан» временной автомобильной дорогой предназначенной для обеспечения собственных нужд связанных со строительством завода по производству древесностружечных плит.

Судом действия Гизатуллина А.Р. следует квалифицировать по ст. 20.18 КоАП РФ, как активное участие в блокировании транспортных коммуникаций [12].

Как верно отмечено Коробеевым А.И., при оценке преступных последствий необходимо учитывать следующие обстоятельства:

- предмет преступного посягательства в момент совершения действий, образующий объективную сторону приведения в негодность транспортных средств или путей сообщения, должен находиться в эксплуатации;

- наличие негативных последствий, без учета их последующего влияния на безопасность движения и эксплуатации транспортных средств не может служить основанием для привлечения лица к уголовной ответственности.[13] Таким образом, в целях недопущения квалификационных ошибок следует внимательно подходить к анализу признаков совершенного деяния.

Список литературы и источников

1. Забавко Р.А. История развития законодательства об ответственности за технические преступления // Транспортное право. 2015. № 3. С. 18-21.
2. Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. М., 1960. С. 9.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный) / А.В. Бриллиантов, Г.Д. Долженкова, Э.Н. Жевлаков и др.; под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд. М.: Проспект, 2015. Т. 2.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Т.К. Агузаров, А.А. Ашин, П.В. Головненков и др.; под ред. А.И. Чучаева; испр., доп., перераб. М.: Контракт, 2013.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: научно-практический (постатейный) / Н.И. Ветров, М.М. Дайшутов, Г.В. Дашков и др.; под ред. С.В. Дьякова, Н.Г. Кадникова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юриспруденция, 2013.
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Т.К. Агузаров, А.А. Ашин, П.В. Головненков и др.; под ред. А.И. Чучаева; испр., доп., перераб. М.: Контракт, 2013.
7. Постановление № 1-25/2013 от 28 марта 2013 г. Алтайский районный суд (Республика Хакасия). URL // http://sudact.ru/regular/doc/SVрбуfTdea5w/?regular-txt=ст.+267+ук+рф+приведение+в+негодное+состояние&regular-case_doc.
8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Т.К. Агузаров, А.А. Ашин, П.В. Головненков и др.; под ред. А.И. Чучаева; испр., доп., перераб. М.: Контракт, 2013.
9. Приговор от 16 октября 2012 г. Комсомольского районного суда (Хабаровский край) по уголовному делу №1-115/2012. URL // <http://sudact.ru/regular/doc/LLeIpzufgwla/?regular-txt> (23.05.2016 г.)
10. Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека: приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ (Минздравсоцразвития Рос-

сии) от 24 апреля 2008 г. № 194н (в ред. от 18.01.2012) // Российская газета. 2008. 5 сент.

11. Демидова Л.Н. Структура имущественного ущерба в уголовном праве Украины // Актуальные проблемы российского права. 2013. N 11. С. 1448

12. Постановление № 5-271/2014 от 25 апреля 2014 г. Уфимский районный суд (Республика Башкортостан). URL: http://sudact.ru/regular/doc/qMTZ15JDcfK/?regular-txt=ст.+267+ук+рф+блокировании&regular-case_doc

13. Коробеев А.И. Транспортные преступления. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 171.

С.В. Габеев (г. Иркутск)

Хулиганство, совершенное на железнодорожном, морском, внутреннем водном или воздушном транспорте, а также на любом ином транспорте общего пользования

Федеральный закон от 03.04.2017 № 60-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [1] ввел в УК РФ новый вид хулиганства. В п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ теперь предусматривается уголовная ответственность за хулиганство, совершенное на железнодорожном, морском, внутреннем водном или воздушном транспорте, а также на любом ином транспорте общего пользования.

Криминализация транспортного хулиганства последовательно продвигалась с 2011 г., когда в Государственную Думу РФ впервые был внесен законопроект об установлении уголовной ответственности за действия угрожающие транспортной безопасности

Основным непосредственным объектом данного преступления выступает общественный порядок, дополнительным непосредственным объектом – безопасность эксплуатации транспортных средств. Общественный порядок следует трактовать как совокупность общественных отношений, обеспечивающих соблюдение сложившихся правил поведения в обществе, общения граждан друг с другом, соблюдение норм морали и правил общежития.

Объективная сторона хулиганства на транспорте мало чем отличается от остальных видов уголовно-наказуемых хулиганских проявлений, предусмотренных ч. 1 ст. 213 УК РФ. После многочисленных изменений ст. 213 УК РФ не избавилась от своего главного недостатка: неточных и оценочных формулировок объективной стороны преступления. Деяние, предусмотренное ст. 213 УК РФ, в законе определяется как грубое нару-

шение общественного порядка. Грубость нарушения правил поведения в обществе, норм морали и правил общежития в каждом конкретном случае определяется индивидуально. Для уголовной ответственности важным является, чтобы грубое нарушение общественного порядка выражало явное неуважение к обществу. Явное неуважение к обществу предполагает совершение открытых вызывающих действий, свидетельствующих о пренебрежительном отношении к общественному порядку.

В п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» указано: «При решении вопроса о наличии в действиях подсудимого грубого нарушения общественного порядка, выражающего явное неуважение к обществу, судам следует учитывать способ, время, место их совершения, а также их интенсивность, продолжительность и другие обстоятельства. Такие действия могут быть совершены как в отношении конкретного человека, так и в отношении неопределенного круга лиц. Явное неуважение лица к обществу выражается в умышленном нарушении общепризнанных норм и правил поведения, продиктованном желанием виновного противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное отношение к ним» [2].

Следует смириться с оценочными понятиями в конструкции хулиганства. За долгие годы острых дискуссий в науке уголовного права не было сформулировано четкого определения этого преступления и его признаков. Мы должны понимать, что понятие грубого нарушения общественного порядка исключительно оценочное. Как мы уже указали выше, в каждом конкретном случае, в каждом деле о хулиганстве признаки этого преступления должны устанавливаться индивидуально, с учетом здравого смысла. В этом плане остаются актуальными рекомендации сорокалетней давности о том, признаки грубого нарушения общественного порядка определяются временем, местом, продолжительностью деяния, характером наступивших последствий [3].

Признаки грубого нарушения общественного порядка, выражающего явное неуважение к обществу, также подвержены временным изменениям. Например, один современный популярный певец и композитор, собирающий стадионы поклонников, с весьма специфическим нецензурным песенным репертуаром, еще лет тридцать назад был бы однозначно осужден за злостное хулиганство (ч. 2 ст. 206 УК РФ), а сегодня его деятельность считается творчеством, выражением свободы слова.

Состав хулиганства является оконченным с момента совершения деяния, образующего грубое нарушение общественного порядка выражающего явное неуважение к обществу. Все наступающие реальные общественно опасные последствия лежат за рамками состава хулиганства, и, как правило, требуют самостоятельной юридической оценки. Если в процессе

уголовно-наказуемого хулиганства умышленно причиняется смерть, тяжкий, средней тяжести, легкий вред здоровью человеку, уничтожается или повреждается чужое имущество, приводятся в негодность объекты жизнеобеспечения, нефтепроводов, нефтепродуктопроводов и газопроводов, наступает гибель или увечье животного, то помимо ст. 213 УК РФ, требуется дополнительная квалификация по соответствующим статьям УК РФ: п. «и» ч. 2 ст. 105, п. «д» ч. 2 ст. 111, п. «д» ч. 2 ст. 112, п. «а» ч. 2 ст. 115, ч. 2 ст. 167, 2152, 2153, 245.

Ранее А.В. Петрянин, смирившись с оценочным характером деяний, составляющих хулиганство, предлагал закрепить в качестве обязательного признака рассматриваемого преступления общественное место [4]. Можно сказать, что законодатель частично удовлетворил чаяния ученого. Главным криминализирующим признаком хулиганства, предусмотренного п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ, является место совершения этого преступления - железнодорожный, морской, внутренний водный или воздушный транспорт, а также любой иной транспорт общего пользования.

Следует отметить, что железнодорожный, морской, внутренний водный или воздушный транспорт должен быть общего пользования.

Например, в соответствии со ст. 2 Федерального закона от 10.01.2003 № 17-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» [5] к железнодорожному транспорту общего пользования относится производственно-технологический комплекс, включающий в себя инфраструктуру железнодорожного транспорта, железнодорожный подвижной состав, другое имущество и предназначенный для обеспечения потребностей физических лиц, юридических лиц и государства в перевозках железнодорожным транспортом на условиях публичного договора, а также в выполнении иных работ (услуг), связанных с такими перевозками.

Таким образом, если грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, совершается на железнодорожных путях на территориях железнодорожных станций, открытых для выполнения операций по приему и отправлению поездов, приему и выдаче грузов, багажа и грузобагажа, по обслуживанию пассажиров и выполнению сортировочной и маневровой работы, а также железнодорожных путей, соединяющих такие станции, других сооружениях, железнодорожных станциях, иных обеспечивающих функционирование этого комплекса зданиях, строениях, сооружениях, а также в локомотивах, грузовых вагонах, пассажирских вагонах локомотивной тяги и на мотор-вагонном подвижном составе, а также на ином предназначенном для обеспечения осуществления перевозок и функционирования инфраструктуры железнодорожном подвижном составе, то это образует преступление, предусмотренное п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ.

Этот же вид хулиганства может быть совершен на самоходных и несамоходных судах общего пользования, паромах, причалах, в речных и

морских портах и т.д. В ст. 3 Кодекса внутреннего водного транспорта РФ указывается, что порт (причал), в котором хотя бы одно из юридических лиц или один из индивидуальных предпринимателей осуществляет в силу закона или на основании лицензии деятельность, связанную с перевозками внутренним водным транспортом, по обращению любого физического или юридического лица, является портом или причалом общего пользования.

К воздушному транспорту в смысле п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ относятся воздушные суда общего пользования (самолеты, вертолеты), аэропорты, вертодромы, аэродромы, аэровокзалы и т.д.

К иному транспорту общего пользования относится метрополитен, внутригородские и междугородные автобусы, троллейбусы, трамваи, маршрутные такси, а также автобусные станции и др.

Совершение хулиганства на транспорте необщего пользования либо за пределами транспорта общего пользования и его инфраструктуры не может быть квалифицировано по п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ.

Совершение хулиганства на железнодорожном, морском, внутреннем водном или воздушном транспорте, а также на любом ином транспорте общего пользования не может влечь дополнительной квалификации по ст. 2671 УК РФ - совершение из хулиганских побуждений действий, угрожающих безопасной эксплуатации транспортных средств. Во-первых, грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, совершенное на транспорте общего пользования само по себе представляет угрозу для эксплуатации транспорта, и в принципе одно и то же деяние не может в этой ситуации квалифицироваться по двум статьям УК РФ. Во-вторых, преступление, предусмотренное ст. 2671 УК РФ, не может совершаться непосредственно на транспорте, оно совершается вне его, например, ослепление пилота самолета лазерным лучом.

В случае, если уголовно-наказуемое хулиганство совершается вне транспортного средства общего пользования или транспортной инфраструктуры, например, пассажирский состав или междугородный автобус обкидываются камнями, обстреливаются из пневматического или иного оружия, то данное деяние подпадает под признаки преступления, предусмотренного п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ (вооруженное хулиганство).

Субъективная сторона транспортного хулиганства характеризуется прямым умыслом: виновный осознает фактический характер и общественную опасность грубого нарушения общественного порядка, выражающего явное неуважение к обществу, и желает совершить хулиганские действия.

Определение мотива хулиганства относится к одной из сложнейших проблем уголовного права. По большому счету само хулиганство это собственно и есть мотив, а не какое-то действие. Нам близка позиция И.Я. Козаченко, который справедливо считает, что «внутренняя сила, побуждающая виновного к совершению конкретного хулиганского проявления, может сводиться не к одному, а к множеству мотивов, называемых в уголов-

ном праве хулиганскими побуждениями и выступающих в каждом случае либо раздельно, либо в определенном сочетании, либо в совокупности с иными, не хулиганскими побуждениями - корыстью, гневом, завистью, ревностью и др.» [6].

О.П. Павлов, рассуждая о сложном характере хулиганского мотива, констатирует: «...Хулиганский мотив многолик, при этом надежный механизм «распознавания» мотивов при совершении хулиганских действий отсутствует. Все это придает названному побуждению особую сложность, в связи с чем, в следственной и судебной практике допускается немало ошибок» [7].

Таким образом, полимотивность хулиганства может очень сильно влиять на квалификацию этого преступления, более того именно она является причиной судебных ошибок.

Субъект – физическое вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста.

Обратимся к некоторым вопросам, возникшим с введением в УК РФ новой разновидности хулиганства.

Грубость нарушения общественного порядка является критерием разграничения уголовно-наказуемого хулиганства от мелкого хулиганства, предусмотренного ст. 20.1 КоАП РФ. Если хулиганство совершается с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, то в этой ситуации грубость нарушения общественного порядка и спокойствия очевидна, и как правило, не вызывает трудностей в правовой оценке. А вот отличать мелкое хулиганство, уголовно-наказуемое хулиганство, совершенное на транспорте общего пользования и вандализм, предусмотренный ст. 214 УК РФ, нам кажется весьма проблематично. Полагаем, что сам факт совершение какого-либо хулиганского поступка на транспорте общего пользования не должен автоматически влечь уголовную ответственность только исходя из места совершения преступления. Например, как квалифицировать грубую нецензурную брань, оскорбительное приставание к гражданам, уничтожение или повреждение чужого имущества в незначительном и значительном размере, совершенные на транспорте общего пользования?

Полагаем, что грубая нецензурная брань и оскорбительное приставание к гражданам, совершенные на транспорте общего пользования перерастают в уголовно-наказуемое хулиганство, в случаях, когда они сопровождаются иными действиями, грубо нарушающими общественный порядок и выражающими явное неуважение к обществу. То есть, они должны сопровождать, например, дебош в салоне самолета, вагона поезда или трамвая, автобуса, угрозы в адрес экипажа самолета, попытки открыть дверь в самолете, разбить иллюминатор и т.д.

Сложнее разграничить вандализм в форме порчи имущества на транспортном средстве от мелкого хулиганства, сопряженного с умыш-

ленным повреждением или уничтожением имущества в незначительном размере, а также от уголовно-наказуемого хулиганства на транспорте. Однако, разграничение должно происходить по следующим критериям. Во-первых, вандализм не должен носить публичный характер, не носить в момент порчи имущества на транспорте демонстративности. Если же признак публичности будет присутствовать, то в зависимости от уровня грубости нарушения общественного порядка, связанного с явным неуважением к обществу, подобная порча имущества на транспорте должна быть оценена как мелкое хулиганство либо как уголовно-наказуемое хулиганство, совершенное на транспорте общего пользования. Во-вторых, порча имущества на транспорте как форма вандализма не должна причинять ущерб на сумму, превышающую значительный ущерб (пять тысяч рублей). Иначе, такая порча должна расцениваться как преступление, предусмотренное ст. 167 УК РФ.

Таким образом, законодатель закрепил в УК РФ новый вид хулиганства. Конструктивным видом этого хулиганства является место совершения преступления – любой вид транспорта общего пользования. Полагаем, что данная норма будет активно применяться органами внутренних дел на транспорте, прежде всего, в отношении пьяных дебоширов, грубо нарушающих общественный порядок, пренебрегающих спокойствием и безопасностью других пассажиров. Однако, оценочные критерии хулиганства будут и далее порождать проблемы применения ст. 213 УК РФ. По нашему мнению, законодателю следует вернуться к тенденции дифференциации хулиганских действий путем введения в квалифицированные составы преступлений признака совершения преступления «из хулиганских побуждений», что позволит отказаться от отдельной статьи о хулиганстве в УК РФ.

Список литературы и источников

1. Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.04.2017

2. О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений: постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 № 45. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Волженкин, Б.В., Питерцев, С.К., Шимановский, В.В., Расследование дел о хулиганстве: Квалификация, процессуальные особенности и методика расследования: учебное пособие / Б.В. Волженкин, С.К. Питерцев, В.В. Шимановский; Прокуратура СССР; Институт усовершенствования следственных работников. - 2-е изд., перераб. и доп. Л., 1979. С. 17-18.

4. Петрянин А.В. Юридическая конструкция статьи 213 УК РФ «Хулиганство»: особенности и проблемы правоприменения // Юридическая техника. 2013. № 7-2. С. 592.

5. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Козаченко И.Я. Квалификация хулиганства и отграничение его от смежных составов преступлений: учебное пособие / Козаченко И.Я. Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1984. С. 30.

7. Павлов О.П. Мотив в преступлениях, совершаемых из хулиганских побуждений // Бизнес в законе. 2009. № 1. С. 385.

К.Н. Евдокимов (г. Иркутск)

Актуальные вопросы квалификации неправомерного доступа к компьютерной информации на стадии возбуждения уголовного дела

Юридическая квалификация преступлений на стадии возбуждения уголовного дела имеет фундаментальное значение для разрешения всех наиболее значимых уголовных и уголовно-процессуальных вопросов при расследовании данного дела и дальнейшем рассмотрении его судом для вынесения обвинительного приговора.

В частности, от правильной квалификации преступного деяния, в данном случае неправомерного доступа к компьютерной информации, зависит выбор формы расследования, подследственности уголовного дела; определение вида и меры пресечения в отношении подозреваемого (обвиняемого) и т.д.

Анализ научных работ [1, 2, 3, 4, 5] и существующей следственной практики показывает, что неправомерный доступ к компьютерной информации с одной стороны является одним из самых распространенных компьютерных преступлений, а с другой стороны достаточно сложным в расследовании, т.к. у следователя возникают определённые трудности при квалификации деяния, поскольку неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации часто выступает как способ совершения других преступлений.

По данным ГИАЦ МВД России в 2010 году количество расследованных преступлений по ст. 272 УК РФ в отчетном периоде составило – 5651; количество уголовных дел, направленных в суд с обвинительным заключением (обвинительным актом) – 4068; количество преступлений, уголовные дела о которых были приостановлены (по п. п.1, 2, 3, 4 ч.1 ст.208 УПК РФ) – 272; в 2011 году было расследовано – 2096 уголовных дел, направлено в суд – 1673 уголовных дел, приостановлено расследование по 242 уголовным делам; в 2012 году цифры составили соответственно 1685, 1374, 206 уголовных дел; в 2013 году – 1643, 1507, 174 уголовных дел; в 2014 году – 858, 769, 216 уголовных дел; в 2015 году было расследовано 717 уголовных дел, направлено в суд 642 уголовных дел, приостановлено 350 уголовных дел; в 2016 году количество предварительно расследован-

ных уголовных дел составило 529, направлено в суд (с обвинительным заключением) – 454, приостановлено по различным основаниям – 458 уголовных дел [8].

Как мы видим, количество расследованных и направленных в суд уголовных дел по факту совершения неправомерного доступа к компьютерной информации ежегодно сокращалось, а количество приостановленных дел наоборот увеличивалось, что говорит о существующих проблемах при расследовании преступлений данного вида.

Одной из причин снижения количества раскрытых преступлений и качества расследованных уголовных дел мы видим в ошибочной или неполной квалификации указанных преступных деяний на стадии возбуждения уголовного дела.

Анализ следственной практики показывает, что чаще всего неправомерный доступ к компьютерной информации, повлекший ее уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование, совершается лицами при незаконном доступе к сведениям личных ящиков электронной почты, персональным страницам в социальных сетях; уволенными работниками к компьютерным данным бывшего работодателя, а также в иных случаях, когда у преступника появляется возможность незаконного доступа к компьютерной информации без применения вредоносных компьютерных программ для взлома защиты и дальнейшего проникновения в компьютерную систему (Например, преступник узнал логин и пароль для входа в компьютер в силу исполнения профессиональных обязанностей или ранее предоставленных информационных услуг, либо получил сведения обманным путем или подсмотрел их во время работы потерпевшего на компьютерном устройстве).

Анализируя материалы вышеизложенных уголовных дел, автор приходит к выводу, что неправомерный доступ к компьютерной информации достаточно редко встречается как самостоятельное преступное, а чаще всего является способом для совершения других общественно опасных деяний и достижения иных преступных целей. Поэтому действия виновных следует квалифицировать по совокупности совершенных преступных деяний, где неправомерный доступ к компьютерной информации выступает только одним из преступлений.

В подтверждение своей авторской позиции приведем приговор Тайшетского городского суда Иркутской области от 10 июня 2014 года в отношении гр. З., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 138, ч. 1 ст. 272 УК РФ.

Подсудимый З. неоднократно с использованием принадлежащего ему персонального компьютера, неправомерно, без ведома гр-ки Л., использовал ее логин и пароль, который получил обманным путем, для доступа на её персональную страницу, расположенную на сервере ООО «ВКонтакте» по сетевому адресу: <http://vkontakte.ru> и в нарушение ст. 23

Конституции РФ, согласно которой каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, право на тайну переписки и иных сообщений, а ограничение этого права допускается только на основании судебного решения, неправомерно осуществлял доступ к охраняемой законом компьютерной информации, и ознакомился с защищаемой от других пользователей сайта «ВКонтакте» компьютерной информацией, личной перепиской Л. с иными лицами, которая составляет тайну её личной жизни, не подлежащую контролю со стороны государства, организаций, граждан.

Кроме того, подсудимый З. при помощи компьютерной программы сделал скриншоты личной переписки Л., тем самым скопировал компьютерную информацию к себе на персональный компьютер.

Квалификация следователем действий подсудимого З. по ч. 1 ст. 138 УК РФ, как нарушение тайны переписки и иных сообщений граждан и по ч. 1 ст. 272 УК РФ, как неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, если это деяние повлекло копирование информации, признана судом правильной.

Решением суда гр-н З. приговорен к наказанию в виде 7 (семи) месяцев исправительных работ с удержанием 10 % из заработка в доход государства [9].

Однако, по нашему мнению, в рассмотренном эпизоде, также нарушено право гражданина на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, гарантируемых ст. 23 Конституции РФ. Поэтому считаем, что преступные действия виновного, помимо ч. 1 ст. 138, ч.1 ст. 272 УК РФ должны быть дополнительно квалифицированы также по ч. 1 ст. 137 УК РФ, т.е. незаконное соби́рание или распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, без его согласия либо распространение этих сведений в средствах массовой информации.

В случае, если виновный, совершив неправомерный доступ к компьютерной информации личного характера, распространяет в сети «Интернет» заведомо ложные сведения, порочащие честь и достоинство потерпевшего или подрывающих его репутацию (например, о наличии социально опасного заболевания, нетрадиционной сексуальной ориентации, либо оказании за вознаграждение услуг сексуального характера и т.д.), то преступное деяние следует квалифицировать не только по ст. 272 УК РФ, но и по ч. 2 ст. 128. 1 УК РФ - клевета, то есть распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию, содержащаяся в средствах массовой информации, либо по соответствующей части статьи 128. 1 УК РФ, в зависимости от наличия квалифицирующих признаков состава данного преступления.

Так, например, следователем СО при ОВД по Завьяловскому району Удмуртской Республики было возбуждено уголовное дело в отношении гр-ки Е. за совершение преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 272, ч. 2 ст.

129 УК РФ. В ходе предварительного следствия было установлено, что гр-ка Е. в утреннее время, находясь по месту своего жительства, используя принадлежащий ей персональный компьютер-нетбук «А», а также электронный почтовый ящик «Н», без согласия собственника гр-ки К. осуществила несанкционированный доступ к принадлежащим последней ресурсам - электронному почтовому ящику «В». Тем самым, совершив неправомерный доступ к компьютерной информации, принадлежащей К. и повлекший модификацию компьютерной информации на фоновом изображении электронной страницы К. в разделе «М» и на сервере статистики оказывающего услуги пользования сетью Интернет - ООО «М».

Кроме того, гр-ка Е. получив неправомерный доступ к компьютерной информации, принадлежащей К. и находящейся на ресурсах сети Интернет, внесла заведомо ложные сведения относительно К., связанные с оказанием последней услуг сексуального характера за установленное вознаграждение, а также распространила для неограниченного числа пользователей раздела «М» на странице К. фотографии последней. При этом, распространяя указанные сведения относительно К., гр-ка Е. достоверно знала, что они носят заведомо ложный характер и порочат честь и достоинство К., а также будут доступны для неограниченного круга лиц в сети Интернет.

Постановлением Завьяловского районного суда (Удмуртская Республика) от 01 августа 2011 года уголовное дело в отношении Е., обвиняемой в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 272, ч. 1 ст. 129 УК РФ, было прекращено по ст. 25 УПК РФ, в связи с примирением сторон. Квалификация органами расследования преступлений, совершенных гр-кой Е. признана судом правильной [10].

Наибольшую, по нашему мнению, общественную опасность представляет неправомерный доступ к компьютерной информации, совершенный должностными лицами на государственной или муниципальной службе, поскольку здесь наносится ущерб не только интересам государственной службы или службы в органах местного самоуправления, но и вред репутации государственной власти в целом. Поэтому такие преступления на стадии возбуждения уголовного дела должны обязательно квалифицироваться по совокупности с деяниями, предусмотренными ст. ст. 285, 286, 290 УК РФ и другими должностными преступлениями, в зависимости от совершенных противоправных действий.

Следует также учесть, что если виновный незаконно пользуясь телематическими услугами по доступу в сеть «Интернет» причинил имущественный ущерб собственнику или иному владельцу имущества в сумме превышающим двести пятьдесят тысяч рублей причиненного, то его действия подлежат дополнительной квалификации по ч. 1 ст. 165 УК РФ - причинение имущественного ущерба собственнику или иному владельцу

имущества путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения, совершенное в крупном размере.

Свою позицию, аргументируем следующим примером следственной практики.

Следователем СО ОМВД России г. Уссурийска И. было возбуждено уголовное дело в отношении несовершеннолетнего З. за совершение преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 272, ч. 1 ст. 165, ч. 1 ст. 272, ч. 1 ст. 272 УК РФ.

В ходе расследования было установлено, что 3 сентября 2011 года с 08 час. 38 мин. до 15 час. 07 мин. несовершеннолетний З. со своего домашнего компьютера с помощью вредоносной программы «Lamesan» и компьютерной программы «Radmin», получил удаленный доступ к компьютерам гр-н К., П. и Д., завладев логинами и паролями последних в сеть «Интернет». После чего, используя логины и пароли К., П. и Д., осуществил несанкционированный правообладателями выход в сеть Интернет, тем самым совершив неправомерный доступ к компьютерной информации, повлекший ее блокирование. Затем от имени К., П. и Д., без их согласия, т.е. путем обмана, произвел в Интернете покупки электронных ключей к компьютерным играм и антивирусам, причинив имущественный ущерб гр. К. в сумме 286 168 рублей, гр. П. в сумме 39 083 рубля и гр. Д. в сумме 125 469 рублей.

Тем самым, несовершеннолетним З. гр-ну К. был причинен имущественный ущерб путем обмана при отсутствии признаков хищения, совершенное в крупном размере, что под подпадает под действие ч. 1 ст. 165 УК РФ.

Постановлением Уссурийского районного суда Приморского края от 20 ноября 2012 года уголовное дело по обвинению несовершеннолетнего З. прекращено за деятельным раскаянием последнего, в соответствии со ст. 75 УК РФ [11].

Анализируя материалы уголовного дела и решение суда, автор приходит к выводу, что на стадии возбуждения уголовного дела и в последующем постановлении Уссурийского районного суда Приморского края, как следователем И., так и федеральным судьей П. были допущены ошибки при квалификации данного деяния.

По нашему мнению, в действиях несовершеннолетнего З. явно прослеживался корыстный мотив, что выразилось в неправомерном доступе к компьютерной информации в сети «Интернет» и приобретении им электронных ключей для компьютерных игр и антивирусов на сумму более 450 000 рублей.

Кроме того, следователь и судья не учли использование З. вредоносной компьютерной программы «Lamesan», позволившей нейтрализовать средства защиты компьютеров К., П. и Д. и незаконно скопировать их логины, пароли для доступа в сеть «Интернет».

Поэтому полагаем, что преступные действия 3. должны были быть квалифицированы по ч. 2 ст. 273, ч. 2 ст. 272 (3 преступления) и ч. 1 ст. 165 УК РФ (1 преступление), т.е. использование компьютерных программ либо иной компьютерной информации, заведомо предназначенных для несанкционированного копирования компьютерной информации или нейтрализации средств защиты компьютерной информации, совершенное из корыстной заинтересованности; неправомерного доступа к охраняемой законом компьютерной информации, если это деяние повлекло блокирование копирования компьютерной информации, совершенное из корыстной заинтересованности; причинение имущественного ущерба собственнику или иному владельцу имущества путем обмана при отсутствии признаков хищения, совершенное в крупном размере.

Учитывая, что до сих пор нет разъяснения постановления Пленума Верховного Суда РФ о практике рассмотрения уголовных дел по преступлениям в сфере компьютерной информации, то следователи пользуются «морально» и юридически устаревшим постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007 № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» квалифицируя действия виновных не по ст. 159.6 УК РФ, а по совокупности преступлений используют ст. ст. 158, 272 УК РФ. Также не проводится дополнительная квалификация неправомерного доступа к компьютерной информации по соответствующим частям статей 137, 138, 159.6, 165, 183, 187 УК РФ, что негативно сказывается на существующей следственной практике.

Учитывая различные научные точки зрения [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7] и существующую судебную практику о преступлениях в сфере компьютерной информации, автор предлагает снизить возраст уголовной ответственности физических лиц за совершение неправомерного доступа к компьютерной информации, если данное деяние повлекло наступление тяжких последствий (ч. 4 ст. 272 УК РФ) с 16 до 14 лет и ужесточить санкцию за указанные деяния до 15 лет лишения свободы.

Список литературы и источников

1. Богомолов А.Н. Некоторые проблемы квалификации неправомерного доступа к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ) // Научная перспектива. 2015. № 2. С. 36-37.
2. Воробьев В.В. К вопросу о понятии «неправомерный доступ к компьютерной информации» и моменте его окончания // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Серия: Государство и право. 2013. № 16. С. 51-55.
3. Евдокимов К.Н. Некоторые особенности уголовно-правовой квалификации неправомерного доступа к компьютерной информации на стадии возбуждения уголовного дела // Российский следователь. 2017. № 4. С. 39-44.
4. Ефремова М.А. Ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации по действующему уголовному законодательству //

Вестник Казанского юридического института МВД России. 2012. № 8. С. 54-56.

5. Комаров А.А. Должностные лица в качестве субъекта транснационального компьютерного преступления // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 10 (66). С. 458-463.

6. Осокин В.К. К вопросу об основании возбуждения уголовных дел, связанных с неправомерным доступом к охраняемой законом компьютерной информации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 3. С. 141-143.

7. Родивилин И.П., Шаевич А.А. Уголовно-правовое противодействие незаконному ограничению доступа к компьютерной информации в сети интернет // Криминалистические чтения на Байкале – 2015: материалы Междунар. науч.-практ. конф. ФГБОУВО "Российский государственный университет правосудия" Восточно-Сибирский филиал; отв. ред. Д. А. Степаненко. 2015. С. 275-278.

8. Ф-615 кн.1, Ф-491 - Сведения о преступлениях, совершенных в сфере телекоммуникаций и компьютерной информации. Сводный и сборник по России за январь-декабрь 2010–2016 годы. URL: <http://mvd.ru> (Дата обращения 21.02.2017).

9. Уголовное дело 1-211/2014 // Архив Тайшетского городского суда Иркутской области за 2014 год.

10. Постановление Завьяловского районного суда (Удмуртская Республика) от 01 августа 2011 года о прекращении уголовного дела по обвинению Ермолаевой Н.В. по ч. 1 ст. 272, ч. 1 ст. 129 УК РФ. URL: Судебные решения. рф

11. Уголовное дело № 1-1021-2012 // Архив Уссурийского районного суда Приморского края за 2012 год.

И.А. Халиков (г. Казань)

**Актуальные вопросы установления субъекта преступления,
предусмотренного статьей 2431 УК РФ**

Преступления, связанные с нарушением требований сохранения и использования объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ, выявленных объектов культурного наследия народов РФ, по нашему мнению, могут быть совершены только специальным субъектом, права и обязанности которого определены Федеральным законом от 25.06.2002 г. №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (далее Федеральный закон №73-ФЗ).

В соответствии с общими правилами, предусмотренными ч. 1 ст. 20 УК РФ уголовной ответственности за совершенные преступления подлежат лица, достигшие 16 летнего возраста. Применительно к статье 243¹ УК

РФ указанная позиция является не вполне корректной и требует уточнения. По нашему мнению, субъект рассматриваемого преступления имеет определенные, присущие только ему характерные особенности. К исследованию вопроса возраста наступления уголовной ответственности, следует перейти через призму определения общей дееспособности, установленной статьей 21 Гражданского кодекса РФ. Полная гражданская дееспособность означает, что лицо способно понимать сущность и значение своих действий, руководить ими и нести ответственность за них. Поэтому в полном объеме гражданская дееспособность возникает по достижении 18-летнего возраста, т.е. с наступлением совершеннолетия. Субъект преступления, предусмотренного статьей 243¹ УК РФ должен понимать сущность и значение своих действий, объем, и пределы которых определены охранным обязательством, порядок заключения которого установлен статьей 47.6 Федерального закона №73-ФЗ. Оно заключается с одной стороны собственником или иным законным владельцем и федеральным (региональным) органом охраны, утверждается соответствующим актом последнего (ч. 7 ст. 47.6 Федерального закона №73-ФЗ). При заключении охранного обязательства сотрудники федерального (регионального) органа охраны объектов культурного наследия обязаны изучить сведения о собственнике или ином законном владельце, который принимает на себя обязательства по сохранению и должному использованию памятника истории и культуры. Кроме того, при заключении охранного обязательства, исследуется вопрос о возможности привлечения к ответственности собственника или иного законного владельца объекта за нарушение требований его сохранения или использования. Таким образом, он, то есть собственник или иной законный владелец должен быть полностью деликтоспособен. Полная деликтоспособность является составной частью полной дееспособности, которая наступает с достижением лица 18 летнего возраста.

Владеть объектом культурного наследия, выявленным объектом культурного наследия, на праве собственности, может лицо, не достигшее 18 летнего возраста. В этом случае охранное обязательство на указанный объект будет заключено с родителем, (усыновителем, попечителем) несовершеннолетнего, который берет на себя ответственность за нарушение требований сохранения и использования памятника истории и культуры, становясь «представителем собственника или иным законным владельцем». Общие правила эмансипации несовершеннолетних, предусмотренные ст. 27 ГК РФ в указанном случае не применимы. Лица, не достигшие возраста 18 лет, в силу указанных обстоятельств не могут быть участниками возникших правоотношений по поводу сохранения или использования памятников истории и культуры [2, с 3-6]. Изложенное свидетельствует о том, что субъектом преступления, предусмотренного статьей 243¹ УК РФ, может быть только лицо, достигшее 18 летнего возраста.

По мнению А.Н. Трайнина, в некоторых случаях ограниченность круга субъектов преступления выражена не в форме прямого указания – «лицо управляющее транспортным средством», «мать новорожденного» и

т.д. а вытекает из общего содержания соответствующего состава [5, с. 193]. Исходя из диспозиции ст. 243¹ УК РФ, можно сделать вывод, что субъектом преступления может быть только «собственник» памятника истории и культуры или «иной законный владелец», с которым, в соответствии со ст. 47.6 Федерального закона №73-ФЗ, заключено охранное обязательство. При отсутствии указанного правоустанавливающего документа действия лица, вне зависимости от имущественных прав на объект охраны, подлежат квалификации по ст. 243 УК РФ.

При нахождении объекта культурного наследия, выявленного объекта культурного наследия в собственности, пользовании, хозяйственном ведении, оперативном управлении юридических лиц, субъектом преступления, предусмотренного ст. 243¹ УК РФ, будет руководитель юридического лица, выступивший в качестве участника заключения охранного обязательства. Руководитель юридического лица может делегировать обязанности по соблюдению требований сохранения или использования объектов культурного наследия, выявленных объектов культурного наследия сотруднику руководимой им организации наделив его соответствующими служебными полномочиями.

Сотрудники правоохранительных органов при квалификации действий виновных лиц допускают ошибки в определении субъекта совершенного преступления. Так, 24.07.2015 г. следователями Следственного комитета России по Республике Татарстан возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 243¹ УК РФ по факту нарушения требований использования объекта культурного наследия – «Польского католического костёла, 1815 года постройки», который является памятником регионального значения, включенным в государственный реестр. В ходе расследования уголовного дела было установлено, что 15.06.2015 г. в помещении костёла, принадлежащего одному из ВУЗов г. Казани, в результате нарушений правил пожарной безопасности при проведении ремонтных работ произошло возгорание, в результате которого объекту охраны причинен ущерб в крупном размере на сумму 3 500 тысяч рублей. Уголовное дело было возбуждено в отношении одного из сотрудников ВУЗа, ответственного за пожарную безопасность на территории памятника истории и культуры, что впоследствии было признано незаконным. При расследовании не было учтено то обстоятельство, что помещение костела, используемое для проведения научно-технических исследований, было сдано в аренду обществу с ограниченной ответственностью, с которым было перезаключено охранное обязательство. Соответственно не было достаточных оснований привлечь сотрудника ВУЗа к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 243¹ УК РФ. Уголовную ответственность в указанном случае должно нести лицо, непосредственно нарушившее принятые на себя обязательства по использованию объекта культурного наследия и являющееся «иным законным владельцем» с которым заключено охранное обязательство.

В ходе изучения следственной практики были выявлены случаи умышленного неприятия собственником объекта охраны обязательств по должному содержанию и использованию памятника истории и культуры с целью избежания уголовной ответственности. Так, 19.05.2015 г. сотрудниками отдела дознания г. Череповец Вологодской области РФ возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 243¹ УК РФ по факту повреждения дома № 1 по ул. Луначарского г. Череповца, признанного памятником регионального значения, включенного в государственный реестр. Собственник здания в период с 2006 года по декабрь 2014 года умышленно уклонялся от заключения охранного обязательства, что вызвало определенные сложности в выборе нормы уголовного права.

По нашему мнению, в целях преодоления сложностей в определении субъекта совершенного преступления, ст. 243¹ УК РФ необходимо изложить в следующей редакции: «Нарушение собственником, представителем собственника или иным законным владельцем требований сохранения или использования объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, либо выявленных объектов культурного наследия, повлекшее по неосторожности их уничтожение или повреждение в крупном размере». Уточнение субъекта преступления будет способствовать устранению возникающих в правоприменительной практике противоречий.

В УК РФ оставлена без внимания возможность совершения указанных преступлений специальным субъектом – должностным лицом, наделенным функциями представителя органа исполнительной власти. Согласно п. 5 ч. 1 ст. 9 Закона №73-ФЗ к полномочиям федеральных органов государственной власти относится сохранение, использование и популяризация объектов культурного наследия. П. 12 ч. 1 ст. 9 Закона №73-ФЗ устанавливает порядок осуществления государственного надзора за содержанием, сохранением, использованием и государственной охраной объектов культурного наследия. Схожими по объему полномочиями наделены органы государственной власти субъектов РФ и органы местного самоуправления, за исключением функции осуществления соответствующего надзора. В соответствии с п.11 ст.47.6 Закона №73-ФЗ памятник истории и культуры, включенный в реестр, может быть предоставлен на праве хозяйственного ведения или оперативного управления унитарному предприятию или учреждению, представители которых несут ответственность за их сохранение и использование в пределах делегированных государством полномочий. Пункт 11 ст. 47.6 Закона № 73-ФЗ предусматривает возможность нахождения объекта в государственном управлении, что порождает необходимость выполнения охранных обязательств должностным лицом соответствующего органа исполнительной власти. Соответственно представитель органа исполнительной власти является полноценным «субъектом»

рассматриваемого преступления, который наделен всеми правами и обязанностями представителя собственника.

В следственно-судебной практике возможны случаи совершения данного преступления компетентным представителем органа государственной власти, на которого возложены полномочия по содержанию, сохранению, использованию и государственной охране объектов культурного наследия. На необходимость включения в статьи предусматривающие ответственность за преступления в отношении объектов культурного наследия, культурных ценностей квалифицирующего признака – «совершение преступления лицом, с использованием своего служебного положения» указывали целый ряд авторов. Так, Л.Р. Клебанов считал необходимым предусмотреть в ст. 243 УК РФ возможность привлечения к уголовной ответственности специального субъекта – должностного лица, на которого возложена обязанность по сохранению и использованию объектов культурного наследия [4, с. 419]. Аналогичное мнение было высказано в своих работах О.М. Мартышевой [4], Я.С. Калинской [1], Е.А. Шалагиным [6]. Соглашаясь с изложенным мнением, полагаем необходимым дополнить ст. 243 УК РФ частью 3, а ст. 243¹ УК РФ – частью 2, где бы предусматривалась ответственность за совершение тех же деяний лицом с использованием служебного положения. Таким образом, необходимо в ст. 243 УК РФ предусмотреть новую часть 3 следующего содержания: «Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные лицом с использованием своего служебного положения, - наказываются...»; предусмотреть новую ч. 2 ст.243¹ УК РФ следующего содержания: «Деяния, предусмотренные частью первой настоящей статьи, совершенные лицом с использованием своего служебного положения, - наказываются...».

По нашему мнению конкретизация в диспозиции ст. 243¹ УК РФ признаков субъекта преступления, а также установление уголовной ответственности за его совершение лицом с использованием служебного положения будет служить преодолению проблем правоприменительной практики. Кроме того, они будут способствовать усилению Государственной политики по сохранению для будущих поколений эталонных образцов культурного наследия ушедших эпох.

Список литературы и источников

1. Калинская Я.С. Уголовная ответственность за уничтожение или повреждение памятников истории и культуры. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. – 154 с.
2. Капитонова Е.А. Несовершеннолетний как субъект обязанностей в сфере охраны исторического и культурного наследия // Культура: управление, экономика, право. 2015. № 3. С. 3-6.
3. Клебанов Л.Р. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. – 512 с.

4. Мартышева О.М. Уголовная ответственность за уничтожение или повреждение объектов культурного наследия и культурных ценностей. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2015. 169 с.

5. Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. М.: Госюриздат, 1957. 363 с.

6. Шалагин Е.А. Ответственность за уничтожение или повреждение памятников истории и культуры по Российскому уголовному законодательству // Актуальные проблемы экономики и права. 2012. № 3, С. 284-289.

Р. Е. Орищенко (г. Иркутск)

Актуальные вопросы разрешения конкуренции между служебными преступлениями и хищениями с использованием служебного положения в правоприменительной практике

Действующий Уголовный кодекс РФ (далее УК РФ) выделяет три самостоятельные формы хищения с квалифицирующим признаком – с использованием лицом своего служебного положения: мошенничество (ч. 3 ст. 159 УК РФ), присвоение и растрата (ч. 3 ст. 160 УК РФ). Выделение в числе субъектов рассматриваемых форм хищения должностных лиц, а также лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих и иных организациях, актуализирует проблему соотношения их со служебными преступлениями, а именно злоупотреблением полномочиями (ст. 201 УК РФ), злоупотреблением должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) и превышением должностных полномочий (ст. 286 УК РФ).

В судебной-следственной практике нередко допускаются ошибки в квалификации содеянного в условиях конкуренции между всеми названными статьями уголовного закона. Результатом становится в том числе привлечение виновных лиц к менее строгой ответственности (вменяются составы преступлений средней тяжести вместо тяжких), а в ряде случаев и вовсе суды оправдывают обвиняемых.

Основные ошибки можно свести к следующим трем разновидностям:

1. Неправильный выбор статьи уголовного закона, подлежащей применению: вместо статей 160 или 159 УК РФ вменяются составы служебных преступлений. Такие решения вызваны двумя проблемами:

– ошибочное толкование корыстной цели в преступлениях против собственности;

– неудовлетворительная работа по аргументации признака общественно опасных последствий в составах служебных преступлений.

2. Избыточная квалификация содеянного по совокупности хищения с должностными преступлениями (при отсутствии оснований для этого).

3. Отсутствие совокупности должностных преступлений и хищения. Особенное внимание следует обратить на первую из них.

Эта ошибка, как правило является попыткой привлечь виновное лицо к уголовной ответственности в таких условиях, когда по мнению правоприменителей вменить составы хищения представляется слишком сложно ввиду отсутствия необходимых признаков.

Одна из ситуаций как раз и связана с кажущимся отсутствием корыстной составляющей в содеянном. Например, должностное лицо, распорядившись о перечислении вверенных ему денежных средств за работы, которые на самом деле не были выполнены подрядчиком, не получало с этих средств лично себе ни копейки. Не обогатились этими средствами и его близкие родственники. Или же денежные средства в результате обмана со стороны должностного лица были зачислены не ему, а на счёт возглавляемой им организации или на счёт другого юридического лица и остались в деловом обороте (не обналичены, не обогатили лично какое-то физическое лицо). Исходя из анализа правоприменительной практики, под корыстной целью понимается – передача виновным себе или своим близким лицам похищенного имущества. В примечании 1 к ст. 158 УК РФ такой оговорки нет, и упоминается об обращении чужого имущества, как в пользу виновного, так и в пользу других лиц. На наш взгляд эта проблема исходит из того, что длительное время не было официального толкования корыстной цели и правоприменители привыкли пользоваться понятием корыстного побуждения, которое содержится в п.11 ППВС 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве». Под корыстным побуждением понимается – получение материальной выгоды для виновного или близких лиц, либо избавления от материальных затрат [1, С. 4.]. Данного подхода придерживаются такие ученые как: Б.В.Волженкин, А.И.Бойцов и др. Н.А.Лопашенко считает, что корыстная цель это обогащение лиц, с которыми виновного связывают личные, имущественные отношения и т.д. [2, С. 23.].

Однако в п. 28 ППВС № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», содержится понятие корыстной цели – стремление изъять и (или) обратить чужое имущество в свою пользу либо распорядиться указанным имуществом как своим собственным, в том числе путем передачи его в обладание других лиц [3, С. 5.]. Таким образом, в ППВС № 51 шире толкуется понятие корыстной цели, без ограничений какими-либо рамками (близкими, кредиторами и т.д.) в отношении тех лиц, в пользу которых виновное лицо передает имущество. Для того, чтобы разграничить между собой ст.ст. 285 (201) УК РФ и хищения, необходимо обратиться к п. 17 ППВС 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» (далее ППВС № 19). Если должностное лицо безвозмездно, безвозвратно изъяло чужое имущество в пользу себя или передало в обладание других – неуполномоченных лиц, то это признаки хи-

щения. И наоборот, когда оно не изымало чужое имущество, а получило имущественную выгоду от его использования не по назначению, либо временно и (или) возмездно изъяло его у собственника, но при условии причинения существенного вреда [4, С. 8.] - это служебное преступление, а не хищение.

В п. 25 ППВС 2013 г № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» указывается, что если должностное лицо (за взятку), перечислило вверенные ему денежные средства в размере, заведомо превышающем рыночную стоимость товаров, то вменяется ст.ст. 160 (в совокупности со ст. 290 УК РФ).

При этом Пленум ВС РФ не связывает такую квалификацию с дополнительными условиями: обогащением именно близких лиц или избавлением кого-то от материальных затрат.

Данная проблема очень часто встречается в правоприменительной практике при государственных закупках по завышенным ценам. В большинстве случаев органы предварительного расследования склоняются к квалификации содеянного по статьям, о служебных преступлениях. Например, Ген.директор УК «Волна» закупил для нужд компании два прибора «Барьер» за 1,5 млн. рублей, хотя рыночная цена каждого из них не превышала 19,5 тыс. рублей. Следствие не установило, что деньги хотя бы частично получил себе Ген.директор, не было установлено и аффилированности его с фирмой, у которой были приобретены приборы. В итоге сторона обвинения квалифицировала его действия по ст. 201 УК РФ [5]. Суд оправдал подсудимого ввиду сложностей состава злоупотребления полномочиями, которые правоприменители не учли. Т.е. ситуация сложилась так, из-за неправильного толкования корыстной цели. В действиях Ген.директора усматривались признаки растраты. Вместе с тем, в совершении хищения он не обвинялся, его действия квалифицированы по ст. 201 УК, а суд не вправе был выйти за пределы обвинения. По делу вынесен оправдательный приговор.

Следующая проблема, возникающая из-за вменения составов служебных преступлений взамен хищения – это необходимость устанавливать существенность вреда правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства (п. 18 ППВС № 19). Это последствие служебных преступлений является оценочным признаком, и весьма непростым с точки зрения установления и доказывания. На этот признак в своих работах обращают внимания такие ученые как: П. С. Яни в своей работе «Общественно опасные последствия должностных преступлений», который указывает, что сами по себе такие негативные последствия, как нарушение нормальной работы организации, причинение ей материального ущерба и др., не обязательно являются существенными, но могут быть при определенных условиях отнесены к таковым [6, С. 3], например, банкротство юр. лица при причинении ему ма-

тер. вреда либо ликвидация юр. лица, когда был причинен «репутационный» вред.

В.Н. Шиханов в своей работе «Особенности квалификации преступлений, совершаемых в сфере ЖКХ», обращает внимание на то, что это последствие в вину должно вменяться максимально конкретно. При оценке существенности вреда необходимо учитывать степень отрицательного влияния противоправного деяния на нормальную работу организации, характер и размер понесенного ею материального ущерба, число потерпевших граждан т.д. [7, С. 5].

Таким образом, если материальный ущерб в сумме 1.5 миллиона рублей является особо крупным для хищения, то для ст.ст. 285, 286, 201 УК РФ еще нужно определить, является ли он существенным для организации.

Судебной практике известны случаи вынесения оправдательных решений по фактам выдачи водительских прав без приема экзамена, приём на работу «мертвых душ» [8], необоснованного начисления премий, завышения размеров оплаты труда, продажи населению воды из служебной пожарной машины [9]. Во всех этих случаях стороне обвинения не удалось привести аргументы, что материальные убытки являлись существенным вредом, что совершенные действия нарушили чьи-либо права или интересы существенным образом.

Таким образом при растрате в уголовно-правовых нормах, подлежащих применению в случаях совершения деяния лицом с использованием служебного положения и с признаками хищения, необходимо избегать подмены понятий «корыстная цель» и «корыстное побуждение (заинтересованность)», руководствоваться положениями ПВС № 51, 19, 24, а также помнить, что замена ст. о хищении на ст.ст. 201, 285, 286 вызывает сложности с определением существенности причиненного вреда.

Список литературы и источников

1. О судебной практике по делам об убийстве: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 янв. 1999 г. № 1 // Бюл. Верховного Суда Рос. Федерации. 1999. № 1. С. 14.
2. Лопашенко Н.А. Преступления против собственности : теоретико-прикладное исследование. М., 2005. С. 393.
3. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 дек. 2007 г. № 51 // Бюл. Верховного Суда Рос. Федерации. 2008. № 2. С. 15.
4. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 окт. 2009 г. № 19 // Бюл. Верховного Суда Рос. Федерации. 2009. № 12. С. 15.

5. Кассационное определение Мурманского областного суда от 21.06.2012 г. № 22-1489-2012 // Специализированный журнал «Теория и практика управления многоквартирным домом». URL: <http://domovodstvo.ru/fas2/44257B06005C4ACF44257B02000F9D31.html> (дата обращения – 08.04.2017 г.).

6. Яни П. С. Общественно опасные последствия должностных преступлений // Законность. 2014. № 3. С.387.

7. Шиханов В.Н. Особенности квалификации преступлений, совершаемых в сфере жилищно-коммунального хозяйства. 2014. № 4. С.12.

8. Официальный сайт РосПравосудие. URL: <https://rospravosudie.com/court-xanty-mansijskij-rajonnyj-sud-xanty-mansijskij-avtonomnyj-okrug-s/act-100729772/> (01.04.2017).

9. Официальный сайт РосПравосудие. URL: <https://rospravosudie.com/court-aviastroitelnyj-rajonnyj-sud-g-kazani-respublika-tatarstan-s/act-107146471/> (01.04.2017).

М.А. Номогоева (г. Иркутск)

Установление ответственности за мелкое взяточничество: некоторые проблемные вопросы

Выделение ответственности за мелкое взяточничество актуализировало проблему квалификации неоднократных случаев взяточничества, как совокупности преступлений или как единого продолжаемого преступления. Сущность рассматриваемого правового вопроса в том, что в зависимости от конкретных юридически значимых обстоятельств многоэпизодная преступная деятельность в одном случае квалифицируется, как совокупность преступлений, а в другом – как единое продолжаемое преступление.

Данная проблема не нашла своего однозначного разрешения, как в теории уголовного права, так и в правоприменительной практике. Отсутствие единообразного подхода в его оценке обуславливает необходимость последовательного научного анализа заявленной темы научной статьи.

По общему правилу, применяемому в теории квалификации преступлений, если многоэпизодная преступная деятельность представляет собой юридически тождественные, однородные действия, направленные на достижение единого преступного результата и охватывается единой формой вины, содеянное следует квалифицировать, как единое продолжаемое преступление.

Вместе с тем, как разъяснил Верховный Суд в абз. 3 п. 21 Постановления от 9 июля 2013 г. N 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»: «не может квалифициро-

ваться как единое продолжаемое преступление одновременное получение, в том числе через посредника, взятки или незаконного вознаграждения при коммерческом подкупе от нескольких лиц, если в интересах каждого из них должностным лицом или лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, совершается отдельное действие (акт бездействия). Содеянное при таких обстоятельствах образует совокупность преступлений» [5]. Данный подход соответствует формирующейся судебной-следственной практике по рассматриваемой категории уголовных дел. Примером этого является следующий случай.

По приговору Советского районного суда г. Волгограда от 22 июля 2016 г. доцент кафедры одного из вузов С. осуждена за семь эпизодов получения взятки (по каждому – в размере, не превышающем 10 тыс. руб.) от студентов за успешную сдачу зачетов по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 291.2 УК [6].

Однако выработанные правила квалификации по многоэпизодным уголовным делам и положения рассматриваемого Постановления Пленума Верховного суда являются небесспорными и требуют дополнительного разъяснения.

Для квалификации неоднократных случаев мелкого взяточничества, как единого продолжаемого взяточничества, нужно учитывать обязательные признаки продолжаемого преступления. В науке они делятся на объективные (неоднократность преступных действий и юридическое тождество) и субъективные (общая цель, объединяющая эти действия в единое целое и единый умысел, которым охватываются преступные действия виновного) [1, с. 216].

Начнем с объективных признаков, а именно неоднократности и тождественности актов преступной деятельности. Неоднократность, как количественный признак продолжаемого преступления, с точки зрения уголовного права, означает совершение двух или более актов преступного посягательства.

Тождественными деяниями в теории уголовного права называются такие, которые подпадают под одну и ту же статью уголовного закона, а иногда под одну и ту же часть той или иной статьи. Следовательно, в продолжаемом преступлении речь должна идти о тождественных в юридическом смысле действиях.

Субъективная сторона продолжаемого преступления характеризуется, как это было указано ранее, общей целью и единым умыслом.

Общая цель предполагает осознание субъектом конечного результата и стремление достичь его посредством совершения нескольких преступных актов. В целеобразовании продолжаемого получения взятки можно выделить цели отдельных (каждого) эпизодов, и цель общую, которая выступает в качестве концентрированного выражения породившего ее инте-

реса и модели будущего результата. Следовательно, совершая отдельные акты, субъект претворяет в жизнь свой единый замысел в достижении заранее поставленной цели. Например, взятополучатель с самого начала ставит себе цель обогатиться на сумму большую, чем описана в диспозиции ч. 1 ст. 291.2, но это достигается посредством получения неоднократных и юридически тождественных мелких взяток.

Содержание единого умысла включает осознание лица, что оно: 1) совершает несколько последовательных действий с целью достижения определенного последствия; 2) своими действиями посягает на один объект, причиняет ему определенный ущерб и достигает определенного общественно опасного результата; 3) желает добиться результата путем последовательного совершения однородных (тождественных) действий, т.е. лицо сознает, что совершение каждого из деяний является средством достижения единого конечного результата, и желает таким путем его достигнуть [2, с. 74].

Так, создатель МММ- 94 С. Мавроди был осуждён за мошенничество в особо крупном размере, которая предусмотрена ч. 4 ст. 159 УК РФ. Его компания уверяла вкладчиков о возврате денежных средств с процентами, тем самым это позволяло компании АООТ «МММ» завладеть чужим имуществом путём обмана. Несмотря на то, что здесь потерпевших-вкладчиков было огромное количество и завладение имуществом происходило в несколько тысяч эпизодов, эти действия были расценены как несколько актов в едином продолжаемом преступлении, умысел которого охватывал особо крупный размер мошенничества, а не как совокупность преступлений. Содеянное действительно будет квалифицироваться, как единое продолжаемое преступление, несмотря на то, что вред причиняется нескольким потерпевшим и даже, несмотря на то, что каждому потерпевшему причиняется вред меньший, чем указан в ч. 4 ст. 159 УК РФ. Упор здесь делается на то, что особо крупный размер был охвачен умыслом субъекта и для достижения результата он совершает несколько различных по размеру мошеннических действий.

Подобные же правила квалификации можно применить к нескольким мелким взяткам, в совокупности образующих одно продолжаемое преступление. Несмотря на то, что размер взятки в каждом отдельном эпизоде соответствует мелкому размеру, необходимо давать оценку направленности умысла взяточника. Так, если умысел лица направлен на получение или дачу взятки в размере, превышающем 10 000 рублей, то не имеет значение, достиг ли он этого результата одним деянием или несколькими. Если не давать оценку направленности умысла и квалифицировать каждый эпизод самостоятельно, то этим создаются условия для снижения ответственности за содеянное.

С учетом изложенного выше, если неоднократные случаи мелкого взяточничества направлены на достижение единого преступного результа-

та и охватываются единой формой вины, содеянное следует квалифицировать, как единое продолжаемое преступление. Если же при неоднократных случаях мелкого взяточничества по каждому эпизоду противоправного поведения у виновного формируется самостоятельный умысел, содеянное квалифицируется по правилам о совокупности преступлений.

С введением ст. 291.2 в УК РФ возник вопрос, связанный с квалификацией получения и дачи взятки в размере, не превышающем 10 000 рублей, если наличествуют квалифицирующие обстоятельства, указанные в ст. 290 и 291 УК РФ.

Данная проблема не нашла своего однозначного решения в теории уголовного права. Однако, Верховный Суд РФ разъяснил, что, несмотря на квалифицирующие признаки (за заведомо незаконные действия, вымогательство взятки, группой лиц по предварительному сговору и т.д.) взятка в размере меньшем, чем 10 000 рублей, квалифицируется, как мелкая по ст. 291.2 УК РФ. Такой подход соответствует правилам квалификации преступлений, а именно при конкуренции норм, содержащих квалифицированный и привилегированный составы, применению подлежит последняя [3, с. 83]. Тем более, что условием применения ч. 1 ст. 291.2 не является отсутствие квалифицированных признаков ст. 290 и 291 УК РФ.

Однако, такой подход к конструкции уголовно-правовой нормы полностью игнорирует тот факт, что квалифицированные обстоятельства повышают общественную опасность получения и дачи взятки независимо от ее размера.

Например, получение взятки в сумме более 10 тыс. руб., но не более 1 млн руб., совершенное группой лиц по предварительному сговору, следует квалифицировать по п. «а» ч. 5 ст. 290 УК, предусматривающей наказание в виде лишения свободы от семи до двенадцати лет. Получение взятки группой лиц по предварительному сговору в размере не более 10 тыс. руб. - по ч. 1 ст. 291.2 УК с верхним пределом санкции, равным одному году лишения свободы. Тот факт, что, независимо от размера незаконного вознаграждения, группа лиц по предварительному сговору обладает большей общественной опасностью, причиняет больший вред интересам государственной службы, при такой квалификации не принимается во внимание. Далеко не очевиден (и, скорее всего, ошибочен) вывод об отсутствии повышенной степени общественной опасности получения мелкой взятки с вымогательством. Поскольку этим непосредственно причиняется вред материальным интересам вынужденного взяткодателя, т.е. преступному воздействию подвергается дополнительный объект – интересы собственности.

Поэтому продемонстрированная законодателем убежденность в приоритетности размера взятки перед квалифицированными признаками получения взятки, полностью игнорирует то, что общественная опасность не должна измеряться только в размере незаконного вознаграждения, она должна измеряться и характером действий (бездействия) по службе, со-

вершаемых за это вознаграждение, личностью взяточполучателей, их возможной группой и другими обстоятельствами. Ведь дифференциация в ст. 290 и 291 УК РФ по квалифицирующим признакам показывает, что эти обстоятельства могут влиять на общественную опасность деяния.

Итак, выделение ответственности за мелкое взяточничество будет оправдано, если все же законодатель обратит внимание на другие обстоятельства, которые повышают общественную опасность, за исключением размера незаконного вознаграждения.

По нашему мнению, стоит добавить квалифицированные составы в ст. 291.2. УК РФ.

Существует другая точка зрения, содержание которой выражается в том, чтобы при наличии квалифицирующих признаков (таких, как вымогательство, группа лиц по предварительному сговору и т.д.), вменять соответствующие части статей 290 и 291 УК РФ, не смотря на размер взятки. Данная позиция имеет право на жизнь, но как представляется нам, не все квалифицирующие признаки можно автоматически переквалифицировать на соответствующие части ст. 290 и 291 УК РФ. Например, вымогатель взятки, осознавая, что, несмотря на размер вымогаемой взятки, его действия при раскрытии факта взятки уже будут квалифицироваться по ч. 5 ст. 290 УК РФ, будет вымогать, как можно больше. Ведь размер взятки никак не повлияет на смягчение ответственности. Тем самым, мы будем стимулировать его вымогать больший размер взятки, тем самым в большем объеме нарушать законные интересы вынужденного взяточдателя. А если добавить квалифицированные составы в ст. 291.2. УК РФ, указанной проблемы не будет.

Норма, выраженная в ст. 291.2 УК РФ, объединяет в себе два состава преступления – получение и дача взятки, что, по нашему мнению, не совсем справедливо, с точки зрения соразмерности назначения наказания. Получение и дача взятки представляют собой самостоятельные составы, которые кардинально отличаются и действиями, которые совершает субъект, и содержанием умысла, и теми лицами, которые совершают эти преступления. Получение взятки имеет большую общественную опасность, чем дача взятки. Это подтверждается тем, что санкция в ст. 290 УК выше, чем в ст. 291 УК. Данная особенность прослеживалась в течении многих лет. Так, в нормах УК РСФСР 1922 г., УК РСФСР 1926 г. и УК РСФСР 1960 г. за получение взятки предусматривались более строгие санкции, чем за дачу взятки. Поэтому не совсем понятны причины, побудившие законодателя совместить два самостоятельных состава в одну диспозицию и установить единую санкцию. В связи с этим, предлагается несколько вариантов решения указанной проблемы:

1. Разделить дачу и получение взятки в размере, не превышающем десяти тысяч рублей по разным частям статьи 291.2 УК РФ с дифференци-

рованной санкцией. Так, дача мелкой взятки будет квалифицироваться по ч.1, а получение взятки – по ч. 2.

2. Убрать получение взятки из диспозиции ст. 291.2 УК РФ, т.е. не смягчать ответственность за получение взятки, даже если размер не превышает десяти тысяч рублей. Появление этого варианта обусловлено тем, что степень общественной опасности получения взятки зависит не столько от размера взятки, сколько из обусловленности взяткой или ее обещанием деятельности должностного лица и наступивших последствий. Например, необоснованный и незаконный отказ в возбуждении уголовного дела не обладает меньшей общественной опасностью в случае, если следователь получил за данное действие взятку в размере не 200 тыс. руб., а 2 тыс. руб. Поэтому, по мнению некоторых ученых, выделение в УК РФ состава получения взятки в размере, не превышающем 10 тыс. руб., необоснованно, поспешно, и не способствует борьбе с коррупцией в Российской Федерации. Тем более что российское уголовное законодательство и так располагает широким набором средств, обеспечивающих обвиняемым по ст. 290 УК РФ возможность получить освобождение от уголовной ответственности, а осужденным рассчитывать на привилегии при назначении наказания вплоть до освобождения от него [4, с. 96].

То, что законодатель все – таки выделил получение мелкой взятки в привилегированный состав, показывает, что в ближайшее время получение мелкой взятки не будет ликвидировано из диспозиции ст. 291.2. Поэтому наиболее возможным вариантов представляется первый с дифференциацией по частям самостоятельных составов получения и дачи взятки.

Список литературы и источников

1. Семернёва Н. К. Правила квалификации (части общая и особенная): научно-практическое пособие / Н. К. Семернёва. М.: Проспект, 2014. 309 с.
2. Белокуров О. В. Проблемы квалификации хищения вверенного имущества: монография / О. И. Белокуров. М.: Юрист, 2003. 117 с.
3. Иногамова-Хегай Л.В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм: монография. / Л.В. Иногамова-Хегай. М.: Норма, 2015. 287 с.
4. Чуклина Э. Ю. Выделение уголовной ответственности за мелкое взяточничество (ст. 291.2 УК РФ): критический взгляд // Экономика, социология и право. 2016. №10. С. 95-100.
5. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 N 24 // Бюл. Верховного Суда РФ. 2013. N 9 С. 3563.
6. Приговор Советского районного суда от 22 июля 2016 г. по делу N 1-142/2016 // Гарант: справочная правовая система.

Посредничество во взяточничестве: вопросы квалификации

Федеральным законом от 4 мая 2011 г. N 97-ФЗ "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции" в УК РФ была введена статья, предусматривающая уголовную ответственность за посредничество во взяточничестве – статья 291.1 УК РФ. Данная статья, казалось бы, ясно сформулирована и понятна. Однако, существуют некоторые сложности привлечения к уголовной ответственности, а также круг проблем практического применения данной статьи.

В соответствии с данной статьей объективную сторону данного преступления могут составлять следующие деяния: а) непосредственная передача взятки по поручению взяткодателя или взяточполучателя; б) иное способствование взяткодателю и (или) взяточполучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки. Важно, что неотъемлемым признаком объективной стороны вышеуказанного состава преступления является значительный размер взятки – об этом прямо указано в данной статье. Соответственно, при отсутствии такого обязательного признака не будет образовываться состав преступления. В соответствии с примечанием к ст. 290 УК РФ значительным размером взятки признаются сумма денег, стоимость ценных бумаг, иного имущества, услуг имущественного характера, иных имущественных прав, превышающие 25 тысяч рублей.

Следуя смыслу закона ясно, что посредничество во взяточничестве не формирует состава преступления в том случае, когда размер взятки не превышает 25 тысяч рублей, а значит, такое деяние не является уголовно наказуемым. Однако практика в квалификации таких деяний расходится.

Не смотря на то, что посредничество во взяточничестве как преступление оформилось в целую статью и конкретный состав, оно одновременно частично декриминализировалось. Как отмечает О. Капинус, вместо усиления уголовно правового противодействия коррупции происходит ее существенное ослабление: правоприменитель станет считать непроступными действия, которые до внесения обсуждаемых изменений в Уголовный кодекс уголовную ответственность влекли [1]. То есть, если раньше действия посредника во взяточничестве (ее дачи или получении) квалифицировались по правилам соучастия, а размер взятки не имел значения для уголовно-правовой характеристики деяния, то после появления описываемой статьи действия посредника являются уголовно наказуемыми только в том случае, если размер взятки является значительным – превышает 25 тысяч рублей (в соответствии с примечанием к статье 290 УК РФ).

Мнения ученых на этот счет диаметрально разнятся. Д. Гарбатович считает, что при недостижении значительного размера взятки посредник во взяточничестве не может быть привлечен к уголовной ответственности по ст. 291.1 УК РФ в силу отсутствия состава преступления, что, при этом, не исключает возможности квалификации его действий как соучастия в получении или даче взятки (по ч. 5 ст. 33 и ст. 290 или 291 УК РФ) [2].

Иной взгляд имеют Т. И. Розовская и Д. В. Пешков, которые полагают, что наступление уголовной ответственности за посредничество в форме способствования взяточдателю и (или) взяточполучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки законодатель ставит в зависимость от размера взятки. Непосредственная же передача взятки наказуема в уголовно правовом смысле независимо от ее суммы [3].

Среди других ученых есть также немало тех, кто придерживается мнения о том, что посредничество во взяточничестве является уголовно наказуемым только тогда, когда взятка превышает 25 тысяч рублей, а в случае, когда размер взятки меньше вышеуказанной суммы – состав отсутствует.

Становится очевидным, что большинство ученых, стремятся истолковать применение уголовного закона об ответственности посредничество во взяточничестве таким образом, что даже при отсутствии такого признака, как значительный размер, уголовная ответственность не может быть исключена ни при каких обстоятельствах независимо от суммы взятки. Это в значительной мере, конечно, обусловлено реализуемой государством антикоррупционной политики, направленной, в том числе, на ужесточение ответственности за коррупционные преступления и преступления коррупционной направленности.

В данной связи необходимо проанализировать судебную практику по таким делам, чтобы понять, по какому пути идут суды и органы следствия. Различные точки зрения обуславливают то, что судами по схожим, а иногда и практически полностью аналогичным делам выносятся абсолютно разные приговоры, причем одни из них – обвинительные, а другие оправдательные. Как показало исследование, вышеупомянутые мнения ученых о действиях посредника во взяточничестве и их многообразии очень негативно сказывается на правоприменительной практике.

Например, Барабинским районным судом 10 июня 2013 года был вынесен обвинительный приговор в отношении К., которая была признана виновной и осуждена за посредничество во взяточничестве по ч. 2 ст. 291.1 УК РФ. У Д., не желавшей быть привлеченной к ответственности за отсутствие необходимой документации на реализуемую ей продукцию, возник преступный умысел, направленный на дачу взятки должностному лицу А., за совершение ею заведомо незаконного бездействия, а именно: за укрывательство совершенного Д. правонарушения. С этой целью Д. предложила

К. передать в качестве посредника взятку в сумме 10000 рублей. К. согласилась и передала должностному лицу А. 10000 руб. в качестве взятки за совершение заведомо незаконного бездействия, а именно: за укрывательство совершенного Д. правонарушения [4].

Совершенно другую уголовно-правовую оценку аналогичным действиям лица, выступившего посредником во взяточничестве, дал Ростовский областной суд, оправдав Б., который получил от своего знакомого С. 10 000 рублей для последующей передачи их судебному приставу-исполнителю М., для того, чтобы последняя не исполняла решение суда о взыскании задолженности по алиментам с С. В данном случае суд обосновал такое решение тем, что в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 302 УПК РФ в деянии подсудимого отсутствует состав преступления, а также что при квалификации действий субъекта преступления по статье 291.1 УК РФ обязательным признаком является значительный размер взятки, который в данном случае не имел места быть [5].

Как видно из двух вышеописанных примеров, решения судов по аналогичным делам являются абсолютно противоположными, а значит практика в одинаковых случаях идет различными путями.

Некоторые авторы предлагают квалифицировать действия посредника, в случае отсутствия признака значительного размера, по ч. 5 ст.33 и по одной из частей ст. 290 УК РФ. Однако, анализ решений Верховного суда Российской Федерации показал нам, что такая квалификация невозможна. В своих решениях Верховный Суд отмечает, что посредничество образует состав преступления только при наличии обязательного признака, который указан в диспозиции статьи 290.1 – значительного размера взятки. Так, например, в своем кассационном определении он отменил приговор в отношении Т., который был осужден за совершение преступления, предусмотренного ч.1, ст. 291.1 УК РФ. Такое решение Верховный Суд обосновал тем, что сумма взятки не превышала 25 тысяч рублей, а в связи с этим действия Т. не образуют состава преступления, поэтому приговор в отношении его в этой части подлежит отмене, а уголовное дело - прекращению за отсутствием в его действиях состава преступления. Кроме того, Верховный Суд также указывает, что неприемлема квалификация по ч. 5 ст.33 и ст. 290, если речь идет о посредничестве во взяточничестве, т.к. преступление, предусмотренное данной статьей является более тяжким, чем посредничество во взяточничестве, предусмотренное статьей 291.1 [6].

Помимо вышеописанной проблемы, существует также еще одна, касающаяся части 5 статьи 291.1 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за обещание или предложение посредничества во взяточничестве. В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9.07.2013 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», обещание или предложение передать незаконное вознаграждение за совершение действий

(бездействие) по службе необходимо рассматривать как умышленное создание условий для совершения соответствующих коррупционных преступлений в случае, когда высказанное лицом намерение передать взятку было направлено на доведение его до сведения других лиц в целях дачи им либо получения от них ценностей, а также в случае достижения договоренности между указанными лицами [7]. Введение такой нормы обусловлено проведением усиленной антикоррупционной политики и ужесточением системы наказаний за коррупционные преступления. Однако, по моему мнению, более целесообразным было бы вносить ее не в качестве квалифицированного состава посредничества, а в качестве самостоятельной нормы – то есть в виде отдельного состава. Тем не менее, реальных приговоров по ч.5 ст. 291.1 нет. Что касается оперативной работы, то уголовные дела возбуждаются по ч. 5 ст. 291.1 только в том случае, если сотрудниками правоохранительных органов в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий, кроме обещания или предложения, будет установлен и факт передачи взяткодателем денежных средств посреднику. Так, была осуждена за обещание посредничества во взяточничестве К., которая сообщила И. о том, что она обладает возможностью за взятку должностным лицам ГИБДД произвести выдачу государственных регистрационных знаков с одинаковыми цифровыми обозначениями, начинающимися с двух нулей, и предложила ему посредничество во взяточничестве. Через несколько дней К., в соответствии с ранее достигнутой с И. договоренностью, в ходе проведения сотрудниками МВД оперативно-розыскных мероприятий на территории ГИБДД получила от него денежные средства в сумме 41 тыс. руб. для дальнейшей их передачи должностным лицам [8]. Это говорит о том, что лицо может подлежать ответственности за обещание или предложение посредничества во взяточничестве только если выполняет также и объективную сторону самого посредничества во взяточничестве. Данное утверждение объясняется труднодоказуемостью факта высказывания обещания и предложения.

В данной связи можно выделить несколько предполагаемых необходимых изменений, которые следовало бы внести в статью 291.1 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Во-первых, целесообразным видится исключение из диспозиции части 1 статьи 291.1 прямого указания на размер взятки. Такое изменение стало бы ужесточением данной нормы и, в какой-то мере, оно было бы направлено на борьбу с коррупцией в рамках государственной антикоррупционной политикой. Во-вторых, необходимо также внесение изменений в ч.5 ст.291.1 УК РФ в виде уточнения диспозиции данной нормы, исключить размытость границ данного состава. В таком виде, в каком норма находится на сегодняшний день, она является сложнодоказуемой на практике. В настоящее время данная норма предусматривает ответственность

по факту даже за обнаружение умысла на приготовление к посредничеству во взяточничестве.

Предложенные решения, полагаем, окажут благоприятное воздействие на противодействие коррупционным преступлениям, а также на реализацию государственной политики по борьбе с коррупцией в целом.

Список литературы и источников

1. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 года «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях».

2. Уголовный кодекс Российской Федерации: по состоянию на 30 марта 2017 г. М., Кнорус, 2017. 259 с.

3. Волколупова В. А., Сенцов А. С. Вопросы квалификации дачи взятки и посредничества во взяточничестве, возникающие в современной правоприменительной практике / В. А. Волколупова, А. С. Сенцов // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. № 1. С. 180–88.

4. Гаджиева А. А., Омаров А. А. К вопросу о криминализации ответственности за посредничество во взяточничестве / А. А. Гаджиева, А. А. Омаров // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 5. С. 160–164.

5. Гарбатович Д. Посредничество во взяточничестве: преобразованный вид пособничества / Д. Гарбатович // Уголовное право. 2011. № 5. С. 2–8.

6. Егорова Н. А. «Острые углы» проекта постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации о коррупционных преступлениях / Н. А. Егорова // Уголовное право. 2013. № 5. С. 64–67.

7. Изосимов С. В. Уголовно-правовые средства противодействия коррупции и взяточничеству: современное состояние и проблемы совершенствования / С. В. Изосимов // Юридическая техника. 2012. № 6. 230 с.

8. Капинус О. Изменения в законодательстве о должностных преступлениях: вопросы квалификации и освобождения взяткодателя от ответственности / О. Капинус // Уголовное право. 2011. № 2. С. 21–26.

9. Моисеенко М. И. Актуальные вопросы уголовной ответственности за посредничество во взяточничестве / М. И. Моисеенко // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. № 4. С. 45–55.

10. Розовская Т. И., Пешков Д. В. Обещание или предложение посредничества во взяточничестве: вопросы правоприменения / Т. И. Розовская, Д. В. Пешков // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2012. № 3. С. 90–97.

11. Фоминых С. М. Проблемы законодательной конструкции ст. 291.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (посредничество во взяточничестве) / С. М. Фоминых // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 3. С. 118–121.

12. Яни П. С. Физическое посредничество во взяточничестве / П. С. Яни // Законность. 2014. №11. С. 41–45.

К вопросу об отграничении взяточничества от мошенничества

На протяжении многих столетий борьба с коррупцией является одной из самых острых проблем не только в Российской Федерации, но и на международном уровне.

Опасность данного явления заключается в том, что коррупция «проникает» во все государственные структуры и способствует расшатыванию власти, формируя в общественном сознании недоверие к государственным органам и подрывая авторитет государственной власти. Взятничество является одной из форм проявления коррупционного поведения.

Квалификация взяточничества как мошенничества значительно снижает размер возможного наказания, а кроме того, исключает применение крупных штрафов, установленных специально для борьбы с коррупционными преступлениями и возможность применения конфискации денег, ценностей и иного имущества, полученных в результате совершения преступления.

Считается, что получение должностным лицом денег или других материальных ценностей якобы за совершение действия (бездействия), которое оно не может осуществить из-за отсутствия служебных полномочий или невозможности использовать свое служебное положение, при наличии умысла на приобретение ценностей, следует квалифицировать как мошенничество с использованием служебного положения по ч.3 ст. 159 УК РФ. Иными словами, об обмане предлагается судить не столько по факту введения лица в заблуждение, сколько по содержанию должностных инструкций, по наличию в них полномочий, необходимых для достижения нужного взятодателю результата [1, С. 35].

Однако подмена понятий – «взяточничество» и «мошенничество», вполне обоснованно производимая правоприменителями по ныне действующему уголовному закону, не осталась незамеченной как в кругах юридической общественности, так и в обществе в целом. Представители средств массовой информации все чаще обращают внимание на то, что «вместо взятки получилось мошенничество» [2].

Следует согласиться с профессором Д.А. Корецким [3, С. 31.], который выделяет следующие способы переквалификации взяточничества на мошенничество:

1. Преступными злоупотреблениями вышестоящего начальства, оформляющего задним числом увольнение взятополучателя и тем самым переводящего его из категории должностных лиц в обычного мошенника. Так, СКР возбудил уголовное дело в отношении руководителя Федерального агентства по рыболовству Андрея Крайнего, который уволил задним числом попавшегося на взятке руководителя Северо-Западного территориального управления ведомства Сергея Муравьева [4].

2. Чаще действующие чиновники, находящиеся при должностях и облеченные властью, вдруг признаются не имеющими должностных полномочий, позволяющих квалифицировать их действия как получение взятки [5, С. 31].

Анализ судебной практики показывает, что такие решения противоречат основам уголовно-правовой теории и разъяснениям Верховного суда Российской Федерации.

Приведем пример. Ленинский районный суд г. Пензы признал виновными в совершении преступления С., О., Х. в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 159 УК, со следующей мотивировкой: «Находясь при исполнении своих должностных обязанностей, осуществляя проверочные мероприятия в порядке ст. ст. 144-145 УПК РФ по заявлению несовершеннолетней Д. о совершении в отношении нее И. изнасилования, то есть преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 131 УК РФ, поступившего в тот же день в ОП. Проведение проверки по которому начальником ОП было письменно поручено С., И. доставили в кабинет ОП для дачи объяснений. Д. указала на него как на лицо, совершившее в отношении нее вышеуказанное преступление.

Около 15 часов того же дня О., находясь в кабинете, узнав о намерении И. передать денежные средства Д., умышленно, с целью совершения мошенничества, то есть хищения чужого имущества путем обмана, предложил И. передать денежные средства ему, С. и Х., убедив И. в том, что принятие решения об отказе возбуждении в отношении него уголовного дела по заявлению Д. полностью зависит от них, тем самым ввел его в заблуждение и добился согласия И. на передачу денежных средств за непривлечение его к уголовной ответственности по заявлению Д.

После чего О., находясь в помещении отдела полиции, примерно в 15 часов, умышленно из корыстных побуждений, с целью хищения денежных средств путем обмана, вступил в сговор с С., разработав с ним совместный преступный план, согласно которому С. должен был потребовать у И. денежные средства в размере 50 000 рублей за непривлечение его к уголовной ответственности по заявлению Д. о совершении в отношении нее изнасилования. С., находясь в помещении отдела полиции, продолжая реализовывать совместный преступный умысел, направленный на совершение мошенничества, действуя группой лиц по предварительному сговору совместно и согласованно с Х. и О., с использованием своего служебного положения, согласно отведенной ему роли в совершении преступления, получил от И. денежные средства в размере 50 000 рублей за решение вопроса о непривлечении его к уголовной ответственности по заявлению Д. о совершении им в отношении нее изнасилования.

Непосредственно после этого, С., О. и Х. были задержаны сотрудниками органов УФСБ» [6].

В данном случае такая оценка суда представляется неверной. Приговор суда основан на предполагаемой субъективной оценке виновными своих деяний. При этом игнорируется то обстоятельство, что внешнюю сторону их действий потерпевший воспринимал как требование должност-

ного лица, следующее из его служебных полномочий. Использованный виновными обман касался юридических вопросов, в которых потерпевший заведомо не мог разобраться и которые для него являлись не главными. Умысел виновных был направлен не на обман потерпевшего в частных юридических вопросах, а на использование своего служебного положения для вымогательства с него взятки. Следовательно, действия виновных подлежали квалификации по п. «б» ч. 5 ст. 290 УК РФ.

Таким образом, во избежание неоднозначной уголовно-правовой оценки вопросов разграничения взяточничества и мошенничества, на сегодняшний день стала очевидна необходимость разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации по этим вопросам.

Список литературы и источников

1. Бочкарев С. А., Радченко О. В. И все-таки: мошенничество или взяточничество? // Законность. 2013. № 1. С. 33-38.
2. Не пойман – не взял // Российская газета. URL: <http://www.rg.ru/2010/10/15/korruptsiya.html>, Взятки гладки // Российская газета. URL: <http://www.rg.ru/2012/05/04/vzyatki.html> (дата обращения 19.02.2017).
3. Корецкий Д. А, Куринова Я. И. Почему взяточники и расхитители превращаются в мошенников? // Законность. 2013. № 5. С. 30-34.
4. Андрею Крайнему напомнили заднее число // Коммерсант.ru. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2129520> (дата обращения 19.02.2017).
5. Корецкий Д. А, Куринова Я. И. Почему взяточники и расхитители превращаются в мошенников? // Законность. 2013. № 5. С. 30-34.
6. Приговор ленинского районного суда г. Пензы от 17 июля 2012 года по делу № 1-92/12 // Росправосудие. URL: <https://rospravosudie.com/court-leninskij-rajonnyj-sud-g-penzy-penzenskaya-oblast-s/act-105986661/> (дата обращения: 19.02.2017).

О.Ю. Романова (г. Иркутск)

Критерии отграничения провокации взятки либо коммерческого подкупа от смежных составов

Правильная квалификация преступлений – важнейшая предпосылка обеспечения законности в процессе расследования уголовных дел и рассмотрения их в суде. Дать правильную уголовно-правовую оценку содеянному – значит выявить признаки, свойственные исключительно совершенному деянию, отграничить от смежных составов преступления.

Провокацию взятки либо коммерческого подкупа следует отличать от провокационно-подстрекательских действий сотрудников правоохранительных органов, смежных составов преступления, предусмотренных

ст. 204 УК РФ и ст. 290 УК РФ, ст. 285 УК РФ и ст. 286 УК РФ, а также ст. 299 УК РФ, ст. 303 УК РФ, ст. 306 УК РФ.

В действующем постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» отмечается, что «от преступления, предусмотренного ст. 304 УК РФ, следует ограничивать подстрекательские действия сотрудников правоохранительных органов, спровоцировавших должностное лицо или лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, на принятие взятки или предмета коммерческого подкупа».

Указанные провокационно-подстрекательские действия совершаются в нарушение требований статьи 5 Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» и состоят в передаче взятки или предмета коммерческого подкупа с согласия или по предложению должностного лица либо лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, когда такое согласие либо предложение было получено в результате склонения этих лиц к получению ценностей при обстоятельствах, свидетельствующих о том, что без вмешательства сотрудников правоохранительных органов умысел на их получение не возник бы и преступление не было бы совершено.

Таким образом, провокация в оперативно-розыском смысле – это провокационно-подстрекательские действия сотрудников правоохранительных органов, спровоцировавших должностное лицо или лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, на принятие взятки или предмета коммерческого подкупа.

Юридическая природа провокации преступления (в оперативно-розыском смысле), в том числе провокации взятки либо коммерческого подкупа (уголовно-правовой аспект), не детерминируется такой разновидностью соучастия, как подстрекательство, а обладает собственными следующими характеристиками: 1) провокация вызвана намерением субъекта обеспечить одностороннее проявление искомой (желательной) модели поведения со стороны провоцируемого лица, имеющей лишь внешние признаки преступного деяния; 2) провокационное поведение осуществляется в порядке односторонней умышленной деятельности со стороны виновного лица, не охватываемой сознанием провоцируемого; 3) провокатор предполагает использовать спровоцированное «криминальное» деяние лица не в целях достижения совместного преступного результата, а в целях дискредитации либо создания искусственных доказательств обвинения; 4) цель действий провокатора - наступление вредных последствий для провоцируемого; 5) наличие у провокатора только прямого умысла, причем этот умысел должен быть направлен не на вид и последствия совершенного вовлеченным преступления, а на сам факт его совершения [1, С. 41].

Однако стоит отметить, что лица, способствовавшие провокаторам (по преступлениям ст. 304 УК РФ), подлежат уголовной ответственности за совершенное ими преступление по общим правилам о соучастии (ст. 33 и ст. 304 УК РФ) при условии единого умысла на совершение действий, описанных в ст. 304 УК РФ у исполнителя и организатора.

Провокация взятки либо коммерческого подкупа внешне похожа на получение взятки (коммерческого подкупа), предусматривающие ответственность по ст. 290 УК РФ и ст. 204 УК РФ. Как отмечает С.Н. Радачинский, лишь субъективная сторона провокации взятки отличает это преступление от деятельности обычного взяткодателя. Именно этот элемент состава преступления в большинстве случаев почти неуловим, ибо нет никаких объективных признаков, позволяющих установить наличие специальной цели, если сам виновный не успеет ее реализовать. В то время, как целью взяткодателя является обеспечение выполнения должностным лицом тех или иных действий (бездействия) в его пользу путем передачи такому лицу незаконного вознаграждения, единственной целью провокатора является изобличение лица, спровоцированного на взятку [1, С. 155]. Вместе с тем, передача предмета «взятки» («коммерческого подкупа») осуществляется без ведома либо вопреки желанию должностного лица, в условиях полной неосведомленности лица о совершаемых в отношении него действиях, что в свою очередь свидетельствует не об открытых действиях сотрудника правоохранительных органов, как при получении взятки, а о тайности таковых. Ввиду изложенного представляется, что ст. 304 УК РФ следует отграничивать от ст. 290 УК РФ (ст. 204 УК РФ) не только по субъективной стороне, но и объективной стороне состава преступления.

Также в практической деятельности встречаются проблемы при разграничении преступлений, предусмотренных ст. 304 УК РФ от преступлений по ст. 285 УК РФ, которая предусматривает такой состав, как злоупотребление должностными полномочиями и преступлений по ст. 286 УК РФ, предусматривающей ответственность за превышение должностных полномочий.

Во-первых, видовым объектом ст. 304 УК РФ являются отношения, возникающие в ходе деятельности суда при осуществлении правосудия, правоохранительных органов, граждан, обеспечивающих соблюдение интересов правосудия посредством реализации его целей и задач и выполнения судебных актов, а видовым объектом ст. 285 УК РФ и ст. 286 УК РФ совокупность общественных отношений по охране интересов государственной службы, нормальной деятельности государственных и муниципальных учреждений.

Во-вторых, субъект преступления по ст. 304 УК РФ общий, вместе с тем, по преступлениям ст. ст. 285, 286 УК РФ субъект только специальный, поскольку является должностным лицом. В-третьих, ответственность по ст. 285 УК РФ наступает за совершение таких деяний, которые хотя и были

непосредственно связаны с осуществлением должностным лицом своих прав и обязанностей, однако не вызывались служебной необходимостью и объективно противоречили как общим задачам и требованиям, предъявляемым к государственному аппарату и аппарату органов местного самоуправления, так и тем целям и задачам, для достижения которых должностное лицо было наделено соответствующими должностными полномочиями [2], однако случаи подбрасывания в сумку или на рабочий стол должностного лица предмета «взятки» не подпадает под «злоупотребление полномочий», поскольку такие действия никто и ни при каких обстоятельствах не вправе совершать [2], что имеет квалификацию по ст. 286 УК РФ. При таких обстоятельствах, с учетом требований ст. 17 УК РФ о конкуренции норм, ст. 304 УК РФ будет являться специальной по отношению к ст. 286 УК РФ, в связи с чем такие действия будут квалифицироваться по ст. 304 УК РФ.

Однако наряду с этим, существуют сложности при отграничении провокации взятки либо коммерческого подкупа от преступлений, предусмотренных ст. 306 (заведомо ложный донос) и ст. 128.1 УК РФ (клевета).

Ученые и практики едины в суждениях о том, что заведомо ложный донос – умышленное искажение, неправильная информация как о событии преступления, так и о совершивших его лицах [3]. При провокации взятки либо коммерческого подкупа лицо не просто сообщает (может сообщить) сведения о совершенном другим лицом преступлении, необходимым условием является также «подстраивание» условий и обстоятельств, внешне свидетельствовавших о совершении преступления. Вместе с тем, при заведомо ложном доносе по ст. 306 УК РФ лицом искажается информация.

Так, приговором городского суда [3] Н. осужден по ч. 2 ст. 306 УК РФ за заведомо ложный донос, соединенный с обвинением старшего следователя по особо важным делам П. в совершении особо тяжкого преступления – получения взятки в размере 10 000 долларов США. В объяснении на имя прокурора Н. сообщил, на основании каких данных он пришел к выводу о том, что следователю П. была передана взятка, назвал конкретных лиц, от которых ему стало известно об этом. Допрошенные по делу свидетели подтвердили, что действительно в присутствии Н. велись разговоры о том, что следователь П., в производстве которого находилось уголовное дело в отношении Л. и С, намерен освободить обвиняемых из-под стражи и прекратить уголовное дело, называлась конкретная денежная сумма в долларах США.

Отменяя приговор в отношении Н. и прекращая дело за отсутствием в его действиях состава преступления, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации в кассационном определении указала, что приведенные в приговоре доказательства подтверждают, что П. взятки не получал. Содержащиеся в заявлении и объяснении Н. сведения о получении взятки следователем действительно являются ложными.

Однако материалы дела свидетельствуют о том, что Н. заведомо не знал о ложности своего сообщения. С учетом сведений, сообщенных другими лицами, и услышанных разговоров Н. мог заблуждаться относительно достоверности сведений о передаче взятки следователю П.

Более того, законодателем установлена уголовная ответственность за заведомо ложный донос для лица, достигшего возраста шестнадцати лет, т.е. для общего субъекта преступления. На это также указывает отсутствие в санкции статьи такого вида уголовного наказания, который предусматривает совершение преступления специальным субъектом (должность, процессуальное положение). Вместе тем, применительно к ст. 304 УК РФ такой вид наказания предусмотрен законодателем.

При отграничении клеветы от провокации взятки либо коммерческого подкупа следует иметь в виду, что клевета, соединенная с обвинением в совершении преступления, отличается тем, что при провокации умысел лица направлен на привлечение потерпевшего к уголовной ответственности, шантаж, а при клевете – на унижение его чести и достоинства.

В научной литературе также существует точка зрения, согласно которой ст. 303 УК РФ полностью отвечает требованиям объективной стороны ст. 304 УК РФ. В частности, А.В. Шевелев утверждает о необходимости ликвидации ст. 304 УК РФ «Провокация взятки», полагая, что вполне достаточно уголовной ответственности за фальсификацию доказательств [4, С. 9].

Однако реализация данного предложения сомнительна, поскольку ст. 303 УК РФ не располагает необходимыми правовыми средствами для квалификации уголовно наказуемых деяний, предусмотренных ст. 304 УК РФ. Во-первых, ст. 304 УК РФ по отношению к ст. 303 УК РФ является специальной. Во-вторых, ст. 303 УК РФ не претендует на универсальность поскольку субъект данного состава преступления только специальный, субъект преступления по ст. 304 УК РФ – общий. В-третьих, фальсификация результатов оперативно-розыскной деятельности (ч. 4 ст. 303 УК РФ) направлена на создание сведений (не условий и внешних обстоятельств, а именно информации), способных послужить основанием для уголовного преследования в отношении потерпевшего либо причинить вред его чести, достоинству и деловой репутации. Кроме того, ст. 304 УК РФ, в отличие от ст. 303 УК РФ, криминализует действия, не только направленные на искусственное создание доказательств совершения преступления, но и осуществляемые в целях шантажа [5, С. 40].

Таким образом, «провокация взятки», при её совершении оперативными сотрудниками правоохранительных органов или по их заданию конфидентами правоохранительных органов, фактически может выступать одним из этапов составного способа фальсификации результатов ОРД. Попытка передачи денег формирует видимость совершения преступления, т. е. недостоверную основу осуществления ОРМ. В данном случае фальсификация результатов ОРД происходит путем умышленного внесения недо-

стоверных сведений в оперативно-служебные материалы для дальнейшего возможного использования для незаконного уголовного преследования лица путем передачи результатов ОРД следователю или в суд для использования в качестве доказательств. [6, С. 38]. С учетом данных обстоятельств необходима квалификация по совокупности преступлений по ч. 4 ст. 303 и ст. 304 УК РФ.

Интересным представляется вопрос о разграничении ст. 304 УК РФ от ст. 299 УК РФ. Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности или незаконное возбуждение уголовного дела представляет собой умышленные действия следователя, дознавателя и иных лиц, наделенных правом возбуждения уголовного дела, вынесением постановления о привлечении его в качестве обвиняемого, обвинительного акта, составление обвинительного постановления для привлечения к уголовной ответственности, возбуждения в отношении конкретного лица уголовного дела в целях воспрепятствования предпринимательской деятельности за преступление, которого он не совершал: деяние, не содержащее признаков состава преступления, при очевидной непричастности лица к данному преступлению, или когда совершено иное преступление, а не то, за которое оно привлекается к уголовной ответственности.

Например, З. признан виновным в том, что работая старшим дознавателем отдела дознания ОВД Тимирязевского района города Москвы, в сентябре 2007 года превысил должностные полномочия, незаконно освободил от уголовной ответственности С., задержанного с наркотическим средством "марихуана" и подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного ст. 228 ч. 1 УК РФ, вместо него незаконно привлек к уголовной ответственности заведомо невиновного Г. по предварительной договоренности с неустановленными лицами и С., которые ранее склонили Г. к даче заведомо ложных показаний о совершении им преступления, совершенного в действительности С., в результате чего Г. был осужден [7].

Таким образом, в случае привлечения к уголовной ответственности должностного лица, спровоцировавшего событие преступления (совершение деяния, запрещенного ст. 304 УК РФ), отсутствует само событие преступления, отсутствие вины потерпевшего в таком случае презюмируется, вместе с тем, объективная сторона ст. 299 УК РФ не предполагает совершения таких действий, которые описаны в ст. 304 УК РФ.

Правильное установление всех признаков, свойственных совершенному деянию и правильное их сопоставление с признаками, отраженными в диспозиции статьи, имеет большое значение для отграничения ст. 304 УК РФ не только от смежных составов, но и других деяний, запрещенных действующим законодательством РФ, что позволяет избегать ошибок в процессе квалификации, а также при решении вопросов уголовной ответственности, применения наказания и осуществления правосудия.

Список литературы и источников

1. Радачинский С. Н. Провокация преступления как комплексный институт уголовного права: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород. 2011. 367 с.
2. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 № 19 // Российская газета. 2009. № 207.
3. Фаргиев И. Заведомо ложный донос (актуальные вопросы судебной практики). URL: http://odesskcourt.oms.sudrf.ru/modules.php?id=77&name=docum_sud (03.04.2017).
4. Шевелев А.В. Доказывание по уголовным делам о взяточничестве: теоретико-прикладной аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород. 2007. 30 с.
5. Домашенко Н.А. Совершенствование борьбы с провокацией взятки или коммерческого подкупа в свете современных тенденций антикоррупционной политики // Юрист - Правоведь. 2009. № 4. С. 39-42.
6. Пархоменко С. В. Фальсификация результатов оперативно-розыскной деятельности: учебное пособие / С. В. Пархоменко, А. А. Радченко. – Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. 2016. 71 с.
7. Кассационное определение Верховного суда Российской Федерации от 18 сентября 2008 г. № 5-о08-167. URL: http://sudbiblioteka.ru/vs/text_big2/verhsud_big_40470.htm (03.04.2017).

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Л.И. Беляева (г. Москва)

Н.А. Стручков об уголовной политике

Замечено, что каждый новый исследователь, обращаясь к проблемам уголовной политики, начитает с формирования понятия уголовной политики. Этих понятий уже не счесть. Однако нельзя сказать, что они расширяют объем знаний в этой области. Напротив, создается впечатление «хождения по кругу». Почему это происходит? На мой взгляд, есть два важных обстоятельства, которые приводят к этому. Во-первых, не все исследователи учитывают, что в период формирования такой области знаний как уголовная политика, вопросу о ее понятии уделяли много внимания такие исследователи как Н.А. Беляев, С.В. Бородин, В.А. Владимиров, А.А. Герцензон, П.Ф. Гришанин, Н.Н. Загородников, В.Н. Кудрявцев, Ю.И. Ляпунов, Г.М. Миньковский, Н.А. Стучков и другие.

Наиболее последовательным, основательным и продуктивным в этом был Н.А. Стручков, который в отличие от других воспринимал и рассматривал политику, и уголовную политику в том числе, не как данность, а как форму существования государства, со всем ее многочисленными и разнообразными видами, проявлениями, зависимостями. Но это, что называется, особенности исследований. А в целом в указанный период сформировался общий подход к пониманию сути уголовной политики, и ее понятие было дано. Игнорирование этого обстоятельства приводит к «топтанию на месте» и создает иллюзию относительно вклада в науку, ее развития и новизны исследований. На самом же деле движения вперед нет.

Известно же, что развитие возможно только тогда, когда есть прочная «корневая система», питающая поиск и дающая силу новым идеям.

Во-вторых, для изучения вопросов, связанных с уголовной политикой, необходимым условием являются основательные познания в области теории государства и права. В противном случае сущность уголовной политики, ее место и роль в жизни государства и общества, связь общественного (как общего) и профессионального правосознания с правотворчеством и правоприменением плохо улавливаются и осознаются, что ведет исследователя к потере масштабности и неизбежности «сползания» к частностям, которые не дают целостного представления об истоках, содержании, закономерностях развития уголовной политики.

Именно глубина и системность общетеоретических знаний Н.А. Стручкова позволили ему «сложить целостную картину» такого соци-

ально значимого института, как уголовная политика и дать ему научное объяснение.

Понятие уголовной политики, сформулированное Н.А. Стручковым проистекает из общетеоретических положений о государстве и праве. Автор показывает место политики в надстройке над экономическим базисом, соотношение политики и права, связь социальной и уголовной политики.

Значимым является вывод Н.А. Стручкова о том, что суть политики как таковой всегда имеет одну и ту же социально-экономическую основу, а потому политика всегда едина. Но поскольку она выражается в разных сферах общественной жизни, то соответственно этому имеет специфические предметы, формы и методы воздействия. Н.А. Стручков подчеркивал, что области проявления уголовной политики разнообразны и вместе с тем тесно связаны между собой [4, 8–13].

Уголовная политика, как отмечает Н.А. Стручков, своими корнями уходит в область социальной политики, однако обладает собственным содержанием, которое не поглощается содержанием социальной политики [1, 6].

Н.А. Стручков, как специалист, обладающий обширными общетеоретическими знаниями, не мог обойти вопроса о соотношении политики, права и морали. Он показал их неразрывную взаимосвязь в вопросах борьбы с преступностью. Причем сделал это «с легкостью необыкновенной». Ничего удивительного. Известно ведь, легко и просто можно сказать лишь о том, что хорошо знаешь.

Профессор отмечал, что вопрос о целесообразности тех или иных мер – это вопрос политики, вопрос о справедливости этих мер – вопрос морали, вопрос об их законности – вопрос права.

При этом он обращает внимание на то, что политика выходит за пределы и права, и морали. Однако и право, и мораль оказывают на политику формирующее воздействие [2, 31–33]. Политика, подчеркивал профессор, по отношению к праву играет определяющую роль, поскольку она закрепляет направление деятельности государства, составляющее сущность политики. Право же – одно из средств осуществления политики.

Н.А. Стручков многое сделал для раскрытия содержания уголовной политики. При этом он обратил внимание на разработки в этой области, которые были осуществлены как в первые годы советской власти, так и до 1917 года. Он показал, как формировалось и развивалось понятие уголовной политики, какую роль сыграли те или иные исследователи в этом процессе [4, 9-11].

Николай Алексеевич приходит к выводу о том, что содержание уголовной политики составляет борьба с преступностью. Что же касается таких негативных явлений как бродяжничество, наркомания, проституция и пр., то он не относил их к сфере уголовной политики, хотя признавал, что ее интересы здесь присутствуют, так как это является почвой для преступных проявлений. Но поскольку эти явления, связаны не только с преступ-

ным поведением, но затрагивают многие стороны социальной жизни, то меры воздействия на них должна вырабатывать социальная политика [4, 11]. Что, в общем, и логично. Уголовная политика определяет направление борьбы с преступностью, формы, задачи и содержание деятельности органов государства, осуществляющих ее, общественных организаций, участвующих в ней. Уголовная политика определяет и содержание уголовного законодательства в главном – в решении вопросов об уголовной ответственности, о криминализации и декриминализации, дифференцировании мер и способов ответственности за совершение преступления. Она определяет требования к системе и видам наказания, их соотношению.

Н.А. Стручков вывел положение о том, что уголовная политика характеризуется тем, что это управленческая деятельность. Он отметил, что уголовная политика отражает объективные потребности общества в деле разработки наиболее целесообразных средств и мер борьбы с преступностью и воздействия на лиц, совершивших преступления.

Одним из важных вопросов уголовной политики является вопрос об уголовной ответственности. Он был исследован Николаем Алексеевичем в полном объеме [3]. Им были решены вопросы о начале и окончании уголовной ответственности; о системе правоотношений, возникающих в связи с уголовной ответственностью; об их разновидностях и разграничении. В работе доказано, что наказание и уголовная ответственность не одно и то же.

Занимаясь вопросами исправительно-трудового права, Николай Алексеевич не мог не обойти вниманием вопроса о наказании. Это выразилось в раскрытии содержания наказания, понятия системы наказаний, ее видов и т.п. [3, 96-253].

Рассматривая вопросы связанные с наказанием, профессор Н.А. Стручков обращает внимание на то, что они образуют исправительно-трудовую политику, которая уходит корнями в уголовную политику, но ее содержанием не охватываются [4, 12].

Этот вывод несколько неожиданен. Ведь логика профессора такова, что содержание уголовной политики составляет борьба с преступностью. Причем здесь он очень убедителен. Но отрыв исправительно-трудовой политики от уголовной, приводит к выводу о том, что исполнение наказаний находится за пределами борьбы с преступностью. А вот таких заявлений Н.А. Стручков никогда не делал. Думается, что здесь имеет место не ошибка и не заблуждение, а неточность в терминах. И в этом случае более определенным был профессор Г.М. Миньковский, который сделал вывод о структуре уголовной политики.

Вместе с тем, Николаю Алексеевичу принадлежит инициатива в разработке теории исправительно-трудовой политики. Им сформулировано ее понятие, содержание, принципы, охарактеризованы задачи, формы и особенности деятельности государственных органов и общественных организаций в области исправления наказаний [2].

Конечно, теория уголовной политики ушла далеко вперед, развив взгляды и идеи, не затронутые Н.А. Стручковым. Однако его непреходящая заслуга состоит в том, что он, по словам профессора Н.Н. Загородникова, своим вниманием к уголовной политике высветил перспективу и показал необходимость разработки этого направления в науке уголовного права, что способствовало включению этой проблемы в круг научных интересов многих исследователей [5, 13].

Разработка проблем уголовной политики, ее научное осмысление Н.А. Стручковым – образец комплексного межотраслевого исследования. А выводы, сделанные Николаем Алексеевичем, являются той основной, тем началом, без которых изучение уголовной политики – пустая трата времени.

Список литературы и источников

1. Стручков Н.А. Советское исправительно-трудовое право. М., 1963.
2. Стручков Н.А. Советская исправительно-трудовая политика и ее роль в борьбе с преступностью. Саратов, 1970.
3. Стручков Н.А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. Саратов, 1978.
4. Стручков Н.А. Курс исправительно-трудового права. Проблемы общей части. М.: Юрид. лит., 1984.
5. Загородников Н.Н. Генерал в науке, генерал в строю (Николай Алексеевич Стручков: воспоминания о настоящем) // Правовые и организационные основы исполнения наказаний: Труды Академии МВД СССР. М., 1991. С. 4–16.

В.С. Ишигеев, Р.С. Черных (г. Иркутск) Криминальная субкультура и её влияние на совершение преступлений в местах лишения свободы

Одним из факторов, влияющих на пенитенциарную преступность в местах лишения свободы, является криминальная субкультура.

Криминальная субкультура мест лишения свободы – неотъемлемый компонент устойчивого противоправного поведения, влияющего на жизнь преступника, которая начала складываться в дореволюционные времена, чтобы сообща противостоять администрации каторги и тюрем, для чего была организована тюремная артель или община, опекавшая арестантов и каторжан, требовавшая от них беспрекословного подчинения обычаям и законам, разработанными обитателями тюрем, ориентирующим общество заключенных на стойкое перенесение тягот и лишений, не потеряв свой

арестантский облик [3]. Иными словами не сотрудничать с администрацией, не выдавать товарищей, уважать традиции и обычаи тюремной среды и т.д.

Именно тогда начала складываться криминальная субкультура, дошедшая до наших дней, которая поощряет различные виды преступного поведения в исправительных учреждениях: массовое преступное поведение, насильственное преступное поведение, корыстное преступное поведение, половые эксцессы.

Массовое преступное поведение включает в себя: а) дезорганизация деятельности учреждений, исполняющих наказания. б) массовые беспорядки в виде преступления, предусмотренного ст.212 УК РФ. в) массовые эксцессы осужденных в виде отказов от работы или приема пищи и т.д.

Зачастую данные выступления осужденных провоцируются лидерами преступной среды с целью изменения статуса исправительной колонии в пользу преступного мира – сделать исправительную колонию «черной» из «красной» [2]. Подробные случаи были в ИК-6 г. Копейска Челябинской области в 2012г; В 2012г. в Ангарской воспитательной колонии; В 2014г. в ИК-15 г. Ангарска; В 2016г. в Можайской воспитательной колонии. В настоящее время сотрудники ФСИН всячески отрицают наличие «красных и черных» зон, но реалии сегодняшнего дня опровергают их [3].

Важнейшим элементом криминальной субкультуры является наличие специальных норм, которые применяются к осужденным, отступившим от правил и обычаев криминальной среды. Так, в отношении «отступников» применяются суровые санкции криминального мира – совершение убийства, лишение высокого «статуса» среди осужденных, а также перевод осужденных в разряд самой низкой страты – «опущенных». При переводе в данную категорию обязательно совершение насильственного полового акта. При этом могут быть совершены такие действия как обливание нечистотами, проведение половым членом по лицу, привязывание к батареям теплового отопления и др.

Одним из детерминантов, влияющих на совершение корыстных преступлений в местах лишения свободы, является корыстное преступное поведение, которое включает в себя следующие виды хищений: а) из уголовно-исполнительных учреждений и их сотрудников, которые поощряются криминальной средой; б) осужденными у осужденных – в этом случае два момента, более «авторитетный» осужденный имеет право отобрать у новичка вещи, продукты питания и это считается нормальным явлением, во втором случае кражи друг у друга объявляются «крысятничеством» и с виновным поступают в соответствии с обычаями криминальной субкультуры - переводят в разряд «опущенных», накалывают татуировку на лице и т.д.

Неотъемлемым элементом мест лишения свободы в виду крайней бездуховности осужденных и их цинизма, негативной ценностно-ориентационной направленности являются половые эксцессы осужденных, как в мужских так и в женских колониях.

Обязательным элементом криминальной субкультуры является употребление наркотических средств и психотропных веществ, поощряемым его на протяжении многих лет. Незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ существенно влияет на оперативную обстановку мест лишения свободы и подвергает опасности как жизнь самих осужденных, так и персонал уголовно-исполнительных учреждений, в связи с чем необходимо совершенствовать систему предупреждения незаконного оборота наркотиков.

Для профилактики пенитенциарных преступлений необходимо принять ряд мер, направленных на снижение данного вида преступности. В их числе: правильный подбор осужденных в отрядах и камерах, постоянное наблюдение за ними, разложение группировок отрицательной направленности и их идеологии, что, несомненно, подорвет доверие к идеям криминального мира.

Список литературы и источников

1. Ишигеев В.С. Криминальная субкультура мест лишения свободы и ее взаимосвязь с организованной преступностью // Проблемы борьбы с организованной преступностью и коррупцией: сб. научн. тр. Иркутск. Издательство БГУЭП, 2004. С. 74-75.

2. Прим. автора. «черная колония» – исправительная колония, которая живет по законам криминальной субкультуры. «красная колония» – исправительная колония, которая действует по нормам УИК РФ.

3. Евгений Колесников. За решеткой. 2014. № 1. Издательский дом «Пресс-курьер».

П.Н. Кобец (г. Москва)

Опыт и проблемы противодействия совершению террористических актов террористами-смертниками

Проблема борьбы с терроризмом сегодня имеет приоритет во всех программах по обеспечению безопасности. В условиях середины второго десятилетия XXI столетия терроризм стал явлением мирового масштаба, и между большинством террористических групп существуют сильные связи. Многие из них джихадисты, и они ожесточенно противостоят любому европейскому или неисламскому влиянию, или организации [1, с. 6-7]. Кроме того, многие террористы являются гражданами тех обществ, которые они хотят разрушить. Поэтому первостепенную важность для правоохранительных органов, отвечающих за безопасность, имеет информация разведывательного характера и подготовка к ведению борьбы против терроризма.

По всему миру происходит множество случаев, которые относятся к террористическим актам, совершенным террористами-смертниками. Ми-

шению террористов-смертников как правило являются простые граждане. В основном террористы-смертники не нападают на правоохранительные органы, военных и силы безопасности, потому что эти организации слишком хорошо проинструктированы и подготовлены. Вместо этого террористы-смертники ищут легкоуязвимые мишени, например, транспортную систему аэропорт, стадион или культурный центр.

Если в прошлом столетии атаки, которые совершали террористы-смертники, были преимущественно основой тактики, принятой в Израиле и на Ближнем Востоке, то в условиях нового тысячелетия, эту тактику переняли террористы во всем мире. До 17 марта 2002г. группой, совершившей наибольшее количество таких злодейских преступлений, были боевики шриланкийской организации «Тигры Тамилы». За последние шестнадцать лет нового тысячелетия от атак, совершенных террористами-смертниками, пострадали Соединенные Штаты, Индия, Пакистан, Испания, Иран, Ирак, Турция, Аргентина, Индонезия, Марокко, Алжир, Афганистан, Россия. Правительства многих европейских стран заявили, что нападения на их страны в ближайшем будущем, по их мнению, неизбежны.

Террористические акты, совершаемые смертниками, как одна из форм терроризма, – несомненно, явление глобальное. Они заставили изменить взгляд на то, что является нормальным, и, как результат, усилить видимые и скрытые меры обеспечения защиты. Этот метод не просто наводит ужас на жертв: он дает выход самой глубинной человеческой страсти – жажде мщения, желанию религиозной чистоты, стремлению к всемирной славе и спасению на Земле.

Тактика суицида была впервые использована в Ливане в 1983 г. и привела к выводу американцев и израильтян из Ливана. Если вначале исламские лидеры были обеспокоены совместимостью этой тактики с учением Корана, то очень скоро они успокоились, пораженные огромным ее успехом. После первой ударной взрывной волны уже было несложно противостоять сотрудникам правоохранительной системы. В то время смертниками обычно бывали мужчины в возрасте от 18 до 23 лет, которые проносили бомбы в каком-то автотранспортном средстве или рюкзаке [2, с. 155-156].

Однако никаких глубоких исследований по этой теме в мире не проводилось, а смертники становились все более изоцированными как в своей тактике, так и в выборе мишеней. Распространенность этой формы терроризма несомненна, а глобальность ее использования очевидна. Но почему же террористические акты, совершаемые террористами-смертниками, стали столь популярной формой нападения? По мнению большинства исследователей рассматриваемого феномена, очень просто: это дешево, крайне эффективно и, что самое главное, совсем несложно [3, с. 596-602].

Это гарантирует террористам во всем мире освещение событий в средствах массовой информации и порождает страх и депрессию в целевой аудитории, то есть, том обществе, на которое направлена их деятельность. Любая поездка в Иерусалим не оставляет у приехавшего в страну и тени

сомнения в воздействии, оказанном на израильтян. Вооруженная личная охрана, полиция и армия защищают все общественные места, где собирается пусть даже всего несколько человек. Автобусные остановки и автобусы охраняют сотрудники автобусной компании «Egged», имеющие наметанный глаз. Эта компания не раз становилась мишенью террористов-смертников, действия которых, к сожалению, весьма успешно и с драматическими последствиями приводили к массовым убийствам. Жители этой страны привыкли, отправляясь по своим делам, брать с собой огнестрельное оружие.

Нападения террористов-смертников оказывают глубочайшее воздействие на настроения в обществе, политический выбор граждан и демократические процессы в целом. Взрывы бомб в пригородных поездах в Мадриде, в результате которых погибли сотни людей, за которыми последовали взрывы с участием целой террористической банды и убийство полицейского, изменили, что вполне очевидно, исход национальных выборов в Испании, вытеснив ведущую коалицию и запустив механизм вывода испанских войск из Ирака. Способность террористов-смертников менять мишень в последний момент, чтобы избежать мер предосторожности со стороны служб безопасности и привести к как можно большему человеческим жертвам, превращает их в разрушительную форму «умного» (smart) оружия. По данным Корпорации RAND, если в среднем при террористических нападениях погибает 3.3 чел., то в террористических актах, совершаемых террористами-смертниками, до 28.5. [4, с. 21-25].

Смертники подходят близко к своим жертвам и выбирают ситуацию, когда их взрывное устройство произведет наибольший эффект, стремясь к тому, чтобы нападение привело к максимальному количеству жертв. Иногда они носят специальную одежду, которая не позволяет визуально определить взрывное устройство, или стараются внушить своим потенциальным жертвам обманчивое чувство безопасности. Весьма популярными в таких случаях оказываются поддельная или украденная униформа охранника, религиозное одеяние, парики и бороды. Некоторые женщины примащивают пояс с взрывным устройством к животу так, чтобы походить на беременную, а не на потенциальную убийцу.

Автобусы долгое время остаются излюбленной целью террористов, поскольку маленькие окошки часто открыты для регулирования температуры в салоне. Это также повышает риск взрыва, сидения крошатся и превращаются в шрапнель, и взрыв своей мощностью поражает легкие пассажиров. Бензобак, как правило, взрывается, вызывая возгорание и покрывая место трагедии густым темным дымом. В Тель-Авиве в мае 2003 г. два британца – смертника, взорвав в баре бомбу, убили трех и ранили еще 50 человек. В израильских тюрьмах содержатся, по крайней мере, еще шестеро иностранцев, обвиняемых в том, что являются агентами террористов. Попытка британского террориста Ричарда Рейда взорвать самолет компании American Airlines, совершавшего рейс из Парижа в Чикаго в декабре

2001 г., со всей очевидностью показывает, что террористы-смертники действуют и обучаются и на Западе [5, с. 34-36].

Фактически за четыре года до 11 сентября 2001 г., даты нападения террористов-смертников на Соединенные Штаты, террористы-смертники задумали взорвать бомбу на одной из станций нью-йоркской подземки, но были выданы информатором буквально через день после того, как у них созрел план этой операции [6, с. 38-41]. И таких примеров по всему миру немало.

Террористы-смертники, в отличие от остальных террористов весьма опасны все, что им требуется для совершения террористического акта, - это сделанное в домашних условиях взрывное устройство, шрапнель, желание убить и умереть. Стоимость этих нападений не превышает 100 долларов США, они не нуждаются в более сложных компонентах всех террористических атак, в частности, уходе после их совершения.

Итак, кто же проводит такие взрывы и что является мотивацией для того, чтобы отдать жизнь и жизни невинных граждан во имя соображений политического и религиозного характера? В противоположность распространенному мнению такие атаки осуществляются отнюдь не социально отверженными, плохо образованными, одинокими молодыми мужчинами, отчаявшимися до ярости и готовыми умереть в знак мести и безнадежности существования. Такие нападения никогда не осуществляются одиночками; они требуют поддержки какой-то сети экстремистов. Большинство террористов-смертников, совершивших нападение 11 сентября на самолетах, были выпускниками высших учебных учреждений и детьми богатых родителей. Более того, в Москве, Индии и Израиле нападения совершали женщины, иногда состоящие в браке и имеющие детей.

В ноябре 2003 г. 16-летний юноша взорвал себя неподалеку от группы израильских солдат на западном берегу р. Иордан, но никто, кроме него, не пострадал. Еще один 16-летний юноша совершил подобный акт в январе 2004 г. В марте 2004 г. весь мир увидел Хуссама Абдо, 16 лет, снятого на видеопленку, когда он был арестован израильскими войсками на контрольном пункте: под его свитером был пояс с бомбовым зарядом. Нельзя сказать, что все эти эпизоды связаны между собой, но Израиль утверждает, что был арестован 15-летний юноша, которого обвиняют в том, что он занимался вербовкой террористов-смертников [7, с. 18-19].

Многих молодых людей на Западе вербуют группы, связанные с Аль-Каедой, особенно в Северной Африке. Эти группы активно вербуют женщин и детей, поскольку им легче удастся проскочить через контрольные пункты и проверки. Боязнь общественных мест и транспорта вызывает у людей страх и подозрительность. Один из факторов, который делает ситуацию наиболее ужасной, это появление чувства, что нет никакого спасения: каждый встречный может быть террористом-смертником, а мишени, выбираемые ими, постоянно меняются. Паранойя и ксенофобия усиливаются и обостряются, и граждане начинают чувствовать, что государство не в силах защитить их. Изменения в повседневном поведении – первый шаг

к крушению морального состояния и желания противостоять. Нападения часто повторяются в одном и том же месте, что еще больше обостряет чувство безнадежности и незащищенности.

Атаки террористов-смертников порождают ненависть к обществу, из которого, по мнению граждан, террористы вышли, что часто сопровождается беспорядочной негативной реакцией со стороны государства: именно это и является основной целью, которую преследуют террористы. Это подрывает веру в демократию и придает законную силу террористической пропаганде в свободном обществе, в рамках которой террористы выступают в качестве жертв, а не преступников, какими они на самом деле являются.

Устройство, закрепленное на теле террориста-смертника, найти сложнее, чем то, которое спрятано, например, в рюкзаке: предмет, который в атмосфере, пронизанной идеей борьбы за безопасность, будет немедленно замечен или обнаружен сотрудниками правоохранительной системы или бдительными гражданами. Кроме того, с террористическими нападениями, осуществляемыми террористами-смертниками, бороться гораздо сложнее, чем с установкой бомб в машинах и другими импровизированными устройствами. Необходимо создавать систему физических мер борьбы, подобных тем, которые имеются в североирландской архитектуре средств защиты: ограждения, противобомбовые стены, охраняемый вход и фортификационные укрепления по специальному проекту, которые устанавливаются в местах, имеющих ключевое значение. Это предупреждает доступ террористов к возможным мишеням, в которых располагаются большие бомбы, и минимизирует ущерб в случае, если они все-таки оказываются за ограждением. Решение проблемы – в том, чтобы держать бомбы как можно дальше, поскольку мощность взрыва ослабевает в зависимости от расстояния.

Стратегии террористических организаций, использующих в своей деятельности террористов-смертников, основываются в своих разработках на теории, известной как «сеть паука», которая появилась впервые в Ливане. Теория гласит, что до тех пор, пока западные страны представляют собой грозную военную мощь, его гражданское общество – материально ориентировано, лениво и изнеженно до такой степени, что стало податливо и внушаемо. Их граждане не желают больше жертвовать своей жизнью, чтобы защищать национальные интересы своей страны. Поэтому они – «паутиные общества»: они кажутся сильными со стороны, но, если их тронуть, они развалятся. Разрывая самую сердцевину западных стран и эффективно сокращая пространство, в котором граждане чувствуют себя безопасными, террористы верят, что они могут сломать их окончательно [8, с. 21].

В современном мире угроза со стороны террористов-смертников создает ощутимые трудности для правоохранительных органов и различных служб, привлекаемых в случае возникновения чрезвычайных обстоятельств. По сути, ни одно общество не имеет иммунитета от угрозы. Даже Саудовская Аравия в 2004 г. была сотрясена атаками террористов-смертников, и это несмотря на то, что она раньше считалась безопасной из-за своей

набожности и существенной финансовой и моральной поддержки, которая оказывалась исламским настроениям [9, с. 176-179].

Тем не менее, правоохранительные органы в состоянии провести определенные превентивные мероприятия, основываясь на международном опыте борьбы с этой разновидностью терроризма [10, с. 87-93].

Во-первых, следует принять меры к тому, чтобы предметы повседневного пользования не стали шрапнелью. Автобусные остановки в Израиле по этой причине выглядят очень аскетично. Некоторые меры по созданию физических мер защиты были приняты после 11 сентября, но каждый элемент общественной инфраструктуры должен быть исследован в новом свете. Сотрудники правоохранительных служб должны быть хорошо информированными на тот случай, если они встретят подозрительного человека или если произошел террористический акт. Может ли полицейский, который занимается пешим патрулированием, предпринять какие-либо меры относительно подозрительного человека, или же он должен ждать указаний вышестоящего лица или специализированного подразделения? Настоятельно необходимо, чтобы сотрудники были осведомлены о политике, которую проводит их подразделение (предполагая, что у подразделения она есть – а это необходимо). Разрешено ли среднему медицинскому персоналу и пожарным появляться на месте происшествия сразу же после взрыва, или же необходимо прежде выставить охрану, чтобы не произошел еще один взрыв? Грустно сознавать то, что способность быстро принимать решения приходит из смеси обучения и опыта трагедий.

Сотрудники правоохранительных служб должны предпринять попытку создать тесные связи с теми регионами, которые могут порождать потенциальных террористов-смертников, и проводить кампании в средствах массовой информации, позволяющие ослабить поддержку террористов в этих регионах. Самые ценные оперативные данные поступают из тех мест, где террористы скрываются или пытаются скрыть свою инфраструктуру. Сотрудники всех правоохранительных служб должны поощрять и культивировать сотрудничество [11, с. 75-78].

Предпринимателей следует поощрять за информацию о сделках подозрительного характера, например, необычно большое количество удобрения нитрата аммония, трубок, батареек или проволоки. О тех же, кто интересуется такими товарами, следует сразу же сообщать, а правоохранительные службы должны поощрять дальнейший поток информации из таких источников. Очень важно, чтобы правоохранительные службы знали оперативную среду террористов, их мишени [12, с. 3-12].

Террористы никогда не действуют в одиночку. И всегда существует материальный след их деятельности, поэтому необходимо сосредоточить внимание на инфраструктуре, а не только самом террористе, это всегда очень значимо. Любая поступающая информация должна быть проанализирована и распространена в среде правоохранительных служб. Террористов следует поставить в такую ситуацию, в которой они были бы вынуждены защищаться от проникновения в их ряды и от раскрытия их органи-

зации или группы, а не планировать новые террористические акты. Самый большой успех – это противодействовать террористам на этапе их подготовки к террористическому акту. Кроме этого, появляются и некоторые технологические новинки. Например, после успешных испытаний в лондонском метрополитене были установлены телекамеры наблюдения. Они автоматически сообщают операторам о подозрительном поведении, об оставленных без присмотра пакетах и потенциальных попытках самоубийства, и других подозрительных фактах.

Поэтому, несмотря на бытующее мнение о террористах-смертниках как эффективном способе совершения массовых убийств и разрушений, нагнетания страха и снижения боевого духа целевой аудитории, тем не менее, можно применять специальные меры и проводить мероприятия, чтобы попытаться разубедить террористов и предупредить осуществление ими террористических актов.

Список литературы и источников

1. Хенман М. Региональные угрозы безопасности в 2016 г. Активизация некоторых террористических группировок // ИНТЕРСЕК Журнал по вопросам международной безопасности Великобритания. 2015. Т. 25. № 10. Ноябрь-декабрь.

2. Тесфай Н. Горячие точки субсахарской части Африки // Там же.

3. Кобец П.Н. Анализ природы терроризма и его детерминирующих факторов в условиях середины второго десятилетия XXI столетия // Полицейская деятельность. 2016. № 6.

4. Кобец П.Н. Теоретические основы криминологии экстремизма как учения о криминальном экстремизме .. Противодействие ксенофобии, экстремизму и терроризму в современном обществе: научные труды междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. Игнатова А.Н.; Институт экономики и права (филиал) ОУП ВПО «Академия труда и социальных отношений в г. Севастополе. Симферополь: Крымчпедгиз, 2012.

5. Mackay D. Joint operation // INTERSEC The Journal of International Security Great Britain. 2008. Vol. 18. № 6. June.

6. Кобец П.Н. Предупреждение преступности террористического характера как один из важнейших элементов обеспечения общественной безопасности // Транзитивные процессы в российском обществе: гуманитарные и социально-экономические аспекты: сб. науч. тр. / под ред. проф. В.В. Галкина. Вып. 2. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное из-во, 2006.

7. Morag N. Fighting Terrorism: International Models for Law Enforcement Police Chief The official publication of the International Association of Chiefs of Police (IACP) USA. 2013. Vol. 80. No.6. June

8. Somerville N. Open source // INTERSEC The Journal of International Security Great Britain. 2015. Vol. 25. No. 5. May.

9. Кобец П.Н. О роли научного подхода при анализе зарубежного законодательства по предупреждению терроризма // Роль науки в развитии общества: сб. статей междунар. науч.-практ. конф. 17 апреля 2014 г.: в 2 ч. Ч. 2 / отв. ред. А.А. Сукиасян. Уфа: Аэтерна, 2014.

10. Кобец П.Н. О специальном предупреждении терроризма: опыт и проблемы // Человек. Религия. Право. Экстремизм: теория и практика противодействия: сб. научн. тр. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2014.

11. Кобец П.Н. Опыт и проблемы предупреждения терроризма органами внутренних дел России // Проблемы теории и практики борьбы с экстремизмом и терроризмом: материалы науч.-практ. конф. – М.: Российская криминологическая ассоциация; Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2015.

12. Кобец П.Н. О специально-криминологическом предупреждении терроризма в современной России // Терроризм и экстремизм как угрозы национальной безопасности России: идеологические, социокультурные и правоприменительные аспекты противодействия: материалы XVIII междунар. науч.-практ. конф. (23-24 мая 2014 г.): Нальчик: Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД России. Т. II .2015.

А.О. Швейгер (г. Хабаровск)

Сценарии возможного изменения социально-экономических условий формирования криминальной картины транспортной системы, обслуживаемой Забайкальским ЛУ МВД России на транспорте

Перспективы развития и модернизации транспортного узла, обслуживаемого Забайкальским ЛУ МВД России на транспорте, определяются сложившимся уровнем развития важнейших экономических секторов и социальной сферы. Поскольку транспортная составляющая непосредственно связана с грузо- и пассажироперевозками, во многом ее состояние и развитие определяется региональной и государственной экономической и социальной составляющей.

Традиционно Амурская область имела аграрную специализацию, в тоже время структура экономики оставалась относительно диверсифицированной. Экономические преобразования 1990-х годов привели к резкому сокращению обрабатывающих производств, а также упадку агропромышленного комплекса. С другой стороны, в гидроэнергетическое строительство (Бурейская ГЭС) и освоение месторождений золота на территории области были направлены масштабные инвестиции. Значительный рост транспортных услуг по транзиту экспортных грузов в 2000-х годах, прирост добычи золота, а также наращивание объемов строительно-монтажных работ в энергетическом строительстве сформировали специализацию Амурской области в Дальневосточном регионе.

Экономико-географическое положение и ресурсный потенциал Забайкальского края во многом определили специализацию, структуру хозяйства, стратегию его развития. Забайкальский край ориентирован на

развитие горно-металлургической, топливной, пищевой и перерабатывающей промышленности, лесной и деревообрабатывающей промышленности, а также на производство строительных материалов. При этом значительную долю структуры региональной экономики составляет добывающая и горно-металлургическая промышленность, что предопределяет стабильный рост грузопотока железнодорожным транспортом.

Традиционные виды регионального производства и обмена товарами определяют структуру коммерческого грузопотока в рамках внутригосударственного, а также зарубежного экспорта товаров. В Амурской области и Забайкальском крае четко прослеживается экспортный потенциал, который в настоящее время налажен через границу государств, граничащих с анализируемыми субъектами – Китай и Монголия. Кроме того импортная составляющая является существенной в структуре перевозок указанных субъектов, особенно Амурской области.

Полученные данные свидетельствуют о том, что в условиях экономической нестабильности показатели железнодорожных грузоперевозок на участке, обслуживаемой Забайкальским ЛУ МВД России на транспорте не отразились на объемах перевозимых грузов, что свидетельствует о стабильном внутреннем и внешнем росте экспорта-импорта товаров и услуг. Объяснить рост грузопотока на данном транспортном участке государства на фоне негативного экономического фактора можно объяснить частичной переориентацией государственного рынка на азиатские государства-партнеры и увеличение спроса на уголь, что способствовало росту его экспорта и увеличению объемов его перевозки железнодорожным транспортом. В перевозках энергетических товаров велика доля экспортных поставок: 48% угля и 45% нефтяных грузов. В то же время одним из крупнейших покупателей каменного угля в России является Китай. Частично так можно объяснить стабильный рост в кризисные годы перевозок грузов ж/д транспортом на данном участке, в то время как общероссийский показатель свидетельствует о транспортной стагнации в этой области [1]. Увеличение экспортных показателей возможно при сохраняющемся спросе и увеличивающемся спросе на природные материалы и ресурсы, являющимися основными экспортируемыми товарами. Таким образом, можно заключить, что объемы экспорта товаров не имеют сильной зависимости от экономической составляющей, а в большей степени определяются спросом на мировом рынке (применительно к рассматриваемым субъектам – в приграничных государствах, а также государствах, в которые поставляются товары транзитом через Китай и Монголию; транзитные перевозки через Амурскую область и Забайкальский край). Также необходимо учитывать и экспортно-импортный потенциал с учетом того, что, например, через территорию Амурской области проходит Транссибирская магистраль с выходом через территорию Хабаровского края на морские порты Приамурья - Находку, Восточный, Владивосток и участок Дальневосточной железной дороги (Байкало-Амурская магистраль) с выходом на порты Хабаровского

края - Ванино и Советская Гавань. Т.е. существенное сокращение перевозимых грузов с учетом всех изложенных факторов маловероятно.

Увеличение грузопотока на фоне негативной экономической ситуации может порождать условия для роста совершения некоторых видов преступлений (например, хищения). Этот тренд просматривается на основе статистических показателей, демонстрирующих существенный удельный вес хищения грузов в структуре хищений на транспорте на территории, обслуживаемой Забайкальским ЛУ МВД России на транспорте.

Тем не менее, по мнению сотрудников Центра развития Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» при сохранении тенденции снижения стоимости углеводородов на мировом рынке и режима сохраняющихся санкций в отношении России в ближайшей перспективе произойдет снижение объемов импорта товаров (снижение объемов импорта и, частично, экспорта наблюдается уже в настоящее время по сравнению с 2013-2014 гг.), что в свою очередь отразится на объемах грузоперевозок в целом. Это будет связано с влиянием фактора сокращения спроса отечественного рынка на импортные товары, обусловленного в значительной мере уменьшением потребительского спроса из-за падения реальных доходов населения и его кредитования на потребительские цели, а также снижением инвестиционной активности. К тому же был произведен запрет на ввоз некоторых видов продовольствия в Россию из стран, которые ввели экономические санкции относительно нашей страны. Следует отметить также эффект девальвации российского рубля (среднемесячный курс доллара США в июне 2016 года составил 65,22 рубля за 1 доллар, что почти в 2 раза выше показателя января 2014 года [2]). Несмотря на частичное укрепление позиций национальной валюты в последнее время, его стоимость остается достаточно низкой в паре рубль-доллар. Кроме того, негативную лепту вносит ожидание искусственной девальвации рубля на 10% Минфином РФ. Однако можно предположить, что такая картина будет характерна для общероссийских показателей. В отношении исследуемых субъектов такая тенденция будет проявляться в меньшей степени, поскольку в настоящее время российский рынок вынужден частично переориентироваться на азиатских партнеров, что окажет меньшее влияние на снижение объемов импорта-экспорта товаров.

Сфера пассажироперевозок, тем не менее, на фоне ослабевшего рынка и падения реальных доходов населения, отразилась на перевозках железнодорожным транспортом. Эта тенденция характерна в целом для общероссийских показателей, которые снизились в сравнении с предыдущими годами [3]. Значительной составляющей в структуре пассажироперевозок Амурской области было обслуживание внешнего туризма в Китай. Негативный экономический фактор также оказал влияние на эту составляющую.

Кроме того, снижение пассажиропотока на железнодорожном транспорте частично обусловило параллельное увеличение пассажиропотока в структуре авиационного транспорта даже в кризисные годы. Этот феномен

можно объяснить трансформацией ценообразования на авиабилеты со стороны авиакомпаний. Закон о невозвратных авиабилетах, принятый Госдумой в 2014 году, позволил в два с половиной раза нарастить спрос на внутренние перевозки воздушным транспортом при сокращении стоимости перевозок от 15% до 30%.

Также наблюдается существенное снижение перевозок грузов и пассажиров на водном транспорте. Значительное снижение произошло в кризисные годы, однако постепенное снижение наблюдалось и в докризисный период. Данное обстоятельство можно соотнести с диверсификацией транспортных перевозок и изменением их логистики.

Поскольку в структуре экономики исследуемых субъектов транспортные перевозки занимают значительную долю ВРП (внутренний региональный продукт) (Амурская область -20% [4], Забайкальский край -23% [5]), снижение динамики перевозок в теории может способствовать частичному ухудшению экономического потенциала субъектов в целом, что может оказать косвенное влияние на показатели корыстного вида преступности в целом и на транспорте в том числе. Однако, даже при допустимом снижении объемов перевозок данные потери регионального ВРП могут быть компенсированы другими секторами экономики. Например, в Амурской области наблюдается наращивание сельскохозяйственной составляющей.

В свою очередь, продолжающееся снижение экономики России и ВВП может негативно отразиться на транспортном комплексе в целом. Эту могут способствовать указанные выше причины, связанные со снижением доходов населения и сокращением перевозок пассажиров. Тем не менее, на общее состояние преступности на территории, обслуживаемой Забайкальским ЛУ МВД России на транспорте такие факторы, очевидно, будут иметь несущественное влияние, поскольку в целом показатели большинства видов преступности характеризуются единичными данными и корректировка в ту или иную сторону не будет давать существенных изменений и будет находиться в пределах корреляционной погрешности.

Негативным фактором рассматриваемых субъектов является высокая степень зависимости их бюджета от федеральных трансфертов. Условия стагнирования экономики, сокращения дотаций регионам и экономии федерального бюджета могут способствовать турбулентности региональной экономики, что, в свою очередь, может оказать негативное давление на пассажироперевозки.

Функционирование на территории Амурской области космодрома «Восточный» не сможет оказать значительного влияния на структуру экономики в силу невозможности осуществить полный цикл работ, связанных с подготовкой и осуществлением запусков в самой области [6. С. 735, 744], а также не окажет значительного влияния на динамику и структуру грузоперевозок, поскольку строительство к настоящему времени в большей ча-

сти завершено, а также объемы поставляемых грузов для потребностей космодрома в общем объеме перевозимых грузов незначительны.

Список литературы и источников

1. Бюллетень социально-экономического кризиса в России. Динамика грузоперевозок в России. Декабрь 2015. № 8.
2. Помесячная динамика экспорта и импорта товаров (сезонно скорректированные данные). Январь 2005 – июнь 2016 / Центр развития Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». URL: https://dcenter.hse.ru/data/2016/08/18/1118707171/exp_imp_16-06.pdf
3. Российская газета. 2016. 11 янв.
4. Об утверждении государственной программы амурской области «Развитие транспортной системы Амурской области на 2014–2020 годы»: постановление от 25 сент. 2013 г. № 450.
5. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru>.
6. Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия – 2050 / под ред. П.А. Минакира, В.И. Сергиенко: Дальнаука, 2011. С. 735, 744.

Г.М. Тамбовцева (г. Иркутск)

Региональная динамика поведения лиц с девиантным поведением и наркопреступность

Наиболее приоритетным направлением современной криминологии и криминологических исследований являются вопросы, связанные с региональными проблемами преступности, ее детерминантами и противодействием.

Противодействие незаконному обороту наркотиков проблема не новая, но до настоящего времени остается остроактуальной, детерминируемая процессами мирового и регионального масштаба. Проблема, требующая принятия адекватных превентивных мер.

Территориальные различия, детерминирующие региональную специфику наркотической преступности, и эскалирующие ее в конкретном регионе являются важнейшим компонентом в познании данного явления, позволяющие решать вопросы, связанные с эффективным воздействием на преступность.

Количество таких преступлений по Иркутской области по данным Информационного центра ГУ МВД России по Иркутской области отражено в табл. 1 [1].

Таблица 1

Динамика в Иркутской области в 2004-2015 гг.
по преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотиков

Показатель	Зарегистрировано преступлений, всего	Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков	Преступления, связанные с НОН в общей структуре зарегистрированной преступности, удельный вес, %
2004	70215	3839	5,5
2005	85614	4264	5,0
2006	91483	4152	4,5
2007	95221	4428	4,6
2008	87638	4607	5,2
2009	80696	4737	5,9
2010	65884	3693	5,6
2011	58488	3651	6,2
2012	60109	3817	6,3
2013	57098	3792	6,6
2014	53162	3582	6,7
2015	53552	3146	5,9

Тенденции незаконного оборота наркотиков, отраженные представленными данными официальной статистики ГИАЦ ГУ МВД России по Иркутской области, показывают в целом общий тренд изменения двенадцатилетнего уровня преступности в Иркутской области и отличаются нестабильностью: в 2004 году – 5,5 %, в 2005 году – 5,0 %, в 2006 году – 4,5 %, в 2007 году – 4,6 %, в 2008 году – 5,2 %, в 2009 году – 5,9 %, в 2010 году – 5,6 %, в 2011 г. – 6,2%, в 2012 г. – 6,3%, в 2013 г. – 6,6%, в 2014 г. – 6,7%, в 2015 г. – 5,9%.

Удельный вес наркопреступности в Иркутской области достаточно высокий (5,9%), несмотря на выраженную тенденцию к сокращению количества выявляемых преступлений в течение последних шести лет (с 2010 г. – 3693, 2011 г. – 3651, 2012 г. – 3817, 2013 г. – 3792, 2014 г. – 3582, 2015 г. – 3146).

Анализируя качественные особенности незаконного оборота наркотиков и системы противодействия необходимо отметить, что удельный вес выявления организованных преступных групп и преступных сообществ, без которых наркобизнес невозможен относительно небольшой.

Появление на криминальном рынке новых видов психоактивных веществ, относимых законодателем к потенциально опасным, ухудшает криминальную ситуацию, связанную с незаконным оборотом наркотиков [2].

Современная эскалация незаконного оборота наркотиков в общероссийском и региональном масштабе отражает детерминационный комплекс причин и условий, способствующий развитию преступности.

Реорганизация, проводимая в правоохранительных органах, выступает не менее значимым фактором криминальной ситуации, связанной с незаконным оборотом наркотиков [3].

Согласно данным проведенного социологического исследования можно отметить, что для опрошенных жителей Иркутской области проблема наркомании в 2015 году, как и в 2014 году, занимает пятое место и стоит выше, чем проблема преступности (45,7%) [4].

Внешним выражением внутреннего мира человека выступает его поведение, его жизненные установки, ценности, идеалы. Под поведением в научной литературе понимается совокупность внешних признаков его жизнедеятельности.

При изучении криминологической характеристики личности преступника выявляются и оцениваются те ее свойства и черты, которые продуцируют преступное поведение с целью использования при проведении профилактики.

Понять человека и его поведение, в том числе преступное, невозможно без углубленного изучения его социально-демографических, психологических и нравственных характеристик [5, с. 6].

В криминологической науке давно сформировалась теория девиантного поведения, к формам которого относится преступность, алкоголизм, наркотизм и др., каждое из которых имеет свою специфику [6, 14].

Особый интерес вызывают причины употребления наркотиков. Структура причин, которые привели к употреблению наркотиков, сложна и разнообразна.

При первичном приеме наркотических веществ, отсутствии наркотической зависимости, побуждение к действиям, связанным с употреблением наркотиков, обуславливается иной потребностью.

Отсутствие альтернативного побуждения, приводит к тому, что эти действия принимаются к исполнению, при получении удовольствия образы предпринятых действий и связанных с ними переживаний закрепляются в психике в форме представлений о собственном положительном опыте. В результате регулярного употребления наркотических веществ эта готовность усиливается, постепенно переходит в потребность и, по существу, завершается формированием психологической составляющей наркотической зависимости [7, с. 128].

Согласно данным проведенного социологического исследования можно отметить, что для опрошенных жителей Иркутской области доминирующей причиной пробы наркотика явилось «любопытство» – 58,76%, далее следует «проба наркотика за компанию» – 34,02%, на третьем месте выделяют «получить удовольствие» – 15,46% и «для того, чтобы уйти от личных проблем» 15,46%.

Рис. 1. Причины употребления наркотиков

Реже всего отмечаются мотивы «чтобы уважали друзья и знакомые» – 3,09%, «стремление быть как все» – 3,09%.

Проведенный в 2015 году опрос населения в Иркутской области «Мнение населения о развитии наркоситуации в Иркутской области» показал, что 52,5% опрошенных попробовали наркотик в возрасте 16-18 лет, 21,6% – в возрасте 19-25 лет, 20,6% - в возрасте 12-15 лет. Самый ранний возраст пробы наркотиков отмечен до 12 лет – 3,1%. Желание попробовать наркотические средства у лиц в возрасте старше 35 лет не возникает [8].

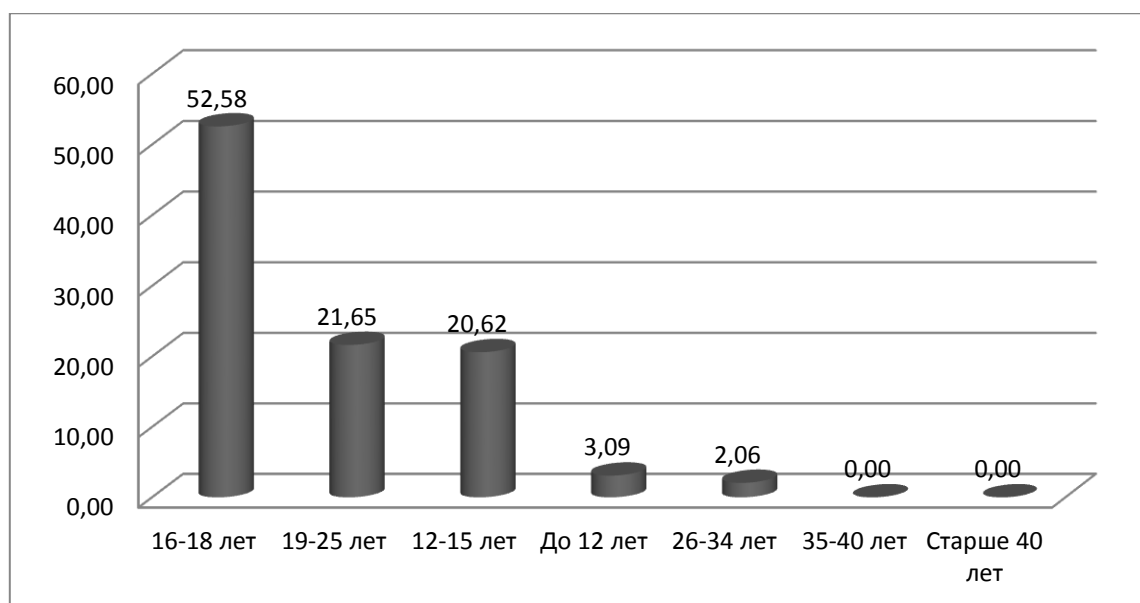

Рис. 2. Возраст первого употребления наркотиков респондентами, в %

Таким образом, социологический опрос показал, что несовершеннолетние в возрасте от 16-18 лет (52,6 %) группа более виктимная, чем лица от 12-15 лет (20,6 %).

Объяснением этому может служить, то, что для большинства несовершеннолетних с отклоняющимся поведением характерно бесцельное и беспорядочное времяпрепровождение.

Криминологическое значение имеет изучение характеристик лиц с отклоняющимся поведением.

Можно отметить, опрошенные жители Иркутской области в 2015 году в процессе проводимого социологического исследования ответили, что «пробовали, но перестали употреблять» - 81,4%, «употребляют редко (от случая к случаю, не каждый месяц)» - 5,15%, «употребляют регулярно (раз в месяц и чаще)» - 6,2%, «употребляют постоянно (несколько раз в неделю)» - 1,03%, употребляют ежедневно - 6,2%.

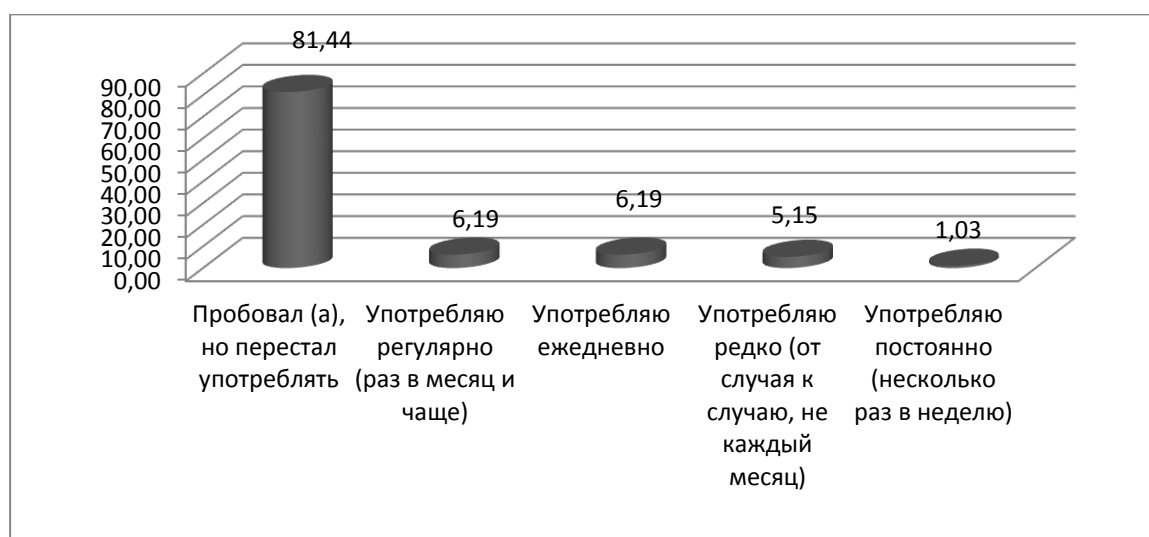

Рис. 3. Частота употребления наркотиков, %

Таким образом, доля активных систематических и эпизодических наркопотребителей составляет 18,6% из всех, кто указал на употребление наркотиков когда-либо [8].

12,4% опрошенных указали на то, что к решению пробы наркотического вещества они пришли самостоятельно, не ориентируясь на предложения извне.

Анализ вариаций по результатам ответов в общей выборке лиц, употребляющих наркотики, в зависимости от пола опрошенных, показал следующее: мужчины в 3 раза чаще получали предложение попробовать наркотики – «от друзей» (17,0% против 5,4% у женщин), в 2,4 раза чаще «от знакомых» (35,0% против 14% у женщин). Предложение попробовать наркотики «от коллег по работе» поступало в 8,2% случаев.

Мужчин, которые пришли к решению о начале приема наркотиков самостоятельно, больше, чем женщин (7,2 и 5,2% соответственно) [8].

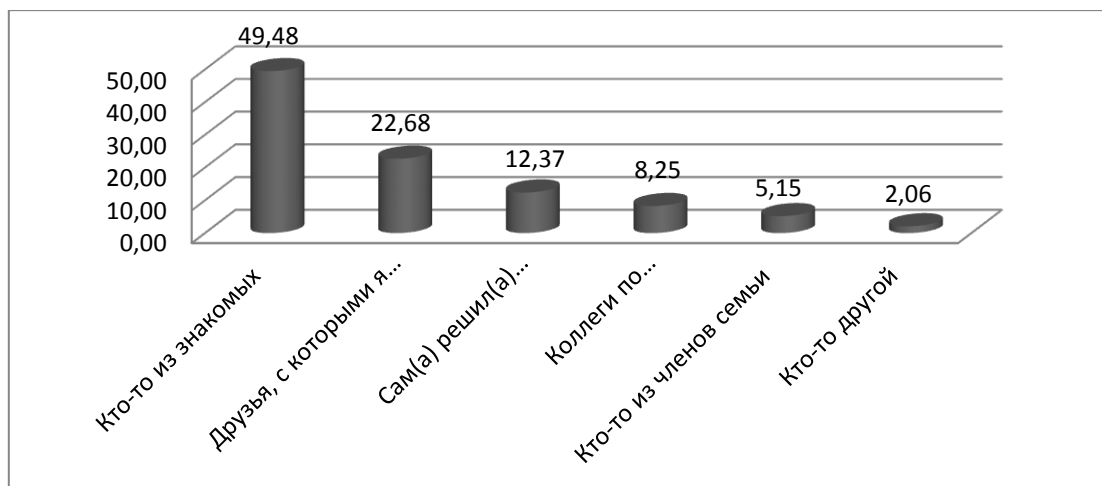

Рис. 4. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Кто впервые предложил попробовать наркотик», данные по всей выборке опрошенных, употребляющих наркотики, %

В 2015 году наибольшие показатели и рост первичной заболеваемости наркоманией зарегистрирован в возрастной группе 18-19 лет и составил 110,0 на 100 тыс. По сравнению с 2014 г. этот показатель составил 57,4. В возрасте 20-39 лет показатель составил 43,5 на 100 тыс. по сравнению с 2014 г. – 60,3. В возрасте старше 60 лет первичной заболеваемости наркоманией не зарегистрировано [9].

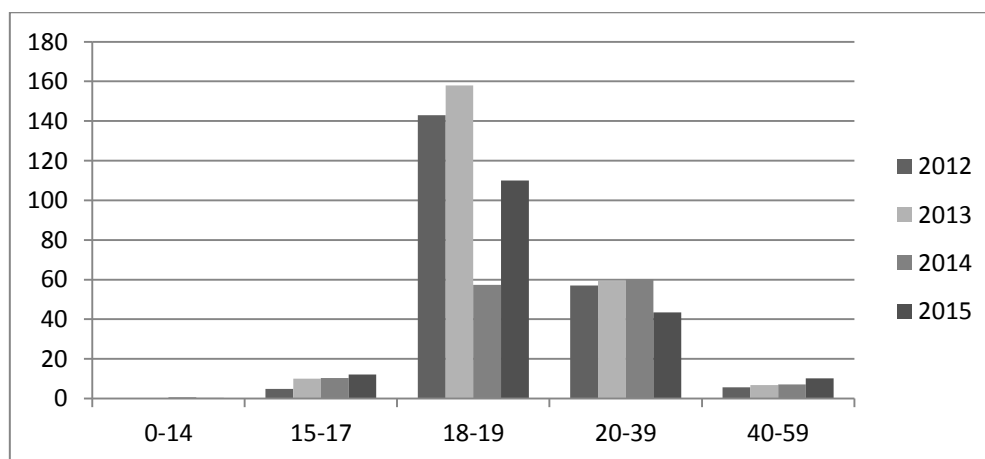

Рис. 5. Показатели первичной заболеваемости наркоманией населения по отдельным возрастным группам населения Иркутской области в 2012-2015 гг. (на 100 тыс.)

Гендерный анализ данных показывает, что подавляющее большинство потребителей наркотических веществ 79,5 % лиц, состоящих на учете с диагнозом «наркомания» это мужчины, следовательно, доля женщин составляет 20,5% от общего числа больных наркоманией. Употребление опиоидов - 54,9 %, каннабиноидов- 31,2% [9].

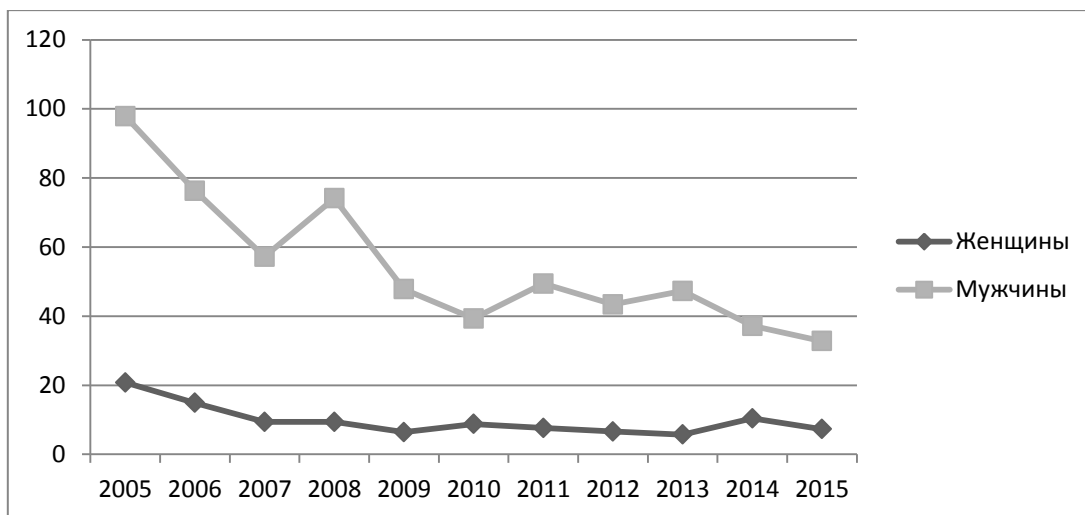

Рис. 6. Динамика показателей первичной заболеваемости мужчин и женщин Иркутской области наркоманией 2005-2015 гг. (на 100 тыс.)

Исследование территориальных различий дает не только возможность для выявления особенностей незаконного оборота наркотиков, но и обратить внимание на различия в причинном комплексе, его порождающем, определить адекватные меры противодействия ему [10, с. 169].

Можно условно классифицировать регионы с наименьшей наркотической зависимостью и наибольшей. С наиболее высокими показателями первичной заболеваемости наркоманией в России выделяется Приморский край – 37,4 %, превышает в 2,6 раза показатель Российской Федерации, который составляет 14,5 %.

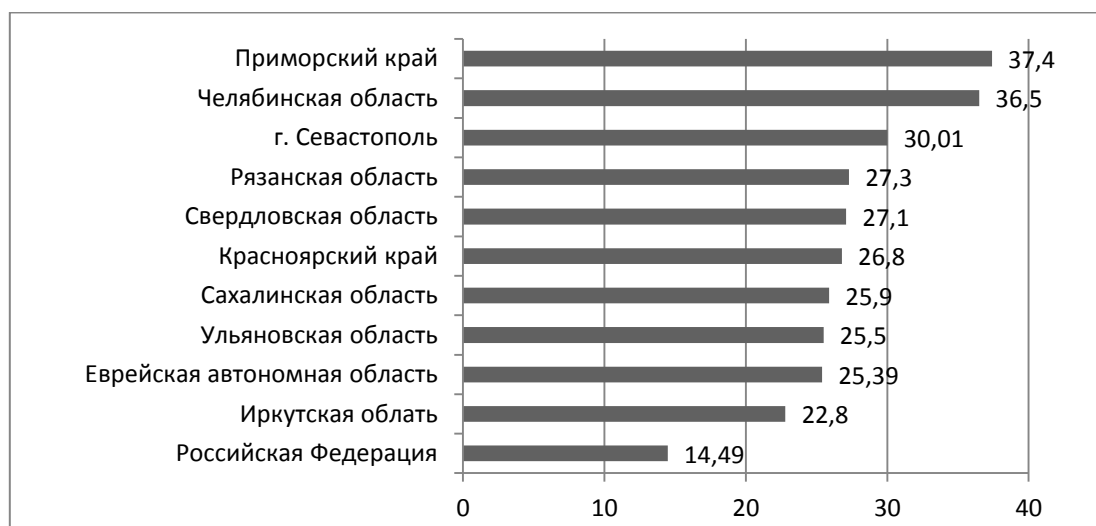

Рис. 7. Субъекты РФ с наиболее высокими показателями первичной заболеваемости наркоманией, %

Незаконный оборот наркотиков выступает серьезной угрозой социально-экономической и политической стабильности государства и является невосполнимой для здоровья человека [10, с. 169; 11] .

Вышеизложенное, показывает необходимость поиска новых форм противодействия наркопреступности, как наиболее приоритетного направления.

Список литературы и источников

1. Данные Информационного центра ГУ МВД России по Иркутской области.

2. Об утверждении Порядка формирования и содержания Реестра новых потенциально опасных психоактивных веществ, оборот которых в Российской Федерации запрещен: приказ Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков от 18 февр. 2015 г. № 69 URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70784518/> (дата обращения 22.11.2016).

3. Федеральная служба Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков упразднена Указом Президента Российской Федерации от 5 апреля 2016 г. № 156 «О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции». URL: <https://rg.ru/2016/04/05/narkokontrol-site-dok.html> (дата обращения 22.11.2016).

4. По данным отчета о результатах социологического исследования, проведенного аппаратом Антинаркотической комиссии Иркутской области и отделом социологических исследований экспертного управления Губернатора и Правительства Иркутской области «Мнение населения о развитии наркоситуации в Иркутской области» URL: <http://yandex.ru/clck/jsre-dir?from> (дата обращения 22.11.2016).

5. Антоян Ю.М. Личность преступника. Криминологическое психологическое исследование / Ю.М. Антоян, В.Е. Эминов. М.: Норма: Инфра-М, 2010. 368 с.

6. Гишинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений» /Я.И. Гишинский. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 520 с.

Комлев Ю.Ю., Сафиуллин Н.Х. Социология девиантного поведения: учебное пособие / под общ. ред. Ю. Ю. Комлева; 2-е изд., перераб. и доп. Казань: КЮИ МВД России, 2006. 222с.

7. Уразаева Г. И. Психология виктимной личности: учебное пособие. Казань: КЮИ МВД России, 2015. 296 с.

8. По данным отчета о результатах социологического исследования, проведенного аппаратом Антинаркотической комиссии Иркутской области и отделом социологических исследований экспертного управления Губернатора и Правительства Иркутской области «Мнение населения о развитии

наркоситуации в Иркутской области» URL: <http://yandex.ru/clck/jsredir?from> (дата обращения 22.11.2016).

9. Анализ динамики заболеваемости хроническим алкоголизмом, алкогольными психозами и наркоманией в Иркутской области. Информационно-аналитический бюллетень за 2015 год. Иркутск. 2016. 20 с. URL: <https://yandex.ru/search/?lr> (дата обращения 22.11.2016).

10. Состояние преступности в сфере незаконного оборота наркотических средств в Российской Федерации. Региональные различия: монография /под ред. О.А. Евлановой. М. : Юрлитинформ, 2013, 314 с.

11. Измайлов В.В. Виктимологические аспекты преступности, связанной с незаконным оборотом наркотиков (по материалам республики Карелия): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 18 с.

К. А. Краснова (г. Москва)

Совершенствование мер предупреждения этнической организованной преступности в условиях второго десятилетия XXI века

Рост активности, расширение географии деятельности и увеличение направлений преступной специализации этнической организованной преступности последних десятилетий, захватывающих конец XX и начало XXI века, показывает всю масштабность и исключительность этого криминального явления, практически не имеющего границ в мире и требующего активного противодействия со стороны правоохранительных органов различных стран.

Теракт в метро Санкт-Петербурга, произошедший 3 апреля 2017 г. и последовавшее за ним расследование и установление причастных к нему лиц – этнических киргизов, показало несовершенство существующих на данный момент предупредительных мер, не позволивших предотвратить страшную трагедию и гибель 16 человек. К огромному сожалению, наметившаяся тенденция смены преступной специализации представителями организованных этнических преступных формирований, отход от общеуголовных преступлений и нацеленность на совершение преступлений, посягающих на основы конституционного строя и безопасности государства, вовремя не была замечена специалистами-криминологами. Как следствие, до сегодняшнего момента не были сформированы единые методологические подходы к предупреждению террористической деятельности выходцев из стран Средней Азии, тогда как все внимание в этой работе было сфокусировано в основном на лицах, прибывающих из регионов Северного Кавказа (как наиболее «очевидных» субъектов, в отношении которых направлены имеющиеся меры по противодействию терроризма) [1; 2]. И

хотя основным трендом развития национальных уголовных законов в части установления ответственности за преступления террористического характера, является усиление уголовной репрессии [3, с. 102], необратимые последствия произошедшего теракта заставляют еще раз пересмотреть приоритеты антитеррористической деятельности, заставляя задуматься, всегда ли уголовное преследование организаторов и пособников террористов отвечает требованиям социальной справедливости [4]. Как видится автору, назрела необходимость в пересмотре мер предупреждения преступлений террористического характера, совершаемых уроженцами других стран, учитывая существующую «взаимосвязь терроризма с организованной преступностью» [1, с. 40].

Терроризм как общественное явление уже давно перестал быть локальным внутрироссийским событием [5, с. 239]. Как справедливо пишет В. И. Попов, «он достиг масштабов и форм проявлений, которые представляют угрозу национальной безопасности, исходящую как изнутри России, так и извне страны как часть международного террористического процесса, сравнимого с военной агрессией» [5, с. 239].

Особенно остро встает вопрос о границах государственного контроля над мигрантами, прибывшими в Россию с целью туризма, работы, учебы, либо для воссоединения с членами семьи [6]. Проблемы миграции, мигрантов, национальных меньшинств выходят на одно из первых мест среди других социальных проблем, аккумулируя при этом целый спектр различных вопросов: социальное неравенство, столкновение культур, этническая преступность, религиозный экстремизм и терроризм и т.п. Все это может привести к межнациональным столкновениям в различных государствах, а возможно к более глобальным конфликтам [7, с. 3]. Логика трансформации миграционной политики подвела законодателя к необходимости реорганизации системы государственного контроля (надзора) в сфере миграции таким образом, чтобы во главе системы стояло Министерство внутренних дел, наделенное полномочиями по выработке и реализации государственной политики в рассматриваемой сфере и нормативно-правовому регулированию вопросов миграции [8].

МВД России и ранее осуществляло борьбу с терроризмом посредством «предупреждения, выявления и пресечения преступлений террористического характера, преследующих корыстные цели» [5, с. 241-242]. И с добавлением новых полномочий министерство смогло получить более полный и оперативный доступ к информации о лицах, пересекающих границы нашей страны.

Нельзя не отметить и тот факт, что ситуацию в переходный период осложняет не столько передача полномочий от упраздненной Указом Президента РФ [9] Федеральной миграционной службы к МВД России, а продолжающиеся изменения законодательства о трудовой миграции [10; 11], что вызывает у сотрудников полиции трудности организационного поряд-

ка. Особенно критична ситуация в городах Москва и Санкт-Петербург, где трудовые мигранты вынуждены ночевать (и не одни сутки) около подразделений по вопросам миграции в ожидании своей очереди на подачу заявлений или получение готовых документов. Данная проблема требует своего незамедлительного разрешения, которое (как это часто бывает в нашей стране) упирается в бюджетное финансирование и острую потребность в приобретении соответствующих средств материально-технического обеспечения.

Продолжает оставаться непоследовательной законотворческая деятельность. Современный тренд – разработка законопроектов, которые направлены на «точечное» решение вопросов, традиционно относящихся к области административно-правового регулирования, мерами уголовной репрессии. Например, предложение ввести уголовную ответственность за фиктивную постановку на миграционный учет в нежилых помещениях. Другая законодательная инициатива депутатов Государственной Думы РФ о лишении террористов – выходцев из других стран приобретенного ими гражданства нашей страны (даже на законных основаниях, как в случае с террористом-смертником, совершившим теракт в метро г. Санкт-Петербурга) в случае совершения экстремистского или террористического преступления вызвала, мягко говоря, волну недоумения среди специалистов и правозащитников. Мало того, что предупредительный эффект от введения подобной меры нулевой, так как угрозой лишения российского паспорта вряд ли возможно остановить террориста-смертника от воплощения задуманного плана. Также ставятся под сомнение краеугольные принципы отечественного уголовного права, в соответствии с которыми уголовное преследование за совершенное преступление (в том числе террористического характера) возможно лишь в тех случаях, когда само преступление криминализировано, а наказание за его совершение усилено путем введения соответствующих санкций в действующий уголовный закон, в его Общую и Особенности части. Как видим, в этом случае предлагается реализовать уголовную репрессию за терроризм через административные процедуры отмены решения уполномоченного органа о приобретении гражданства РФ, что неприемлемо.

Следует подчеркнуть, что имеющаяся нормативная правовая база может быть эффективно использована для борьбы с этнической организованной преступностью – как частью организованной преступности, осложненной «этническим элементом». МВД России принимало и продолжает принимать «наиболее активное и масштабное участие в предупреждении и ликвидации последствий угроз, возникающих в сфере борьбы с преступностью» [12, с. 31]. С возложением на министерство и его территориальные органы полномочий в решении миграционных вопросов его роль должна только возрасти. Четко отлаженное взаимодействие МВД России с ФСБ России и ее территориальными органами в субъектах РФ также позволяет

эффективно противодействовать терроризму и этнической организованной преступности как взаимосвязанным и взаимообусловленным явлениям. Следует напомнить, что Федеральная служба безопасности «осуществляет борьбу с терроризмом посредством предупреждения, выявления и пресечения преступлений, преследующих политические цели, а также посредством предупреждения, выявления и пресечения международной террористической деятельности» [5, с. 241], а также проводит «предварительное расследование по уголовным делам о преступлениях террористического характера» [5, с. 241].

В заключении отметим, что в преддверии президентских выборов миграционная и антитеррористическая риторика будет только усиливаться. Субъекты законодательной инициативы будут активизироваться в решении этих вопросов. Однако под напором чувств, вызванных широким общественным резонансом произошедшего в апреле 2017 года теракта (и более ранних событий), инициаторам изменения законодательства следует понимать суть уголовной репрессии и возможные последствия ее реализации, не пытаясь при этом смешать ее со сферой административного законодательства и тем более не предпринимать попыток «протащить» на волне эмоций законопроекты, противоречащие в своем содержании не только принципам уголовного права, но и основному закону страны – Конституции РФ. Вместе с тем работа органов государственной власти и местного самоуправления по минимизации социально-экономических конфликтов в социуме, а также профилактическая и оперативно-розыскная деятельность правоохранительных органов и спецслужб по нейтрализации организованных этнических формирований на территории нашей страны должна быть планомерна и поступательна.

Список литературы и источников

1. Жестеров П. В. О роли уголовной репрессии в предупреждении преступлений террористического характера // Журнал правовых и экономических исследований. 2016. № 1. С. 36-41.
2. Кобец П. Н., Краснова К. А. Пути совершенствования уголовного законодательства об ответственности за террористический акт // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2012. № 1 (22). С. 70-76.
3. Жестеров П. В. Усиление уголовной репрессии в сфере противодействия терроризму: российский и европейский опыт // Юридическая мысль. 2016. Т. 93. № 1. С. 98-103.
4. Кобец П. Н., Краснова К. А. Некоторые аспекты предупреждения террористических актов // Противодействие ксенофобии, экстремизму и терроризму в современном обществе: научные труды междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. Игнатова А. Н.; Институт экономики и права

(филиал) ОУП ВПО «Академия труда и социальных отношений» в г. Севастополе. Симферополь: Крымучпедгиз, 2012. С. 342-349.

5. Попов В. И. Преступность, угрожающая национальной безопасности России. М.: Изд-во СГУ, 2010. 452 с.

6. Кобец П. Н., Краснова К. А. О необходимости кодификации миграционного законодательства Российской Федерации // Кодификация законодательства: теория, практика, техника: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Н. Новгород, 25-26 сентября 2008 года) / под ред. В.М. Баранова, Д. Г. Краснова. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, Торгово-промышленная палата Нижегородской области, 2009. С. 749-758.

7. Баских Е. И. К вопросу об общем предупреждении преступности этнических организованных преступных групп // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2013. № 4 (67). С. 3-6.

8. Кобец П. Н., Краснова К. А. Приоритеты совершенствования законодательства Российской Федерации в сфере предупреждения преступности незаконных мигрантов // Организованная преступность как угроза экономике России: материалы науч.-практ. семинара. М.: 2009. С. 77-80.

9. О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции: указ Президента Российской Федерации от 05.04.2016 № 156 // Официальный интернет-портал правовой информации. Дата опубликования: 05.04.2016. Номер опубликования: 0001201604050050.

10. Краснова К. А., Сибатуллина Э. Т. Роль миграционного законодательства в укреплении государственного суверенитета и обеспечении общественной безопасности Российской Федерации // Миграционное право. 2011. № 3. С. 6-9.

11. Краснова К. А., Сибатуллина Э. Т. Формирование миграционного законодательства Российской Федерации: цели, тенденции, перспективы и реализация // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2011. № 2 (21). С. 3-9.

12. Кобец П. Н. Совершенствование системы обеспечения общественной безопасности Российской Федерации в условиях XXI столетия // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2014. № 1. С. 30-33.

**Проблемы типологии делинквентного поведения и этнических
деликтов**

Категория «девиантность» весьма сложная для криминологического осмысления, поскольку состоит из делинквентного и преступного поведения. В контексте нашей проблемы «под делинквентным поведением будет пониматься поведение этнических групп или отдельных их членов, имеющее признаки правонарушения (в том числе преступления), закрепляемые действующим законодательством государства, и влекущее за собой юридическую ответственность» [1, С. 244]. Отграничивать девиантное поведение от делинквентного следует исходя из уровня общественной опасности. Значительную общественную опасность имеет делинквентное этническое поведение.

Ранее в наших работах мы указывали, «что проблема типологии этнического делинквентного поведения и этнических деликтов может быть решена только на прочной методологической основе, и в частности на основе типологии правонарушений. Говорить об этнической преступности и деликтах как о типе этнических правонарушений можно лишь в том случае, если они имеют признак, отличающий их от других типов правонарушений. Таким признаком, несомненно, является мотив национальной или религиозной ненависти или вражды, имеющий особую общественную опасность, либо принадлежность к определенной этнической группе. Типология здесь фиксирует то главное, что характеризует специфику определенного типа, вскрывает внутренние, устойчивые связи между существенными признаками и их проявлениями в конкретном правонарушении, осуществляемом по этническому признаку» [2, С. 115].

Отметим, что по нашему мнению «мотив национальной и религиозной ненависти или вражды как отличительный признак этнических правонарушений в наибольшей степени выделен и осмыслен законодателем в российском уголовном законе. Среди обстоятельств, отягчающих наказание, п. «е» ч. 1. ст. 63 УК РФ предусматривает совершение преступления по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды. Квалифицирующие признаки, связанные с этим мотивом, закреплены в таких составах преступлений, объектами которых являются жизнь и здоровье, интересы семьи и несовершеннолетних, общественная безопасность, здоровье населения и общественная нравственность, государственная власть» [3, С. 116]. В Уголовный закон 6 июля 2007 г. были внесены изменения, [4], которые дополнили ч. 2 ст. 105 УК РФ пунктом «е» – «по мотиву кровной мести». Данными изменениями были разделены мотив кровной мести и мотив политической, идеологической, расовой, национальной и религиозной ненависти или вражды либо мотив ненависти или вражды в

отношении какой-либо социальной группы. Анализ движения законодательной мысли позволяет сделать заключение о целесообразности выделения мотива национальной ненависти или розни как квалифицирующего признака по ряду составов: сексуальное насилие, доведение до самоубийства, посягательство на имущество, на жизнь государственного или общественного деятеля. Подобные преступления могут иметь экстремистскую окраску.

Изучив положения российского уголовного и иного федерального законодательства, отметим, что антидискриминационный его аспект не является до конца проработанным. До сих пор отсутствует согласование между понятиями «экстремистская деятельность (экстремизм)» и «преступления экстремистской направленности» соответственно в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» [5] и Уголовном кодексе РФ; законодательно не определены направления комплексной системы профилактики и противодействия экстремистским и террористическим проявлениям, основанные на криминологических научных разработках. Также отсутствует четкое распределение полномочий соответствующих правоохранительных органов по предупреждению, пресечению и борьбе с указанными проявлениями.

Что касается зарубежных государств, то здесь следует обратиться к трудам В.В. Энгеля, под руководством которого в АНО «Институт изучения проблем национальной политики и межнациональных отношений» (Россия) было проведено исследование законодательства и правоприменительной практики ряда европейских государств относительно содержания антидискриминационной составляющей. По его мнению «несмотря на совершенствование антидискриминационного и антирасистского законодательства в последние годы, в нем остаются определенные недоработки и проблемы. Например, в целом ряде стран мотив расовой ненависти не является автоматически отягчающим обстоятельством при совершении преступлений (Венгрия, Польша, Украина, Италия, в определенной степени – Германия). До сих пор в большинстве стран мониторинга имеют место определенные ограничительные нормы в отношении тех или иных религий» [6, С. 42].

В США преступления на почве ненависти не выделяются в отдельную категорию преступлений, а рассматриваются как обычные преступления, такие как нападение на людей или уничтожение имущества, мотивированные нетерпимостью или предубеждением преступника. Законодательство США отражает тот факт, что преступления на почве ненависти совершаются вследствие того, кем является или воспринимается жертва. Оно также признает, что, помимо причинения вреда жертве, подобные преступления также посылают сигналы враждебности и угрозы всему обществу. Поэтому в США предусмотрено более суровое наказание за преступления, совершаемые вследствие того, что жертвы считались принад-

лежащими к той или иной конкретной группе, чем за преступления, представляющие собой просто произвольный акт насилия.

В нормах административного права присутствует целая группа правонарушений с экстремистским мотивом. В гражданском праве выделяется деликтное право, т.е. совокупность правовых норм, регулирующих обязательства, возникающие из причинения имущественного вреда. Вместе с тем, мотив национальной и религиозной ненависти или вражды как один из мотивов совершения гражданских деликтов в деликтном праве не выделяется.

Проведенные нами научные исследования девиантного и противоправного этнического поведения дали основания к выделению таких типов этноделинквентного поведения как административные и гражданско-правовые деликты, криминальная миграция, внеправовые обычаи, этническая преступность.

В юридической практике имеются случаи совершения административных и гражданско-правовых деликтов по указанному мотиву национальной и религиозной ненависти или вражды. Вместе с тем, следует отметить, что со стороны общества и государства отсутствует интерес к проблемам противодействия дискриминации и нарушения основных прав граждан, отмечается общая неостребованность соответствующих правовых механизмов [7]. Правоохранители заинтересованы, прежде всего, в расследовании покушений на общественный порядок и стабильность политической системы, а права граждан и их защита отодвигаются на второй план. Государственная политика ориентируется на проблемы разрешения этнических конфликтов и противодействия экстремизму. Вместе с тем вопросы дискриминации и совершения правонарушений, в том числе административных и гражданских, по национально-этническому мотиву не актуализируются. В силу этого статистические данные об административных и гражданско-правовых деликтах как на федеральном, так и на региональном уровнях не анализируются в срезе проблемы их совершения по мотивам национальной и религиозной ненависти и вражды.

К числу наиболее часто совершаемых административных правонарушений, причиной которых можно считать принадлежность к определенной этнической группе и, возможно, присутствие национальной вражды, следует отнести отсутствие регистрации по месту пребывания у иностранных граждан.

Существующая система регистрации на практике находится в причинно-следственной связи с возникновением межнациональных противоречий и разжиганием розни, а также способствует тому, что иностранные граждане (т.е. лица различных национальностей) предпочитают не регистрироваться по месту пребывания и совершать административное правонарушение.

К административным деликтам как типу этнического делинквентного поведения следует также отнести не подтверждение своего гражданства иностранцами из бывших советских граждан, живущих в РФ.

Отметим также группу административных деликтов с экстремистским мотивом. Сюда относится производство и распространение экстремистских материалов, включенных в опубликованный Федеральный список (ст. 20.29 КоАП РФ). На основании Закона 2002 г. «О противодействии экстремистской деятельности» [8] суды в своих решениях могут признавать материалы экстремистскими и запрещать их распространение, в том числе в сети Интернет.

В соответствие с федеральным законодательством функции по ведению, опубликованию и размещению в сети Интернет федерального списка экстремистских материалов возложены на Министерство юстиции РФ. С каждым годом список этих материалов постоянно растет. Если по состоянию на 18 сентября 2010 г. Федеральный список экстремистских материалов включал 694 материала, то на август 2016 года он включает уже 3818 источников[9].

Необходимо выделить административные правонарушения, связанные с нарушением запретов, установленных законодательством в ходе проведения избирательных кампаний (гл. 5 КоАП РФ).

Еще один деликт – это пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики (ст. 20.3 КоАП РФ). Руководствуясь ст. 20.3 КоАП, сотрудники полиции изымают из продажи газеты и книги, на которых фигурирует свастика или похожие символы. В правоохранительной деятельности встречаются случаи использования административных санкций за публичное отдавание нацистского салюта, однако они не являются систематическими.

В юридической практике встречаются и гражданско-правовые деликты, как форма проявления этнического делинквентного поведения.

Основная идея, характеризующая гражданское деликтное обязательство, содержится в п. 1 ст. 1064 ГК РФ. Исходя из данного положения вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред. В контексте нашей проблемы исследования сделаем акцент на гражданских правонарушениях, связанных с причинением имущественного вреда вследствие совершения преступления, к примеру экстремистского, либо по мотиву национальной ненависти или вражды, а также по мотиву кровной мести. Указанные преступления могут быть весьма разноплановыми и посягать на жизнь, права и свободы личности; собственность и экономическую деятельность; общественную безопасность и общественный порядок; основы конституционного строя и безопасность государства.

Административные и гражданско-правовые деликты, имеющие наименьшую общественную опасность по сравнению с преступностью, преобладают, прежде всего, в странах, относящихся к романо-германской и англосаксонской правовым семьям, где основным механизмом регулирования общественных отношений выступает закон и (или) судебная практика. Это может объясняться тем, что национально-этнические споры могут решаться (и решаются) цивилизованным путем через судебную систему и взаимодействие с органами государственной власти.

В странах, относящихся к мусульманской и традиционной правовым системам, где основными источниками права являются Коран и другие религиозные документы, а также обычное право (в традиционной системе), преобладают более жесткие формы отклоняющегося поведения этносов, такие как кровная месть и другие внеправовые обычаи, криминальная миграция, этническая преступность.

Особое положение занимает Россия и страны бывшего социалистического лагеря. Здесь присутствуют и более мягкие формы этнического делинквентного поведения, и более жесткие, такие как внеправовые обычаи и этническая преступность.

Список литературы и источников

1. Кузьмина Н.В. Методология и методика в теоретико-правовых исследованиях этнического поведения // Вопросы управления. 2011. № 4 (17). С. 244-249.

2. Кузьмина Н.В. Этнические деликты и преступность как вид правонарушающего поведения: к постановке проблемы // Вопросы управления. 2011. № 14. С. 115-120.

3. Кузьмина Н.В. Этнические деликты и преступность как вид правонарушающего поведения: к постановке проблемы // Вопросы управления. 2011. № 14. С. 115-120.

4. Закон РФ от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму» // Российская газета. 2007. 1 августа.

5. О противодействии экстремистской деятельности: закон РФ от 25.07.2002. № 114-ФЗ: с изм. и доп. от 23 ноября 2015 г. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 15.12.2016).

6. Энгель В.В. Ксенофобия, дискриминация и агрессивный национализм в Европе (январь 2014 – июнь 2015 гг.) // Геополитический журнал. 2015. № 5 (12). С. 37 – 48.

7. О соблюдении Российской Федерацией Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации: альтернативный доклад НПО для Комитета ООН по ликвидации расовой дискриминации (73 сес-

сия, 28 июля – 15 августа 2008 г.) URL: [http:// www.memo.ru/hr/ discrim/ver1/Report-ICERD-Rus](http://www.memo.ru/hr/discrim/ver1/Report-ICERD-Rus)

8. О противодействии экстремистской деятельности: закон РФ от 25.07.2002. № 114-ФЗ: с изм. и доп. от 23 ноября 2015 г. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.12.2016).

9. Федеральный список экстремистских материалов. URL: http://minjust.ru/ru/extremist-materials?field_extremist_content_value=&page=18

В.А. Родивилина, И.П. Родивилин (г. Иркутск)

К вопросу о личности преступника, совершающего преступления в сфере компьютерной информации

Информация о личности преступника служит неотъемлемым элементом криминалистической и оперативно-розыскной характеристик любого вида преступлений. Не являются исключением и правонарушения в сфере компьютерной информации.

Для преступлений, связанных с использованием компьютерных технологий, изучение личности преступника приобретает особую актуальность, так как в данном случае приходится сталкиваться с субъектами, которые до недавнего времени не попадали в поле зрения правоохранительных органов. Необходимо уделить внимание особенностям таких лиц, вероятным мотивам преступления, поведенческим признакам, проявляющимся при подготовке и совершении преступлений.

В общем анализе личности человека, совершающего преступления, предусмотренные в гл. 28 УК РФ, с нашей точки зрения, необходимо рассмотреть типовую классификацию преступников, дать общий портрет лиц, предпринимających компьютерные правонарушения, и выявить основные признаки, влияющие на преступное поведение и обуславливающие противоправный выбор.

Типовая классификация лиц, совершающих правонарушения в сфере компьютерной информации, рассматривалась многими известными учеными [2, 4, 5, 6, 9]. К примеру, В.В. Крылов выделяет четыре основных типа преступников:

- 1) нарушители правил пользования компьютерной техникой;
- 2) «белые воротнички» – респектабельные преступники;
- 3) компьютерные шпионы;
- 4) хакеры, или «одержимые программисты» [5, с. 64].

В то же время зарубежные ученые дают другую типовую квалификацию. Так, Д.Б. Паркер выделяет семь категорий преступников в сфере компьютерной информации:

- 1) pranksters – совершают преступления ради развлечения, без корыстных мотивов;
- 2) hucksters – лица с корыстными намерениями;
- 3) malicious hackers – злоумышленники;
- 4) personal problem solvers – лица, которые решают личные проблемы;
- 5) career criminals – профессиональные преступники;
- 6) extreme advocates – экстремалы, любители рисковать;
- 7) irrational people – «иррациональные люди» [10, с. 248].

По мнению С.В. Васюкова, личность преступника данной категории должна рассматриваться в комплексном подходе, который учитывал бы разные факторы развития человека:

- 1) социально-демографические;
- 2) психологические;
- 3) нравственные;
- 4) биофизиологические;
- 5) социально-ролевые;
- 6) уголовно-правовые и криминологические [1, с. 445].

Следует согласиться с Ю.А. Мерзловым, утверждающим, что представление характерологических особенностей личности преступника, совершающего противоправные посягательства в сфере компьютерной информации, целесообразно осуществить через типологию соответствующих лиц, применительно к тому или иному виду преступного деяния, определенного ст. 272-274 Уголовного кодекса РФ [7, с. 57].

На основе вышеизложенного, а также криминологического анализа лиц, совершающих преступления в сфере компьютерной информации, который рассматривался одним из авторов данной статьи [8, с. 311–312], сформулируем основные выводы:

1. Изучение особенностей лиц, совершающих преступления, является важным условием правильной организации борьбы с определенным видом преступной деятельности. Для преступлений, связанных с незаконным оборотом вредоносных программ, изучение личности преступника приобретает особую актуальность, так как в данном случае речь идет о субъектах, которые до недавнего времени не попадали в поле зрения правоохранительных органов.

2. Анализ уголовных дел показывает, что подобные преступления в подавляющем большинстве совершаются лицами мужского пола, среди которых преобладают молодые люди в возрасте от 18 до 24 лет. Наблюдается тенденция уменьшения возраста преступников в сфере компьютерной информации, связанная с всеобщей глобализацией и информатизацией, что по мнению К.А. Ефремова, согласного с точкой зрения Н.В. Ходяковой, обусловлено проблемами воспитания в сфере информационной культуры, неграмотностью родителей [9], а также тем, что сами подростки, совершая

преступления в указанной сфере, осознают свою безнаказанность в связи с тем, что они не являются субъектами преступления в силу возраста [3, с. 95]. Думается следует снизить возраст уголовной ответственности по ст. 273 УК РФ до 14 лет и внести в ст. 20 УК РФ соответствующие изменения, в связи с наблюдающейся тенденцией омолаживания компьютерных преступников, а также повышенной опасностью деятельности, связанной, с оборотом вредоносных компьютерных программ.

Образовательный уровень таких преступников не высок. Около 70% не имеют высшего образование. Среди наиболее распространенных качеств таких преступников преобладают правовой нигилизм и завышенная самооценка. При совершении преступлений, эти лица чаще всего руководствуются корыстными мотивами.

3. Круг лиц, совершающих преступления в сфере компьютерной информации, не ограничивается только «хакерами». К лицам, совершающим преступления в сфере компьютерной информации, следует применять термин «информационные воры», так как их целью является похищение важного в современном мире ресурса – информации. Информационные воры являются частью отдельной категории преступников, которых принято называть киберпреступниками.

4. Современные преступники, специализирующиеся на преступлениях в сфере компьютерной информации, не являются одиночками, а собираются в группы. На просторах Интернета имеется обилие ресурсов, объединенных едиными убеждениями – совершать преступления в киберпространстве. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что участники организованной группы в большинстве случаев никогда не встречались друг с другом лицом к лицу и проживают в разных регионах мира. Все общение между ними происходит с использованием информационных средств коммуникации через сеть Интернет, практически всегда с использованием программного обеспечения, позволяющего анонимно общаться в киберпространстве. Информационные воры – это не Робин гуды, они работают из корыстной заинтересованности, однако иногда встречаются лица с психическими отклонениями или совершающие преступления с целью проверить свои навыки.

5. Изучение личности информационных воров с точки зрения способов совершения противоправных деяний, обладающих схожими чертами, несомненно может способствовать раскрытию и профилактике преступлений в сфере компьютерной информации.

Список литературы и источников

1. Васюков С.В. Криминологическая характеристика личности преступника, совершающего общественно опасные деяния в сфере проведения безналичных расчетов с использованием банковских карт // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и со-

циальные науки. 2012. № 5. Вехов В.Б. Криминалистическая характеристика и совершенствование практики расследования и предупреждения преступлений, совершаемых с использованием компьютерной техники: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1995.

2. Ефремов К.А. Личность преступника, совершающего преступления в сфере компьютерной информации // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 6.

3. Крыгин С.В. Расследование преступлений, совершенных в сфере компьютерной информации: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2002.

4. Крылов В.В. Информационные компьютерные преступления. М., 1997.

5. Мерещяков В.А. Основы методики расследования преступлений в сфере компьютерной информации: дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2001.

6. Мерзлов Ю.А. Криминологический портрет лиц, совершающих преступления в сфере компьютерной информации // Правопорядок: история, теория, практика. 2015. № 4 (7).

7. Осипенко А.Л. Борьба с преступностью в глобальных компьютерных сетях: международный опыт: монография. М.: Норма, 2004.

8. Родивилин И.П. Преступления в сфере компьютерной информации: состояние, динамика, тенденции, особенности личности преступника // Проблемы современного российского законодательства. 2015.

9. Ходякова Н.В. Личностный подход к формированию информационной культуры выпускников вузов: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1996.

10. Parker D.V. Fighting computer crime. N. Y., 1998.

А.А. Чичёв (г. Иркутск)

Повышение превентивной роли уголовного закона в сфере предупреждения преступлений сквозь призму вопроса уголовной ответственности юридических лиц в отечественном законодательстве

Сегодня в науке одной из актуальнейших тем является решение вопроса об установлении в российском законодательстве уголовной ответственности в отношении юридических лиц. Вопрос достаточно сложный и требующий рационального решения. Это обусловлено тем, что проблема эффективности применения мер в отношении тех организаций, которые вышли за рамки дозволенного им законом, вызвана самой жизнью.

С развитием гражданского оборота количество юридических лиц различных организационно-правовых форм стремительно растёт, органи-

зации, бесспорно, занимают ключевое место в экономике государства. При всём этом прослеживается стремительный рост преступлений, которые совершаются в интересах юридического лица или с его использованием. Можно утверждать, что «в России сформировался качественно новый вид преступности – преступность юридических лиц» [1], в связи с чем весьма уместно говорить о реальной угрозе экономической, экологической и иной безопасности России.

В предмет отрасли уголовного права в первую очередь входят ключевые стороны общественных отношений, в рамках которых субъекты обязаны координировать своё поведение и являются уголовно ответственными в позитивном смысле, так как задачей уголовного закона является охрана от преступных посягательств посредством использования различных методов правового регулирования, в том числе запрета, ценностей, значимых для государства, общества и личности, а также предупреждение преступлений.

По мнению сторонников положительного решения вопроса об установлении в отношении организаций, рассуждая о выполнении уголовным законом предупредительной функции, установление института уголовной ответственности юридических лиц сыграет весьма значительную роль в повышении превентивной роли уголовного закона в сфере предупреждения преступлений.

Но стоит отметить, что данный шаг законодателя при реализации уголовно-правовой политики в правотворческом процессе в настоящее время весьма затруднителен в связи с различными обстоятельствами, в первую очередь в силу того, что «уголовная ответственность юридических лиц не согласуется с принципами личной виновной ответственности, справедливости и не содействует реализации целей уголовного наказания, в частности восстановления социальной справедливости и исправления осужденного» [2, С. 187]. Поэтому меры по достижению предупреждения преступлений, которые совершаются в интересах юридического лица или с его использованием, путем угрозы наказаний и последующим подтверждением реальности такой угрозы могут быть направлены лишь на физическое лицо, его сознание.

В связи с вышеизложенным, возникает необходимость повышения превентивной роли уголовного закона в отношении именно физических лиц, являющихся частью юридического лица (руководителей, должностных лиц и т.д.), которые гипотетически способны совершить уголовно наказуемое деяние при осуществлении своей трудовой функции (общая превенция), а также в отношении тех физических лиц, которые уже переступали черту закона, осуществляя свои полномочия будучи членом организации (специальная превенция).

Несмотря на то что, при признании организаций в российском законодательстве уголовно ответственными, неотвратимость их ответственности имела бы больший превентивный эффект, чем строгость наказания виновных физических лиц, в настоящее время целесообразно усиливать в от-

ношении физических лиц меры уголовной ответственности, а в отношении юридических лиц – меры административной ответственности и продлевать сроки административного производства при признании таковых недостаточными по отдельным видам правонарушений.

Повышение предупреждения преступлений в рамках рассматриваемого вопроса в отношении физических лиц возможно с помощью ужесточения санкций Особенной части УК РФ.

Целесообразно ужесточать санкции за совершение преступлений в тех сферах, где юридические лица в основном осуществляют свою деятельность, и в следствие нарушения закона ими может быть причинен вред. Также стоит учитывать предшествующий опыт, свидетельствующий о фактах причастности организаций в совершении преступлений.

Так, необходимо ужесточать санкции за совершение преступлений против личности (ст. ст. 127.1 «Торговля людьми», 127.2 «Использование рабского труда», 143 «Нарушение требований охраны труда», 151.1 «Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции»), в сфере экономики (ст. ст. 159 «Мошенничество», 151.1 «Мошенничество в сфере кредитования», 159.2 «Мошенничество при получении выплат», 159.5 «Мошенничество в сфере страхования», 170 «Регистрация незаконных сделок с недвижимым имуществом», 170 «Незаконное предпринимательство», 172 «Незаконная банковская деятельность», 174.1 «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления», 178 «Ограничение конкуренции», 185.5 «Манипулирование рынком», 199 «Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации» и многие другие), против общественной безопасности и общественного порядка, включая экологические преступления, (ст. ст. 205 «Содействие террористической деятельности», 209 «Бандитизм», 228 «Незаконное приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконное приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей содержащих наркотические средства или психотропные вещества», 241 «Организация занятия проституции» и др.), против государственной власти (ст. ст. 282.3 «Финансирование экстремисткой деятельности», 285.1 «Нецелевое расходование бюджетных средств» и др.).

При рассмотрении затронутого нами вопроса весьма большое внимание привлекает такой вид наказания как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Считается уместным увеличение сроков лишения права, изложенных в ч. 2 ст. 47 УК РФ. По нашему мнению, необходимо прописать в Постановлениях Пленума Верховного Суда РФ целесообразность обращать внимание судам к назначению данного вида наказания, учитывая характер и степень общественной опасности преступления, личности виновного и других обстоятельств, в отношении признанного виновным в совершении преступления

лица, являющегося членом организации, использовавшего при этом средства юридического лица или действующего в интересах организации.

Таким образом, в рамках вопроса установления в отечественном законодательстве института уголовной ответственности юридических лиц повышению превентивной роли уголовного закона будет способствовать ужесточение санкции определенных составов статей Особенной части УК РФ в отношении физических лиц, входящих в состав организации, совершивших преступление с использованием средств юридического лица или в интересах организации.

Список литературы и источников

1. Бастрыкин, А. И. К вопросу о введении в России уголовной ответственности юридических лиц // Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: <http://sledcom.ru/blog/bastrikin/item/888481/> (21.04.2017).

2. Чичёв, А. А. К вопросу об уголовной ответственности юридических лиц в рамках современного российского законодательства // Проблемы становления гражданского общества: сб. статей V междунар. науч. студенческой конф., Иркутск, 24 марта 2017 г. Иркутск : Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2017. Ч. III. С. 183-187.

О.В. Ивушкина (г. Иркутск)

Основные направления деятельности подразделений органов внутренних дел на транспорте по предупреждению краж грузов из подвижного состава железнодорожного транспорта

Борьба с кражами грузов из подвижного состава железнодорожного транспорта возложена на специализированные органы прокуратуры и внутренних дел на транспорте, которые призваны обеспечить различные меры профилактики.

Особую роль в предотвращении грузовых краж играют ОВД на транспорте, поскольку именно транспортная полиция является наиболее многочисленной из всех правоохранительных органов, призванных бороться с посягательствами на грузы.

Вся профилактическая деятельность, ее направления, последовательность применения сил и средств, объем предупредительной деятельности зависит в большей степени от информационного обеспечения. Сбор необходимых данных и их анализ дает возможность быстро ориентироваться в оперативной обстановке, соответствующим образом распределять силы и средства, наиболее эффективно осуществлять деятельность по предотвращению и пресечению преступлений.

Однако, как правило, деятельность по изучению причин и условий, состояния и динамики краж грузов, лиц, совершающих данные преступления, ведется довольно поверхностно, без должного анализа. В целом она сводится к выяснению причин и условий конкретных преступлений и внесению представлений для их устранения, а также определению процента раскрываемости грузовых краж, их роста или снижения за отчетные промежутки времени.

Таблица 1

Состояние и динамика краж грузов на Восточно-Сибирской и Забайкальской железных дорогах за период 2010-2016г.г.

Показатель	Годы						
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Всего зарегистрировано краж на Восточно-Сибирской железной дороге	587	548	470	500	503	444	396
Зарегистрировано краж грузов на ВСЖД	126	108	141	193	185	146	46
Удельный вес в общем количестве краж, %	21,4	19,7	30	38,6	37	32,8	11,6
Темп прироста (цепной), %	4	0,3	0,8	5,1	-7,2	-4,5	-10,8
Всего зарегистрировано краж на Забайкальской железной дороге	698	733	772	664	604	687	583
Зарегистрировано краж грузов на Забайкальской железной дороге	124	134	220	221	147	233	132
Удельный вес в общем количестве краж, %	17,8	18,2	28,4	33,2	24,3	33,9	22,6
Темп прироста, %	4	0,3	0,8	-6,3	-7,2	4,5	-15,7

Анализ представленных данных о кражах грузов из подвижного состава за последние 7 лет (2010-2016 гг.) [2] показывает волнообразный характер динамики их уровня с тенденцией повышения к 2013 г. с незначительным снижением в последующий период (см. табл. 1). Так, например, количество выявленных на железнодорожном транспорте краж грузов в

период 2012-2013гг. возросло почти в 2 раза по сравнению с базовым 2010 годом. Рост рассматриваемых преступлений был обусловлен рядом причин, основными из которых являются: усугубившееся социально-экономическое расслоение населения, низко эффективная деятельность правоохранительных органов.

Динамика преступности, как в стране в целом, так и на объектах грузового железнодорожного транспорта, на сегодняшний день характеризуется снижением. За последние три года наблюдается некоторое снижение как общего количества зарегистрированных краж на объектах железнодорожного транспорта Восточно-Сибирской и Забайкальской железных дорог, так и краж грузов из подвижного состава.

Таким образом, приведенные статистические сведения позволяют утверждать о достаточно сложной криминальной обстановке в сфере грузовых перевозок и о наличии недостатков в профилактике преступности в данной отрасли железнодорожного транспорта. Криминальность в сфере грузовых перевозок на указанном участке Транссиба можно объяснить достаточно большой протяженностью дороги, наличием крупных промышленных городов и соответственно большими объемами грузовых перевозок и при этом низким уровнем их защищенности [3, с. 87].

При решении проблемы предупреждения рассматриваемого вида преступлений необходимо учитывать то обстоятельство, что железнодорожный транспорта характеризуется своими особенностями, накладывающими отпечаток на состояние и динамику грузовых краж, которые заключаются в следующем:

- на объектах железнодорожного транспорта сосредоточено большое количество товарно-материальных ценностей [4, с. 234];
- перемещение груза в пространстве затрудняет определение места совершения хищения.

Кражи грузов из подвижного состава совершаются преимущественно в процессе перевозки товарно-материальных ценностей от станции погрузки до пункта назначения. В связи с периодичностью контроля за подвижным составом, и его перемещением на значительные расстояния довольно часто место кражи груза и место ее обнаружения не совпадают на десятки и сотни километров.

Кроме того, уязвимость подвижного состава, его конструктивные недостатки, довольно часто используются преступниками при осуществлении посягательств на грузы. Одними из наиболее значимых условий, способствующих кражам грузов, являются отсутствие необходимой охраны груза, недостаточный контроль за подвижным составом на железнодорожных станциях и в пути его следования, легкость доступа к перевозимому грузу и др.

На основании изложенного, представляется необходимым расширение полномочий сотрудников полиции по борьбе с преступными посягательствами на грузы.

Деятельность сотрудников ОБППГ должна осуществляться по следующим направлениям:

- контроль за сохранностью грузов на контейнерных площадках и грузовых дворах;

- сопровождение грузовых поездов;

- систематическое патрулирование на грузовых объектах;

- оперативное реагирование при выявлении коммерческих, технических неисправностей вагона (контейнера), создающих условия для совершения кражи груза или указывающих на наличие признаков кражи груза;

- выработка и внедрение новых, а также совершенствование действующих форм и методов работы, направленных на предотвращение (пресечение) краж перевозимых грузов, а также применение современных технических средств охраны (например, запорно-пломбировочных устройств);

- немаловажным направлением в деятельности правоохранительных органов на транспорте по предупреждению краж грузов из подвижного состава является изучение динамики краж на обслуживаемом участке дороги или грузовом объекте, выявление наиболее распространенных мест и способов преступлений. При этом следует обращать внимание на частоту совершения краж грузов работниками того или иного транспортного предприятия, клиентских организаций;

- неотъемлемой составной частью профилактической работы в ОВД на транспорте является усиление индивидуальной профилактики с лицами, склонными к совершению краж. Она включает в себя собственно профилактику, а также предотвращение и пресечение краж грузов.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что наметилась некоторая тенденция к снижению количества зарегистрированных краж грузов из подвижного состава железнодорожного транспорта. Вместе с тем, необходимо обратить внимание, что данная тенденция прослеживается на фоне общего снижения регистрируемых краж на объектах железнодорожного транспорта [1, с. 63]. В связи с этим основное внимание необходимо уделять повышению эффективности деятельности правоохранительных органов по предупреждению, раскрытию и расследованию краж из подвижного состава, которое предполагает изучение структуры и динамики, особенностей их совершения различными группами преступников.

Список литературы и источников

1. Грибунов О.П. Обстановка совершения преступлений как ключевой элемент криминалистической характеристики преступлений, совершаемых на железнодорожном транспорте // Известия Тульского государственного университета. 2013. № 5-2. С. 59-63.

2. Официальный сайт ФКУ ГИАЦ МВД России. URL: <http://10.5.16/csi/modules/> (дата обращения 10.03.2017).

3. Некрасов В.А, Некрасов А.П. Состояние, тенденции и структура краж грузов в сфере грузовых перевозок, совершаемых на объектах железнодорожного транспорта // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 5 (296). С. 87-89.

4. Степанова М.А. Меры предупреждения преступлений против собственности, совершаемых на железнодорожном транспорте, осуществляемые правоохранительными органами // Проблемы в Российском законодательстве. 2008. № 1. С. 233-234.

Е.А. Лайкова (г. Иркутск)

Миграционная преступность: состояние, причины и условия

Российская Федерация является объектом повышенного внимания иностранных граждан и лиц без гражданства. Это объясняется её промышленно-экономическим потенциалом, развитостью инфраструктуры, а также многонациональным составом населения. Незаконная миграция относится к главным стратегическим рискам и угрозам национальной безопасности России в экономической сфере на долгосрочную перспективу. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года [3] прямо указывается на рост угроз, связанных с неконтролируемой и незаконной миграцией (п. 10). К последствиям незаконной миграции относятся развитие теневой экономики за счет использования труда нелегальных мигрантов, рост этнической, интернациональной и трансграничной преступности, организованных форм этих явлений [4, С. 93-94]. По данным МВД России на территорию Российской Федерации из стран ближнего и дальнего зарубежья в 2012 г. въехало 15 889 421, выехало 14 306 029, находилось на территории России 10 085 049 иностранных граждан и лиц без гражданства, в 2013 г. – 17 342 369, 15 919 519, 10 847 352, в 2014 г. – 17 281 971, 16 643 028, 11 072 255, в 2015 г. – 17 333 777, 16 832 808, 9 990 267, в 2016г. – 16 290 031, 14 614 071, 9 747 621 [5].

На долю иностранных граждан и лиц без гражданства приходится значительное количество довольно серьезных преступлений имущественного характера, таких как разбои, грабежи, торговли наркотиками, это связано с ухудшением условий проживания и отсутствием у них финансовых возможностей. Е.В. Ткач приводит сведения о совершении незаконными мигрантами на территории России общественно опасных посягательств: преступления против собственности – 29,6%; преступления в сфере экономической деятельности – 17,5%; незаконный оборот оружия – 1,9%; незаконный оборот наркотиков – 14,4% [6].

Причины, порождающие миграционную преступность в России, разнообразны. Среди наиболее значимых из них выделяют:

- прозрачность государственных границ в сочетании с социальной напряженностью в обществе, а также вооруженными конфликтами;
- недостаточно развитая правовая система и недостаточная интегрированность российской экономики с мировой экономической системой;
- повышение уровня криминальной ситуации в стране;
- низкий уровень взаимодействия правоохранительных органов, осуществляющих борьбу с миграционной преступностью;
- недоверие населения к государственным органам правоохраны, которые осуществляют борьбу с миграционной преступностью [7, С. 9].

Нынешнее состояние миграционной преступности в России характеризуется относительной стабильной направленностью к увеличению количества зарегистрированных преступлений, повышением удельного веса групповой и рецидивной преступности в среде преступников-мигрантов. По статистическим данным МВД России в 2012 г. – 42,7 тыс. из 2 302,2 тыс., было совершено преступлений, иностранными гражданами и лицами без гражданства, в 2013 г. – 47 тыс. из 2 206,3 тыс., а в 2014 г. – 44,4 тыс. из 2 166,4 тыс. в 2015 г. – 46,4 тыс. из 2352,1 тыс. зарегистрированных преступлений, в 2016 г. – 43,9 из 2160,0 тыс. из чего следует, что количество преступлений, совершаемых иностранными гражданами и лицами без гражданства на территории России, составляет около 2 % от общего количества преступлений [8]. Указанные данные свидетельствуют о достаточно стабильном состоянии преступности иностранных граждан и лиц без гражданства. При этом указанные цифры представляют собой лишь официально признанную статистическую картину преступности иностранных граждан. Однако не стоит забывать и о высоком уровне латентности преступности иностранцев, обусловленной рядом причин, среди которых можно отметить отсутствие их должного регистрационного учета, коррупционные связи и т.п. Во многом это связано не только с криминальными наклонностями мигрантов и низким уровнем правосознания, но и с отсутствием должного контроля со стороны органов государственной власти за их пребыванием на территории России [9, С. 101-102]. Еще один вид преступления, связанный с иностранными гражданами и лицами без гражданства – это прописочный бизнес. Предприимчивые граждане превратили прописку в своеобразный бизнес, получивший название «резиновый адрес». Каждый год в России обнаруживаются тысячи «резиновых квартир», в которых сотнями регистрируются мигранты, не имея намерения в них вселяться. Во многих крупных городах России успешно процветает прописочный бизнес, которым занимаются не только физические лица - собственники жилья, но и юридические лица - чаще всего это посреднические агентства (агентства недвижимости). Сущность данного бизнеса состоит в том, что собственники жилых помещений (жилых домов, квартир, комнат

и даже незначительных долей в них) предоставляют за определенную сумму свое жилье для регистрации гражданина по месту жительства или пребывания, при этом массовую рекламу подобных услуг можно встретить в виде объявлений как в СМИ, так и на столбах, в подъездах домов или даже в виде передвижной рекламы [10, С. 1-3], а также в подразделениях и территориальных пунктах ФМС России, находятся лица (посредники) которые предлагают данные услуги, не только иностранным гражданам и лицам без гражданства, но и гражданам России. Согласно данным ФМС России в 2011 году было зафиксировано более 6,4 тыс. таких адресов, по которым было зарегистрировано почти 300 тыс. граждан. В течение последующих двух лет данные показатели возросли в 1,5 раза. По состоянию на конец 2013 года таких адресов насчитывалось уже свыше 10 тыс., а количество зарегистрированных по ним граждан, в том числе и иностранных, оценивается более чем в 500 млн человек [11]. Разновидности посреднической деятельности и, соответственно, посредников, как сдача мигрантам жилья и прописка на своей жилплощади. В основном такими специфическими услугами ради собственной выгоды занимаются представители местного населения, они не интересуются и не понимают, кто будет жить в их квартирах и какой вред тем самым они наносят всем жителям города. Зачастую хозяева жилплощади регистрируют по несколько десятков, а иной раз и несколько сотен иностранных граждан, так, например, жительница Самары в течение последних 5 лет прописала около 35000 человек [12]. Эти случаи не единичны, житель Забайкальского края, в период с января 2013 года по май 2014 года незаконно поставил на миграционный учет более 400 выходцев из стран СНГ [13]. Согласно сведениям представителей рынка недвижимости, в течение года на рынке присутствует около 100-200 тыс. предложений аренды квартир. Как правило, такое жилье сдается неофициально, без уплаты налогов с прибыли. Ежегодно от недополученных налогов российский бюджет теряет примерно 200-300 миллиардов рублей, тем самым нанося российской экономике ощутимый ущерб. Таким образом, бесконтрольное пребывание на территории Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства привело к резкому увеличению потока незаконной миграции и к увеличению совершаемых ими и в отношении их преступлений. В целях противодействия незаконной миграции на сегодняшний день активно используется практика административного выдворения и депортации в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства. Основной составляющей правового регулирования противодействия организации незаконной миграции и связанные с ней преступлений, является Уголовный кодекс Российской Федерации (далее УК РФ). При этом он играет значительную роль в предупреждении преступлений, совершаемых как иностранными гражданами, так и в отношении них. Следует отметить, что УК РФ неоднократно подвергался изменениям, которые отражали вопросы уголовно-правового регулирования

борьбы с незаконной миграцией и связанными с не противоправными деяниями. Так, Федеральным законом от 28 декабря 2004 года № 187-ФЗ законодатель в УК РФ включил статью 322.1 «Организация незаконной миграции» [14]. В целях усиления контроля за регистрацией и постановкой на учет иностранных граждан и лиц без гражданства 21 декабря 2013г. Федеральным законом № 367-ФЗ были криминализованы еще два противоправных деяния, предусмотренные ст. 322.2 «Фиктивная регистрация гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации и фиктивная регистрация иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации» и ст. 322.3 «Фиктивная постановка на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в жилом помещении в Российской Федерации» [15]. Стоит отметить, что анализ судебной практики показал, что за совершение указанных преступлений в 2014 г. было осуждено 223 человека (ст. 322.2 УК РФ) и 3 344 человека (ст. 322.3 УК РФ); в 2015 по ст. 322.2 УК РФ к уголовной ответственности было привлечено 486 человек, по ст. 322.3 УК РФ – 5 543 человека, за 6 месяцев 2016 г. по ст. 322.2 УК РФ – 501 человек, по ст. 322.3 УК РФ – 3424[16].

Список литературы и источников

1. Гаухман Л. Д. Предупреждение преступности. М.: Акад. МВД СССР, 1991. С. 439.
2. Байбурина Э.Р. Организация незаконной миграции: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 199.
3. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: утверждена Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537.
4. Никитенко И.В. Миграционная безопасность России (криминологический аспект): монография / под ред. Ю.М. Антоняна. М., 2013. 315 с.
5. Статистические сведения по миграционной ситуации в РФ за 2015 г Управление федеральной миграционной службы. Официальный сайт. URL:<http://www.38.fms.gov.ru/>
6. Ткач Е.В. Нелегальная иммиграция и этническая преступность. URL: <http://jurnal.amvd.ru/indviewst.php?stt=116&SID> (дата обращения 01.02.2016).
7. Ерохина Л. Д., Буряк М. Ю. Нелегальная миграция и организованная преступность: региональные аспекты // Юридический вестник. 2009. № 10. 357 с.
8. Состояние преступности в России за 2013, 2014, 2015, 2016 гг. Официальный сайт МВД России. URL:<http://mdd.ru/Deljatelnost/statistics/reports>(дата обращения 19.01.2017)

9. Андрюшенков В.А. Специальный субъект преступления «организация незаконной миграции» по российскому законодательству // Преемственность и новации в юридической литературе: материалы науч. конф. Омск: Омская академия МВД России, 2012. Вып. 8. 471 с.

10. Лейба А. Нет «резиновым» квартирам // ЭЖ Юрист. 2014. № 8.

11. Данные озвучены руководителем ФМС России на заседании Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека на тему «О совершенствовании регистрационного учета граждан Российской Федерации и противодействии нелегальному обороту государственных документов» 19 ноября 2013 г.

12. В Самаре появится спецгостиница для мигрантов. URL: <https://www.samara.ru> (дата обращения 14.03.2017).

13. Житель Читы за 1,5 года незаконно поставил на учёт более 400 мигрантов – УФСБ. URL: http://chitavesti.ru/news/gorod/27676_zhitel-chitya-za-15-goda-nezakonno-postavil-na-uch.html (дата обращения 27.03.2017).

14. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 28 декабря 2004 г. № 187-ФЗ» // СПС Консультант Плюс.

15. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 21 декабря 2013 г. № 376-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 51. Ст. 6696.

16. Статистика. Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации. 2014, 2015 гг. URL: www.cdep.ru.

К.В. Кузнецов (г. Ульяновск)

Влияние отдельных антиобщественных национальных (этнических) традиций и обычаев на криминальную деятельность организованных этнических преступных формирований

Предупреждение организованной этнической преступности на протяжении длительного периода времени является одной из наиболее актуальных тем для отечественной криминологической и уголовно-правовой доктрины.

Однако аспектам влияния антиобщественных по своей направленности с точки зрения современного социума национальных (этнических) обычаев и традиций на криминальную деятельность организованных преступных формирований, созданных по этническому принципу, необходимо внимание со стороны исследователей, которые, как правило, ограничиваются рассмотрением лишь отдельных сторон данного вопроса, не уделялось.

Вместе с тем С.Я. Лебедев справедливо отмечает, что передающиеся из поколения в поколение обычаи и традиции обеспечивают преемственность опыта предков, который при этом может быть не только социально полезным, но и социально вредным [1, С. 38]. Данное явление находит своё непосредственное отражение в том, что до настоящего времени распространены отдельные антиобщественные национальные (этнические) обычаи и традиции, негативное влияние которых во многом обуславливает совершение представителями национальных (этнических) диаспор преступлений, поскольку в общественном сознании народа (этноса) эти деяния не воспринимаются как нечто противоправное.

В ходе настоящего исследования были опрошены 213 научных сотрудников НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации и сотрудников правоохранительных органов г. Москвы, Ульяновской и Волгоградской областей, Республик Татарстан, Крым, Коми, Хабаровского края.

Результаты их опроса показали, что в целом с мнением о том, что на специфику криминальной деятельности организованных этнических преступных формирований, а также мотивацию их участников, оказывают существенное влияние национальные (этнические) культурные обычаи и традиции, согласились 68,6% опрошенных респондентов, 19,2% выразили несогласие с данной точкой зрения и 12,2% затруднились ответить на данный вопрос.

Рассмотрим же данное негативное влияние более подробно на примере отдельных антиобщественных обычаев и традиций.

Одним из наиболее распространенных обычаев обозначенной категории выступает сложившийся у отдельных народов (этносов) обычай употребления наркотических средств.

Так, Т.И. Ульянкина и А.М. Зюков в своих трудах отмечают, что для народов Средней и Центральной Азии традиционным является употребление опиума и иных «лёгких» наркотических средств в качестве медицинских препаратов для личного употребления, вследствие чего торговля наркотическими средствами для них, как правило, не является чем-то преступным [2, С. 3; 3, С. 124-126].

Анализ материалов судебной практики показывает, что для узбеков национальным обычаем является употребление масла каннабиса (гашишного масла) [4]. В свою очередь, курение наркотиков из конопли выступает в качестве национального обычая у таджиков [5].

Изученные в ходе исследования материалы уголовных дел и судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 228, 228.1 УК РФ, совершенных в составе организованных этнических преступных формирований, показали, что 40% из них совершены цыганскими этническими группами и преступными сообществами, 35% - таджикскими, 17,5% - азербайджанскими и 7,5% - узбекскими. Таким образом, можно сделать

вывод о том, что организованными преступными формированиями, созданными из представителей народов (этносов) Средней Азии совершается около половины всех преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ.

Особый интерес представляют антиобщественные обычаи и традиции народов Северного Кавказа. Наиболее известным и широко распространённым из них является обычай «кровной мести». Основная суть данного обычая в его традиционном понимании состоит в том, что согласно древним адатам и нормам шариата за убитого вправе отомстить его родственники, точнее его «кровник», при этом в качестве объекта мести не всегда выбирался непосредственный виновник, по решению общины могла быть произведена замена данного лица [6, С. 44].

Вместе с тем в наши дни данный обычай нередко используется действующими в Северо-Кавказском регионе этническими преступными формированиями для оправдания своей террористической деятельности. Причина такого поведения достаточно проста. Участники созданных по этническому принципу преступных формирований, к тому же объединённых едиными радикальными религиозными взглядами, обычно воспринимают друг друга в качестве братьев, членов одной большой семьи. Соответственно, убийство каждого из них «неверными», по мнению участников таких преступных формирований, даёт повод для убийства самих неверных, при этом в качестве объектов террористических атак могут выступать как военнослужащие и сотрудники правоохранительных органов, так и мирное население.

Не утратил до настоящего времени своего влияния и основанный на древних адатах обычай «убийства чести», суть которого состоит в том, что родственники «имеют право» убить опозорившего их члена семьи (например, отец – дочь) в интересах сохранения чести семьи и избежания еще большего порицания и позора в глазах остальных членов общины [7].

Отчётливо он проявляется в деятельности организованных этнических преступных формирований террористической направленности и, в первую очередь, при совершении преступлений террористами-смертниками.

Данной мотивацией, в частности, руководствовалась желавшая смыть позор с семьи за своё неподобающее канонам ислама поведение шахидка З. Мужахоева, которую задержали при попытке совершения теракта в Москве в 2003 г., взорвавшая себя на КПП в Секторе Газа в 2004 г. смертница террористической организации «Хамас» Р. Иши, желавшая искупить вину в супружеской измене, и многие другие.

Чеченскому народу, как и многим народам Северного Кавказа, также присущи обычаи взаимопомощи («белхи») и конфискации излишне нажитого членами общины имущества («байталвакхар») [8, С. 63-65]. Данные обычаи, хотя и не являются антиобщественными, однако совокупности по-

рождают коллективизм и тесные взаимоотношения между членами одной общины или группы, основанные на взаимовыручке и родственных связях. При этом отношение к чужой собственности, как видно из обычая байтал-вакхар, является второстепенным перед интересами общины, что свидетельствует о крепких кланово-родовых (тейповых) отношениях. Недаром чеченская народная пословица гласит: «Аул без согласия и семья без согласия - погибли».

Тесно связан с вышеперечисленными присущий народам вайнахской этнической группы (чеченцы, ингуши и др.) обычай «куначества». Данный древний обычай направлен на обеспечение взаимопомощи горцев, приходящихся «кунами» по отношению друг к другу. По этой причине в современных реалиях данный обычай обладает повышенным криминогенным потенциалом. В частности, У.Т. Сайгитов отмечает, что обычай «куначества» достаточно часто служит серьёзным препятствием для расследования преступлений в Северо-Кавказском регионе, в особенности совершенных организованными преступными формированиями. Нередко это обусловлено основанными на «куначестве» тесными дружескими по своему характеру взаимоотношениями между участниками организованных преступных формирований и сотрудниками правоохранительных органов [9, С. 45-46]. При этом «куначество» в данном случае может проявляться в совершении участниками созданных по этническому принципу организованных преступных формирований преступлений, предусмотренных ст.ст. 294, 295, 296, 307, 308 и 309 УК РФ, а равно совершению перечисленных преступлений иными лицами в интересах данных преступных формирований.

Не меньшую общественную опасность представляет сложившийся у цыган обычай похищения невесты, использование которого, в том числе и в качестве оправдания своей преступной деятельности, и в наши дни практикуется ими для похищения людей (ст. 126 УК РФ) [10]. Аналогичный обычай также имеет место и у дагестанцев с чеченцами, что также признаётся сложившейся судебной практикой [11, 12].

Одним из ярко-выраженных негативных явлений является использование обычая беспрекословного подчинения главе семьи (клана) у цыган для вовлечения членов семьи в общую преступную деятельность, фактически не оставляя им при этом права выбора.

К примеру, на основании приговора Железнодорожного районного суда г. Читы от 06.11.2015 по делу № 1-363/2015 к лишению свободы за совершение преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 210; п. «а» ч. 4 ст. 228.1; ч. 3 ст. 30 п.п. «а» и «г» ч. 4 ст. 228.1; п. «а» ч. 4 ст. 174. 1 УК РФ осуждена участница цыганского преступного сообщества, специализирующегося на распространении героина на территории г. Читы. При этом в ходе рассмотрения материалов уголовного дела суд пришел к выводу о том, что обвиняемая вступила в преступное сообщество, возглавляемое её супругом, следуя вышеупомянутому цыганскому обычаю [13].

Для проживающих на Дальнем Востоке китайцев традиционным является промысел в виде охоты на обитающих в данном регионе животных и добычи растений, которые в настоящее время занесены в Красную книгу Российской Федерации, а также их использование для приготовления кулинарных деликатесов и в традиционной китайской медицине. При этом масштабы незаконной добычи китайскими преступными сообществами биологических ресурсов по оценке С.Н. Ляпустина и В.К. Арсеньева являются колоссальными, так как данная деятельность осуществлялась их предками на территории данного региона на протяжении многих столетий и не является согласно сформировавшимся в их сознании представлениям преступной [14, С. 53-61].

Вместе с тем какие-либо действенные меры, направленные на минимизацию негативного влияния перечисленных и иных антиобщественных национальных (этнических) обычаев и традиций, российским законодателем в настоящее время не фактически не предпринимаются.

Ранее на основании Федерального закона от 24.07.2007 № 211-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму» ч. 2 ст. 105 УК РФ была дополнена п. «е¹», предусматривающим квалифицированный состав убийства, совершенного по мотивам кровной мести [15]. Аналогичные по своему содержанию нормы также содержались в п. «к» ст. 102, ст. 231 УК РСФСР 1960 г. [16]

Однако при таком подходе законодателем был принят во внимание лишь один антиобщественный обычай, в то время как негативное воздействие иных обычаев и традиций данной категории им было необоснованно проигнорировано.

В этой связи целесообразно внесение изменений в ч. 1 ст. 63 УК РФ путем дополнения её пунктом «е²) совершение преступления в силу национальных (этнических) обычаев и традиций».

Дискуссионным является вопрос о юридической конструкции данной уголовно-правовой нормы и её месте уголовном законе. Помимо внесения соответствующих изменений в ст. 63 УК РФ в качестве альтернативного варианта можно рассмотреть вопрос о конструировании квалифицированных составов отдельных преступлений, предусмотренных Особенной частью УК РФ, как это было сделано в случае с вышеупомянутым убийством по мотиву кровной мести. Вместе с тем, на наш взгляд, данный вариант является менее рациональным, так как перечень преступлений, совершаемых в силу национальных (этнических) обычаев и традиций, за исключением совершаемых в силу обычая кровной мести, может быть достаточно широк. В этой связи может быть допущено как недостаточное, так и избыточное уголовно-правовое регулирование общественных отношений в указанной сфере.

В целом же, значимость превентивного воздействия уголовно-правовых запретов неоднократно подчеркивалась в трудах Е.А. Рапопорт, В.М. Коган и др., поэтому данные механизмы вполне успешно могут применяться для предупреждения отдельных аспектов криминальной деятельности организованных этнических преступных формирований [17, С. 8; 18, С. 89].

Положительно данную инициативу также оценили более двух третей (67,14%) опрошенных в ходе настоящего исследования респондентов, одна треть опрошенных (30,52%) высказались против данного предложения, а 2,34% затруднились ответить.

Список литературы и источников

1. Лебедев, С.Я. Традиции, обычаи и преступность: теория, методология, опыт криминологического анализа / С.Я. Лебедев. М.: Межрегиональный центр коммерческой безопасности, 1995. 166 с.
2. Ульянкина, Т.И. История опиумных препаратов и проблема возникновения наркомании // РМЖ. 1997. № 14. С. 3.
3. Зюков, А.М. Антиобщественные традиции, обычаи и привычки различных этнических групп // Современное право. 2010. № 5. С. 124-127.
4. Архив Новониколаевского районного суда Волгоградской области за 2015 г. Дела № 1-14/2015, 1-15/2015 и 1-16/2015.
5. Архив Железнодорожного районного суда г. Читы Забайкальского края за 2012 г. Дело № 1-46/2012.
6. Нанаева, Б.Б., Умаров, У.М. Кровная месть как институт социально-правового регулирования родовых отношений // Теория и практика общественного развития. 2011. № 7. С. 43-46.
7. Их хоронят отдельно, как самоубийц. Почему на Кавказе не прекращаются убийства чести // Лента.Ру. URL: <https://lenta.ru/articles/2016/03/25/honorkilling/> (13.04.2017).
8. Шавлаева, Т.М. О некоторых значимых обычаях в традиционном обществе чеченцев (по этнографическим материалам) // Общество: история, философия, культура. 2016. № 10. С. 63-65.
9. Сайгитов, У.Т. Влияние традиций и обычаев на преступность в Республике Дагестан // Журнал российского права. 2004. № 3. С. 43-47.
10. Архив Зарайского городского суда Московской области за 2015 г. Дело № 1-45/2015.
11. Архив Кайтагского районного суда Республики Дагестан за 2015 г. Дело № 1-38/2015;
12. Архив Заводского районного суда г. Грозный Республики Чечня за 2014 г. Дело № 1-51/2014.
13. Архив Железнодорожного района г. Чита за 2015 г. Дело № 1-363/2015

14. Ляпустин, С.Н., Арсеньев В.К. О браконьерстве и контрабандном вывозе биоресурсов на Дальнем Востоке // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. – 2007. – № 4. – С. 53-63.

15. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму: Федеральный закон от 24.07.2007 № 211-ФЗ» (ред. от 22.02.2014) // СЗ РФ. 2007. № 31. Ст. 4008.

16. Уголовный кодекс РСФСР от 27.10.1960 (ред. от 25.04.1991) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

17. Рапопорт, Е.А. Уголовно-правовые основы предупреждения преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2001. 194 с.

18. Коган, В.М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия / В.М. Коган; отв. ред.: Кудрявцев В.Н. М.: Наука, 1983. 183 с.

Е.С. Стешич (г. Ростов-на-Дону)

Аномия и правовой нигилизм как интегративные факторы преступлений, связанных с убийством

Ученые констатируют ускорение и усложнение динамики общественных процессов в стране, обесценивание прежних норм, рождение новых, их наложение друг на друга, что порождает социальную аномию. В таком обществе, как пишет, в своем исследовании Мещерякова Н.Н., доминируют риски, оно становится принципиально рискогенным. Отношения в нем постоянно усложняются, при этом наблюдается «текучесть морали», а то, что было нормой, превращается в абсурд [1, с. 3; 2-4].

Динамика умышленных и неосторожных преступлений против жизни особенно «чувствительна» к изменениям в духовной сфере личности, общества и государства. Отмечаемые в настоящее время явления аномии и правового нигилизма продуцируют пересмотр жизненных интересов, идей, стремлений, надежд, то есть ценностно-нормативной сферы личности, являющейся внутренним «фильтром», цензором всех поступков человека.

В результате для некоторых людей жизнь другого человека, или, даже, собственная перестает занимать приоритетное место в системе базовых ценностей, что ложится в основу любого преступного поведения, как умышленного, так и неосторожного. Если это, например, досуговое или бытовое нетяжкое насилие, повлекшее смерть, то виновный его оправдывает случайностью, незнанием, эмоциями, провокацией со стороны потерпевшего, тем, что все люди друг друга бьют и это нормально. Если это профессиональная неосторожность, повлекшая гибель людей, то она

оправдывается невнимательностью, отвлечением, усталостью, влиянием ситуации или ролью техники.

Считаем, что приведенные случаи есть результат *вытеснения* из повседневных, профессиональных и других отношений морали и нравственности: представлений о добре, сопереживании, долге, чести, ответственности и пр., которые «призывают» (обязывают) человека к взвешенным решениям. Им на смену приходит индивидуализм, черствость и безразличие к интересам других людей. Рассмотрение мотивации преступлений, связанных с убийством, через призму аксиологии, убеждает в наличии общей черты личности виновных в умышленном и неосторожном лишении жизни - недостаточное уважение (или его полное отсутствие) к ценности чужой человеческой жизни.

Проведенный нами анализ личностных особенностей преступников, совершивших умышленные убийства, либо лишивших жизни потерпевших по неосторожности, показал, что у абсолютного большинства и тех и других имеется устойчиво выраженный агрессивно-насильственный тип поведения, для которого характерно негативно-пренебрежительное отношение к человеческой жизни. Их поведенческий стереотип является результатом глубокой деформации личности, следствием которой выступает снижение самоконтроля и предпочтение решать конкретные жизненные ситуации, в том числе конфликтные, агрессивным путем. Также довольно характерной линией посткриминального их поведения является проявление моральной нечувствительности, бездушия, отсутствие сострадания и раскаяния.

Преступления, связанные с убийством, как особый феномен криминального насилия, определяются практически теми же причинами и условиями, как и вся преступность. Однако, как указывают криминологи, для таких преступлений характерен более широкий круг и более высокая степень интенсивности воздействия криминогенных факторов, формирующих не только высокий уровень напряженности в обществе и микросреде, но и негативные стереотипы поведения, дополняемые представлениями о вседозволенности и безнаказанности [5, с. 426].

Такой же позиции придерживается и С.Г. Кара-Мурза, пытаясь найти связь преступности с отчуждением, отвержением и разрывом солидарности общества, т.е. аномией. По его мнению, в обществе, где не только отдельные индивиды, но и целые социальные группы перестают чувствовать свою причастность к данному обществу. Происходит психологическое отчуждение, при котором социальные нормы и ценности, мораль и высокие идеалы попросту отвергаются, формируя неопределенность социального положения, что в итоге приводит к утрате чувства солидарности и нарастанию отклоняющегося и саморазрушительного поведения. «Аномия – духовная опустошенность, неизбывная тоска, которая толкает или к преступлению, или к алкоголю и наркотикам, или к самоубийству» [6, с. 7-8,

10]. ««Острая» аномия возникает при полном распаде системы убеждений, вызывая психические расстройства, самоубийства и массовые движения» [7, с. 90].

Основой такого размежевания в российском обществе, ведущего нередко к самым опасным последствиям в виде гибели людей, выступает, на наш взгляд, социально-экономические диспропорции и противоречия. О преимущественной роли социально-экономического неравенства в генезисе преступности и насильственных преступлений довольно часто упоминается в юридической литературе [9; 10]. Указанный вид неравенства впоследствии отражается и в возможностях реализации правовых гарантий. Именно с этой позиции можно объяснить факт того, что за однотипные убийства или причинение смерти по неосторожности в результате того же дорожно-транспортного происшествия, суды назначают совершенно различные виды и сроки наказания. Одни лишаются свободы, другие, как правило, относящиеся к более привилегированному классу, остаются на свободе. Так, за 2015 из более чем 9 тыс. осужденных за убийство 52-м из них было назначено наказание условно, в том числе 1-му за квалифицированное убийство (ч. 2. ст. 105 УК РФ). В первом полугодии 2016 года из более чем 4,3 осужденных за убийство 26 осуждены условно, в том числе 7 по ч.2. ст. 105 УК РФ! Еще более интересная ситуация просматривается исходя из анализа судебной практики о преступлениях, предусмотренных ст. 264 УК РФ. Так, в 2015 году российскими судами были осуждены почти 4,8 человек по ч. 3-6 ст. 264 УК РФ, где в качестве последствий имела место смерть одного или нескольких потерпевших. При этом 30,2% были осуждены условно! В первой половине 2016 года условно осужденные за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств при особо отягчающих обстоятельствах составили более 34,3%. Иными словами, «главным источником неодинаковых возможностей удовлетворять потребности служит социально-экономическое неравенство, занятие людьми различных неоднородных позиций в социальной структуре общества» [10, с. 169-188].

На современную криминологическую ситуацию, связанную с предупреждением преступлений против жизни оказывает влияние интенсивное, но непоследовательное развитие современного уголовного законодательства и правоприменительной практики, в которых также просматриваются признаки правового нигилизма [12, с. 52-56]. Как отмечает проф. Т.В. Кленова: «Симптомом понижения уровня профессионального правосознания является терпимое отношение к недостоверным и незаконным выводам по уголовным делам, и даже оправдание таких решений. Например, установка на оправдание отклоняющейся практики проявляется в использовании понятия «квалификационная ошибка» не только применительно к допущенным по заблуждению, но и к преднамеренным случаям неправильного применения уголовного или уголовно-процессуального за-

конов при квалификации преступлений. В свою очередь квалификация преступлений влияет на правовое сознание и культуру основных адресатов уголовного закона – граждан Российской Федерации» [13, с. 40-44].

Криминологический анализ практики уголовно-правовой защиты жизни показал, что убийства «растворяются» в других преступлениях, связанных со смертью потерпевшего, и в силу ряда причин (процессуального, криминалистического, организационно-управленческого, ведомственного и т.п. характера) не квалифицируются как таковые. Наблюдается «смягчение» квалификации и назначаемых наказаний по всем преступлениям против жизни, широкое прекращение уголовных дел и применение амнистий по неосторожным преступлениям, влекущим тяжчайшие последствия, «экономия» средств преступника при компенсации морального вреда жертвам убийств, эквивалент которого судами уравнивается или, даже, оценивается ниже компенсации морального вреда при защите чести и деловой репутации бизнесменов и чиновников.

Изложенное даже в общих чертах свидетельствует об отсутствии должного внимания к обеспечению безопасности человека. Не учитывается, что в результате причинения смерти ослабевают общественные отношения, охраняющие аналогичное благо других граждан – потенциальных потерпевших. Происходит это потому, что, как точно отметили П.А. Фелов, В.Д. Филимонов, ослабление охранительной способности провоцирует на соответствующие нарушения других лиц, которые видят пример удовлетворения своих интересов за счет других лиц, общества, государства. В тех случаях, когда преступление остается безнаказанным или наказывается неоправданно мягко, у неустойчивых лиц формируется представление как о выгодности преступного способа удовлетворения своих потребностей, так и об оправданности риска его совершения, а у правоопослушных граждан возникает тревога за безопасность своих интересов [14, 54; 15, с.108; 16, с. 27].

Так, вряд ли даже из трагедии, унесшей жизни детей на Сямозере в Карелии будут сделаны надлежащие выводы. За халатность фельдшеру, не поверившей мольбе ребенка о помощи было назначено 3 года л/с из 7-ми возможных. При этом применена отсрочка отбывания наказания. И прокуратура, определив 4 года л/с для виновной, и суд, назначивший 3 года – все «вошли в положение»... преступника [17]. По сути, органы власти, экономя уголовную репрессию в этом вопиющем случае, также проявили отчужденность к горю и черствость к судьбе погибших, что в полной мере показал приговор.

Выступая на заседании коллегии СК РФ Н. Бастрыкин отметил, что только за полтора года потерпевшими от преступлений в сфере организации детского отдыха и оздоровления признано 658 несовершеннолетних. Из них погибло 56 детей, 38 причинен тяжкий вред здоровью, 28 – средней тяжести и 227 – легкий вред здоровью. «Нет ни единого нормативно-

правового акта, который бы определял, как это было в советский период... координацию, кто ее осуществляет, и кто за что отвечает» [18]. Это так. Правда и то, что приговор в прежние времена был бы значительно строже.

На этом фоне закономерно снижается доверие населения к власти и основному закону страны. По данным ВЦИОМ (декабрь 2016 года) 32% респондентов отметили, что роль Конституции РФ в жизни общества незначительна, 27%, что все ее положения формальны, так как в реальности не исполняются. Наиболее часто, по мнению опрошенных, нарушается право на охрану здоровья – 34%, на социальное обеспечение (по возрасту, в случае болезни) – 28%, право на защиту своих прав и свобод, включая судебную защиту – 26%, право на жизнь – 12% [19].

Таким образом в межличностных отношениях, в сфере общественной жизни, в деятельности государственных органов повсеместно наблюдаются явления аномии и правового нигилизма. Понижая значимость жизни человека как высшей нравственно-правовой ценности, они выступают интегративными факторами преступлений, связанных с убийством.

Список литературы и источников

1. Мещерякова Н.Н. Особенности аномии в современном российском обществе синергетический подход: дис. ... д-ра соц. наук. М., 2015.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельник и Н. Фёдоровой; посл. А. Филиппова. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
3. Рыльская Е.А. Психология жизнеспособности человека: автореф. дис. ... д-ра псих. наук. Ярославль, 2014.
4. Матевосова Е.К. Правовое воспитание как средство борьбы с правовым нигилизмом: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.
5. Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова; 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2006.
6. Кара-Мурза С.Г. Аномия в России: причины и проявления. М.: Научный эксперт, 2013.
7. Феофанов К.А. Социальная аномия: обзор подходов американской социологии // СОЦИС. 1992. № 5.
8. Качалов В.В., Баранчикова М.В. Терроризм как глобальная проблема современности // Наука и практика. 2015. № 2 (63).
9. Гишинский Я.И. Генезис преступности. Проблема причинности в криминологии // Российский ежегодник уголовного права. 2007. СПбГУ, 2008.
10. Гишинский Я. Социально-экономическое неравенство как криминогенный фактор (от К. Маркса до С. Олькова) // Экономика и право / ред. А.П. Заостровцев. СПб.: Наука, 2009.
11. Коршунов А.В., Забавко Р.А. О существующих противоречиях УК и УПК // Законность. 2016. № 1 (975).

12. Кленова Т.В. Квалификация преступлений как предмет культурно-правового анализа / Уголовная политика и культура противодействия преступности : материалы междунар. науч.-практ. конф., 30 сент. 2016 г. : в 2 т. / редкол.: К. В. Вишневецкий, И. А. Паршина, И. В. Танага, П. В. Максимов, А. З. Хун. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2016. Т. I.
13. Филимонов В.Д. Охранительная функция уголовного права. СПб., 2003.
14. Филимонов В.Д. Принципы уголовного права. М.: Центр ЮрИнфоР, 2002.
15. Фефелов П.А. Механизм уголовно-правовой охраны (основные методологические проблемы). М., 1992.
16. Проигнорировавшую звонок от тонувших детей на Сямозере фельдшера приговорили к трем годам колонии. URL: https://www.dp.ru/a/2017/04/04/Proignirovavshuju_zvonok
17. Бастрыкин рассказал, с чем была связана трагедия на Сямозере. URL: <http://svcomercio.info/78961-bastrykin-rasskazal>
18. Конституция России: права и свободы. Пресс-выпуск № 3264. 12 декабря 2016. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115994>

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. Баранчикова М.В., Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, заместитель начальника кафедры уголовного права, криминологии и психологии, канд. юрид. наук
2. Бархатова Е.Н., Восточно-Сибирский институт МВД, доцент кафедры уголовного права и криминологии, канд. юрид. наук
3. Беляева Л.И., Академия управления МВД России, профессор кафедры уголовной политики, д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист РФ
4. Боронов А.М., Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации РФ, магистрант 2 года обучения
5. Воронов А.С., Восточно-Сибирский институт МВД, курсант 2 курса факультета правоохранительной деятельности
6. Габеев С.В., Восточно-Сибирский институт МВД, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
7. Гармышев Я.В., ЮИ БГУ, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса, канд. юрид. наук
8. Гриценко Е.Н., Владивостокский филиал Российской таможенной академии, студент
9. Дядюн К.В., Российская таможенная академия (Владивостокский филиал), кафедра уголовно-правовых дисциплин; (Санкт-Петербургский государственный университет), доцент (докторант) канд. юрид. наук, доцент
10. Евдокимов К.Н., Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, канд. юрид. наук, доцент
11. Ефимушкина К.Э., Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, студентка
12. Живодрова Н.А., Пензенский государственный университет, доцент кафедры уголовного права, канд. юрид. наук
13. Забавко Р.А., Восточно-Сибирский институт МВД, преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
14. Земцова Е.С., Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, студентка
15. Злобина О.Ю., Иркутский государственный медицинский университет, доцент кафедры судебной медицины с основами правоведения, канд. мед. наук
16. Зыков К. А., Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, студент
17. Ивушкина О.В., Восточно-Сибирский институт МВД, адъюнкт кафедры уголовного процесса и криминалистики

18. Измestьева Е. А., Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, студентка
19. Ишигеев В.С., Восточно-Сибирский институт МВД, профессор кафедры уголовного права и криминологии, д-р юрид. наук, профессор
20. Камалиева А.Р., Казанский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, специалист по кадрам
21. Кобец П.Н., Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, главный научный сотрудник, д-р юрид. наук, профессор
22. Краснова К. А., Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, ведущий научный сотрудник, д-р юрид. наук, доцент
23. Кузнецов К.В., Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, прокуратура Ульяновской области, аспирант, прокурор отдела по надзору за исполнением законов в сфере экономики управления по надзору за исполнением федерального законодательства
24. Кузьмина Н.В., Костромской государственный технологический университет, доцент кафедры уголовного права, процесса и криминалистики, канд. юрид. наук, доцент
25. Куклин О.А., Уральский государственный экономический университет студент
26. Лайкова Е.А., Восточно-Сибирский институт МВД, адъюнкт
27. Малыхина Т.А., Восточно-Сибирский институт МВД, доцент кафедры уголовного права и криминологии, канд. юрид. наук, доцент
28. Марчевский Н.К., Восточно-Сибирский институт МВД, курсант 2 курса факультета правоохранительной деятельности
29. Найманов А. В., Кузбасский институт ФСИН России, курсант
30. Номогоева М.А., Юридический институт Иркутского государственного университета, магистрант
31. Орищенко Р. Е., Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, студент
32. Паркина В.А., Пензенский государственный университет, студентка
33. Попов В.Н., Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, студент
34. Постоялко А.А., Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), студентка
35. Пузикова А.В., ЮИ БГУ, магистрант
36. Родивилин И.П., ГУ МВД России по Иркутской области, старший оперуполномоченный отдела «К» (по борьбе с правонарушениями в сфере информационных технологий)
37. Родивилина В.А., Следственное управление межмуниципального управления МВД России «Иркутское», старший следователь отдела по

расследованию преступлений на территории Свердловского района, обслуживаемой отделом полиции № 2

38. Романова А.С., Юридический институт Иркутского государственного университета, магистрант

39. Романова О.Ю., Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, студентка

40. Руколеев В.А., Уральский государственный экономический университет, студент

41. Солодун Ю.В., Иркутский государственный медицинский университет, заведующий кафедры судебной медицины с основами правоведения, д-р мед. наук

42. Сошникова И.В., Уральский государственный экономический университет, доцент кафедры публичного права

43. Страхова М.А., Пензенский государственный университет, студентка

44. Тамбовцева Г.М., Восточно-Сибирский институт МВД, профессор кафедры уголовного права и криминологии, канд. юрид. наук, доцент

45. Таюрская Е.А., Восточно-Сибирский институт МВД, доцент кафедры уголовного права и криминологии, канд. юрид. наук

46. Усов Е.Г., ГУ МВД России по Иркутской области, оперуполномоченный отдела «К» (по борьбе с правонарушениями в сфере информационных технологий)

47. Халиков И.А., Казанский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, старший преподаватель

48. Чернов А.В., Восточно-Сибирский институт МВД, профессор кафедры уголовного права и криминологии, д-р юрид. наук, профессор

49. Швейгер А.О., Дальневосточный юридический институт МВД России, старший преподаватель, канд. юрид. наук

50. Шерстова А.И., Юридический институт Байкальского государственного университета, магистрант

51. Шилкина А.А., Юридический институт Иркутского государственного университета, магистрант

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

В Восточно-Сибирском институте МВД России ежегодно проводится межвузовская научно-практическая конференция **«Уголовный Закон Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования»**.

В конференции планируется работа по трем основным направлениям:

1. Актуальные проблемы реализации положений Общей части Уголовного закона.
2. Актуальные проблемы реализации Особенной части Уголовного закона.
3. Актуальные проблемы предупреждения преступлений.

Планируется обсуждение вопросов, связанных с изменением Уголовного кодекса РФ, проблемными вопросами его применения, эффективностью наказания и др.

По итогам работы конференции планируется издание сборника, индексированного в РИНЦ. В связи с этим факт предоставления статьи в оргкомитет конференции означает заключение между автором и ФГКОУ ВО ВСИ МВД России устного договора на передачу исключительных прав на текст статьи и согласие автора на публичное размещение статьи.

Для участия в конференции необходимо направить в адрес оргкомитета заявку (прил. 1), а также текст статьи, по которой планируется выступление. Проезд и проживание участниками конференции оплачивается самостоятельно. Участие в работе конференции бесплатное.

Требования, предъявляемые к оформлению текста работы: Объем – до 6 страниц машинописного текста, выполненного в текстовом редакторе MSWord (расширение файла .doc, .docx или .rtf). Интервал текста – 1.5, шрифт Times New Roman, кегль 14. Выравнивание текста по ширине, абзацный отступ 1.25. Поля – 2 со всех сторон. Ссылки концевые, оформляются в ручном режиме, в квадратных скобках по тексту, с указанием страницы. Обязательно указываются инициалы, фамилия, город (выравнивание по правому краю), далее через пустую строку заглавие статьи (выравнивание по середине), далее через 2 пустые строки текст статьи (прил. 2). При подготовке статей рекомендуем ознакомиться с работами, опубликованными в научном журнале «Вестник Восточно-Сибирского института МВД России», полные тексты которых размещены в РИНЦ.

Статья и заявки представляется в оргкомитет в электронном виде. Ответственность за достоверность данных, соблюдение авторских прав авторы несут самостоятельно. Все статьи рецензируются. Мнение авторов может не совпадать с мнением оргкомитета. Организаторы оставляют за собой право отказать в публикации авторам, статьи которых не соответствуют обозначенным выше требованиям. Все статьи проверяются на ори-

гинальность в системе «Антиплагиат. ВУЗ». Статьи, содержащие сведения ограниченного распространения, к публикации не принимаются.

Конференция проводится по адресу: г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110. Проезд до остановки «Институт МВД» автобусами № 3, 4, 7, 49, 61, 64, 21, 23, 18, 480 и др.

Контакты: г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110, кафедра уголовного права и криминологии, т. +79027676272, zabavko@list.ru, rzabavko@mvd.ru Забавко Роман Алексеевич

Приложение 1

Заявка*

на участие в работе конференции «**Уголовный Закон Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования**»

(все графы обязательны для заполнения)

Фамилия Имя Отчество	
Место работы (учебы)	
Должность	
Тема доклада	
Ученая степень / ученое звание	
Адрес (с указанием индекса)	
Контактный телефон (раб., сот.)	
Адрес электронной почты	
Необходимость использования технических средств (если да, то какие)	
Участие (очное/заочное)	

* просим Вас соблюдать форму заявки: она будет обработана автоматически, и при изменении граф возможна задержка с отправкой сборника

Е.А. Таюрская г. Иркутск
Уголовно-правовая характеристика признаков объективной стороны
приведения в негодность транспортных средств или путей сообщения

Общественная опасность транспортных преступлений на сегодняшний день не подвергается сомнению. Наличие данной группы норм является исторически и социально обусловленными [1].

<...>

Список литературы и источников

1. Забавко Р.А. История развития законодательства об ответственности за технические преступления // Транспортное право. 2015. № 3. С. 18-21.

Научное издание

УГОЛОВНЫЙ ЗАКОН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ
И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Сборник материалов
межвузовской научно-практической конференции
(28 апреля 2017 г.)

Подписано в печать 26.05.2017

Усл. печ. л. 13,75

Тираж 50 экз.

Формат 60x84/16

Заказ № 27

НИиРИО ФГКОУ ВО «Восточно-Сибирский институт МВД России»,
ул. Лермонтова, 110